

Предисловие

Модест Петрович Мусоргский своим творчеством оказал большее, чем любой другой русский композитор, влияние на мировое музыкальное искусство. Его вклад в сокровищницу всечеловеческой культуры огромен и по достоинству оценен цивилизованным обществом. Мне довелось побывать во многих странах, петь на сценах крупнейших театров, и я убедился, что Мусоргский - самый почитаемый русский композитор. На нашей планете нет ни одного крупного музыкального театра, который бы не имел в своем репертуаре его опер. Столетие со дня смерти композитора было широко отмечено во многих странах. В Италии на сцене "Ла Скала" были поставлены оперы "Борис Годунов", "Хованщина", "Сорочинская ярмарка", "Женитьба". В Англии старейший в Европе театр Ковент-Гарден отметил свой 250-летний сезон оперой нашего земляка "Хованщина". Меня пригласили на роль Хованского, а остальные партии пели англичане, специально изучив для этих ролей русский язык. После спектакля рецензенты писали, что "в затаившем дыхании зале особенно чувствовались значительность и величие Мусоргского". Для музыки великого россиянина нет границ и языковых барьеров.

Мое знакомство с творчеством Мусоргского началось в детстве с пластинок. В консерватории любовь к композитору развил и укрепил педагог Василий Михайлович Луканин, который пел в операх Мусоргского на одной сцене с великим Шаляпиным. Много лет я осваивал партитуры Мусоргского и убедился, что только такой гений, как Шаляпин, смог открыть всю глубину психологии композитора. А мне Модест Петрович еще близок чисто по-человечески. Его доброта, сострадание к чужому горю, его бескорыстная и бескомпромиссная честность в жизни и искусстве поразительны.

Однако, чем больше отдаляется от нас эпоха Мусоргского, тем больше мы осознаем, сколько загадок таят в себе его жизнь и его творчество. Великий музыкант намного опережал свое время, но правы ли будем мы, думая, что теперь, в 80-е годы XX столетия, мы постигли его? Его философские и эстетические взгляды, понимание русской истории и души русского человека, образ музыкального мышления, прежде всего гармонического и оркестрового,- все это должно быть и будет объектом пристального внимания всех, кому дороги история и судьба отечественной культуры. И несомненно, что для постижения загадок, которые таятся в жизни и творчестве композитора, необходимо изучать истоки его жизни и творчества.

В 1977 году я впервые приехал к колыбели великой музыки - на родину Мусоргского и с тех пор по мере возможности стараюсь жить заботами музея, оказывать посильную помощь тем, кто стремится увековечить память великого музыканта.

Среди земляков композитора, кто не по должности, а по велению души собирает по крупицам неизвестные сведения о великом псковиче, особое место занимает журналист из Великих Лук Николай Степанович Новиков. После В. В. Стасова и В. Г. Каратыгина его можно смело назвать третьим биографом М. П. Мусоргского. Открытия, сделанные им в архивах, материалы, найденные в местах, где прошло детство композитора, сведения, полученные от потомков тех, кто его знал, и от людей, состоявших в родстве с ним, хотя бы в самом дальнем, я бы назвал сенсационными. Заполнено столько "белых пятен" в биографии гиганта русской музыки, что невольно задаешь себе вопрос: "Как же мы до сих

пор, не зная всего этого, судили о Мусоргском, исполняли его произведения?" В Великолукском архиве Н. С. Новиков обнаружил подлинную метрическую запись о рождении Модеста Петровича, документы о бракосочетании его деда и бабушки, отца и матери, открыл множество ветвей генеалогического дерева, исследовал историю фамилии, нашел местонахождение родовой усадьбы Мусоргских, установил прототипы персонажей композитора. Главные герои книги Н. Новикова "У истоков великой музыки" - сам композитор, его родные и близкие, земляки-крестьяне сел и деревень нескольких поколений, извлеченные из забвения благодаря обнаруженным в архиве рукописным книгам. Не забыл автор и наших современников, тех энтузиастов, кто создавал музей, а также исполнителей произведений Мусоргского. Очерки Н. С. Новикова преисполнены благоговения перед гениальным сыном русской земли и одинаково интересны и для историка, и для музыканта, и просто для всякого человека, которому дорого наше духовное наследие. А главную ответственность за судьбу всего, что связано с именем композитора, несем мы, его соотечественники, тем более что судьба была к нему несправедлива, во многом несправедлива и сейчас. Великий новатор Мусоргский зовет нас в будущее, как он писал: "Вперед, к новым берегам".

Евгений Нестеренко,

Герой Социалистического Труда,

народный артист СССР,

лауреат Ленинской премии, профессор

Тропа к Мусоргскому

В середине июля 1966 года, через неделю после выписки из больницы, я сошел с поезда на полустанке Жижица. Вдоль линии вплотную стояли вековые сосны, и я с наслаждением вдыхал холодный смолистый воздух, о котором так мечталось в душной больничной палате.

Поезд ушел, а я все стоял и не мог надышаться, пока не обратил на себя внимание дежурной. Ее, видимо, заинтересовал единственный пассажир без вещей, который никуда не спешил. Я спросил ее, как пройти в Карево.

- Вон в ту сторону,- махнула дежурная свернутым флажком.- Километров пять отсюда будет.

Когда я проходил мимо, она все-таки не удержалась и полюбопытствовала:

- А у вас там что, свои живут или дачу снимаете?

Я стал неуверенно объяснять про Мусоргского.

- Не-е-е, такие там не живут,- перебила железнодорожница и направилась к служебному домику.

От станции вела песчаная дорога, с островками незатоптанной травы, с чистыми лужицами после ночного дождя, которые надо было обходить стороной. Слева на взгорке увидел серую от старости деревянную двухэтажную школу, а через дорогу напротив - несколько опрятных домиков, без традиционных для деревни хлевов при них, но с яркими цветами в палисадниках. По всем приметам здесь жили учителя, и у меня мелькнула мысль поговорить с ними о Мусоргском. Но у домиков было тихо и безлюдно: время летних каникул.

Тогда я не мог допустить даже мысли, что в этой старенькой сельской школе ровно через два года произойдет событие, о котором узнают не только в нашей стране, но и за рубежом. Не ведали об этом и будущие виновники события - местные учителя.

Дорога все круче поднималась на взгорок, и дышать становилось труднее - утро мглистое, сырое, да и грудь еще стягивала тугая повязка. И опять, как накануне дома и в поезде по пути сюда, начали одолевать сомнения, которые еще больше подогрела станционная дежурная. Действительно, к кому и зачем я приехал? С больничного меня еще не выписали, в командировку сюда никто не отправлял...

Теперь, спустя два десятилетия, пытаюсь понять: почему тогда поехал в Карево? Может быть, какое-то высшее предопределение привело на тропу к Мусоргскому? Ведь все, что произошло дальше, в корне изменило мою жизнь!

Первый шаг к Мусоргскому был сделан в больнице. В Ленинград попал в надежде на чудо, которое, как говорили, совершал известный хирург, профессор военно-медицинской академии Иван Степанович Колесников. Он делал самые сложные операции на легких, многим сохранил жизнь и вернул здоровье. Но хирургические чудеса достаются нелегко. Мне и моим сопалатникам из разных концов страны пришлось лежать в больнице около года. Палата для нас стала домом, и невольно приходилось притираться друг к другу.

Соседу по койке, ленинградцу Борису Николаевичу Воробьеву, однажды принесли из дома проигрыватель с пластинками. Воробьев был истинный русский интеллигент: мягкий, деликатный, сострадающий слабому, за что любили его и больные, и персонал. Но музыку, которую он крутил каждый день, не очень-то одобряли. Слушал он классику, чаще всего

Бетховена и особенно его девятую симфонию. Наверное, в этой музыке было что-то близкое нашему состоянию, когда одна операция не помогла и надо было томительно ждать, пока снова повезут в операционную. Ждать, переживать и надеяться... Тревога, боль, надежда звучали в девятой симфонии, и это улавливали наши растревоженные души.

В большой коробке с пластинками был и Мусоргский - фрагменты из оперы "Борис Годунов". Об этом композиторе я слышал, мне нравился "Рассвет на Москва-реке" из "Хованщины", который в те годы часто исполняли по радио. Но сосед слушал другое: "Скорбит душа, какой-то страх невольный зловещим предчувствием сковал мне сердце".

М. П. Мусоргский. 1873г

Однажды Борис Николаевич положил передо мной книгу.

- Почитай, это ведь о твоём земляке.

Тогда я ухватил только некоторые штрихи биографии Мусоргского, которой ДО этого не знал вообще. И наверное, заинтересовала не музыка, а сложная жизнь композитора, а вернее что-то тревожное в его судьбе, созвучное моим больничным переживаниям. Тогда я и загадал: "Выйду из больницы живым, обязательно съезжу в Карево"... И вот теперь шел в эту деревню.

Поднявшись на взгорок, остановился, чтобы перевести дух. Стал оглядываться вокруг и невольно залюбовался. Вроде обычная картина: речка, петляющая по лугу, кудрявые лозовые кусты, копешки, дальний лес... Но что-то в этом пейзаже тронуло душу. Может быть, голубеющая над лесом полоска неба? Эта робкая голубизна как бы намекала, что летний день еще может разыграться. А может быть, источенная и подавленная больницей нервная система начала на природе оживать? Как хорошо и точно сказал об этом Бунин: "Во всяком выздоровлении бывает некое особенное утро, когда, проснувшись, чувствуешь наконец уже полностью ту простоту, будничность, которая и есть здоровье, возвратившееся обычное состояние, хотя и отличающееся от того, что было до болезни, какою-то новой опытностью, умудренностью".

С легкой душой, почти совсем заглушив сомнения, зашагал вниз. Перешел мостик, под которым в прозрачной воде струилась длинная осока. За речкой к дороге подступали старые березы. Сдержанный шелест их листьев внушал почтение к возрасту. И впервые подумалось: "А ведь по этой дороге, наверное, ездил Мусоргский!".

Дорога снова стала подниматься вверх. Там, на горе, стояло селение и выделялся высокий белокаменный дом. "Неужто Карево так близко?" - недоумевал я, ведь не прошел еще и двух километров.

Сзади затарахтела телега, я замедлил шаги и посторонился. На повозке с молочными бидонами сидела загорелая женщина и на мой вопрос с готовностью ответила: "На горе Наумово, а до Карева еще три километра, хотите - подвезу". Она подвинула к краю телеги охапку сена, и я устроился, прислонившись к бидону.

- Молоко собираю от жильцов,- словоохотливо продолжала женщина.- Тут, в Наумове, техникум сельскохозяйственный и дочка моя старшая учится.

- А о Мусоргском вы ничего не слышали?

- Слыхать-то слыхала, вроде бы барин в Карево такой жил, но точно не знаю и врать не буду, мы не тутошние. Вы к старикам Прокошенко сходите, они здесь испокон веку живут.

За разговором незаметно подъехали к деревне, Женщина натянула вожжи и указала вниз:

- Вон Карево, под горой, а первый дом к озеру - Прокошенко. Счастливо вам!

Я поднялся на вершину холма. Так вот оно, заветное Карево!

Никаких следов былой усадьбы, только серые избышки в два ряда по берегу озера. От холма к деревне петляла стежка. В низине, на зеленой отаве, паслось стадо. За пастбищем приземистая бревенчатая ферма с выгородкой из жердей. А дальше, по всему горизонту, раскинулось озеро, белесое, тусклое, с островами: ближними - зелеными, дальними - синими. Над озером и землей нависло серое небо. Я смотрел вокруг и чувствовал, как начинает сдавливать сердце. Может быть, именно в этот миг просыпалось первое чувство любви к Мусоргскому - той возвышенной любви, какая возникает у паломников к поэтам, художникам, музыкантам.

По тропинке спустился к Кареву. У крайнего дома озеро подкатило под самый огород. Калитка во двор была распахнута.

Карево. Стела в усадьбе Мусоргских

Постучал в дверь: раз, второй, третий - молчание. Обошел избу и заглянул в сад. Между усыхающими яблонями коренастый старик ворошил сено. Поздоровавшись, я стал объяснять, зачем приехал. Старик вытер рукавом лицо, кивнул на лавочку у колодца.

-Присаживайтесь.- И первый двинулся, опираясь на грабли и резко выкидывая протез. Я пошел следом, переживая, что оторвал инвалида от дела.

- Работа, чай, домашняя без указчиков, можно и Карево. Стела в усадьбе Мусоргских передохнуть,- подбодрил меня старик.- А прошлое вспомнить, вроде как в молодость возвратиться.

К колодцу семенила, позванивая пустыми ведрами, согбенная старушка. Голова ее была опущена к земле, но она каким-то образом узрела пришельца и приветливо поздоровалась. Не зная, кто я и зачем пожаловал, заговорила по-псковски, нараспев:

- А вы в избу-то, в избу заходите, я только корову подоила, щас молочка процежу - парное-то горазд пользительно.

Как велико радушие старых русских крестьян! Сколько раз приходилось бывать в глухих дальних деревнях, и всегда заезжего человека в дом пригласят, накормят, ночлег предложат, да еще и добрым словом обласкают. Правильно писал Василий Белов в книге "Лад": "...не приютить странника или нищего, не накормить приезжего издревле считалось грехом. Даже самые скупые хозяева под давлением общественной морали были вынуждены соблюдать обычай гостеприимства..."

Я взял у старушки ведра с водой, и мы втроем медленно двинулись к дому. В сенях, на кухне, в горнице вся мебель была старинная и такая же ветхая, как хозяева.

Старушка усадила за стол, поставила жбан с молоком, нарезала хлеба. Когда она села на лавку к печке и, сняв платок, прибрала в узел редкие седые волосы, я рассмотрел ее лицо: широкое, скуластое, почти без морщин и с такими же чистыми голубыми, как у мужа, глазами.

- Совсем меня хвороба скрутила,- пожаловалась старушка,- четвертое лето уже мучаюсь.

- Два сапога пара,- поддержал старик,- я уже третий десяток на одной ноге ковыляю, а ничего, бодрюсь.

- Да вы ешти, ешти,- потчевала хозяйка.

Каким-то чутьем, свойственным матерям, старушка уловила, что гость не по-летнему бледен, и спросила о здоровье. Я не стал скрывать и рассказал все о больнице. И наверное, недуги сблизили нас. Мы познакомились. Хозяина звали Алексеем Николаевичем, хозяйку - Александрой Ивановной. Я поинтересовался, почему у них украинская фамилия.

- Нет, украинцев у нас в роду не было,- сказал Алексей Николаевич.- Деда моего в деревне все называли Прокошей, а детей - Прокошенковы. Когда отец на службу пошел, так и назвался - Прокошенков, да писарь последнюю букву пропустил.

Старики вспоминали прошлое с удовольствием, перебивали друг друга, дополняли. Я узнал, что Алексей Николаевич всю жизнь крестьянствовал на этой земле: пахал, сеял, косил, лес рубил, строил. Перерыв делал только, когда призывали на службу. Участвовал он в трех войнах и в последней - в боях под Смоленском - потерял ногу. Вернулся домой на костылях с орденом Отечественной войны и солдатской медалью "За отвагу".

- Я всю жизнь в рядовых, и в колхозе и на войне,- заметил с улыбкой Алексей Николаевич,- а вот хозяйка у меня в командирах ходила.

Александра Ивановна еще до войны работала колхозным бригадиром, хотя в ту пору в деревне и мужиков хватало, А когда немцев прогнали, стала председателем.

- Ох, и лихо пришлось, бабы вместо коней впрягались, а девки и подростки за плугом. За семенами в Кунью по пятьдесят километров ходили, туда и обратно, с мешками на плечах. А зимой на лесозаготовках надрывались.

- Утомили мы гостя разговорами,- вмешался старик. Человек по делам приехал, а мы все про свое.

- И правда, вам ведь интересно про нашего барина послушать,- откликнулась Александра Ивановна.- Родитель мой, Иван Федорович, царство ему небесное, часто рассказывал, как Модест Петрович из Питера приезжал. В ту пору отец мальчонкой был и со своими товарищами бегал ворота открывать. А барин остановит кучера и всех конфетами наделит. Отец говорил, что он однажды мячик привез - первый раз тогда резиновый в деревне и увидели...

В то время я ничего не знал о жизни Мусоргского в Кареве. Не ведал и о том, что этот период неизвестен его биографам. Но рассказ стариков захватил: ведь их предки знали и видели живого Мусоргского! Я старался ничего не упустить, подробно записать все услышанное.

И когда вернулся домой, на одном дыхании написал о поездке в Карево. Очерк был напечатан в областной газете "Молодой ленинец" 25 августа 1966 года под заголовком "Листья живут одно лето". И теперь он является своеобразным документом.

"Когда я увидел запустение и заброшенность усадьбы, стало грустно и обидно. В местной газете ("Великолукской правде") была заметка. Автор умилялся, как хранят память о великом земляке, даже нафантазировал о яблоне, под которой сидел композитор, и как за ней ухаживают школьники, учащиеся техникума, местные жители. Неправда. Нет никакой яблони из сада Мусоргских, есть дички, примерно двадцати лет отроду. И никто не ухаживает за усадьбой. А в техникуме сказали в сердцах:

- У нас заведение сельскохозяйственное, композиторов не готовим.

В Великолукской музыкальной школе имени Мусоргского дружно посочувствовали: дескать, действительно родина композитора в забвении. Лет пять назад водрузили в Кареве камень под памятник - нелепую тумбу в загородке. Теперь там заросли крапивы и лебеды, куча камней и кирпича...

Каждый век на земле отмечен рождением талантов, и то великое и неповторимое, что оставляют они людям, живет в поколениях. И наверное, нас не поблагодарят потомки, если мы не сохраним клочок земли, где явился на свет гений музыки".

Теперь, когда я переписываю этот текст с пожелтевшей страницы газеты, многое воспринимается критически. Явно чувствуется натяжка для "красивого" заголовка с листьями, которые живут одно лето. Но почему я тогда взял под защиту этот уголок земли? Ведь два десятилетия назад не было "моды" писать об охране памятников. И на что я, как автор статьи, мог рассчитывать? В лучшем случае на то, чтобы подремонтировали нелепую тумбу в загородке и, может быть, посадили там цветы. Предложить что-то большее тогда я и не мог. Это сделали другие. Но вероятно, и публикация в газете сыграла свою роль.

Собиратели памяти

Через два года после моей поездки в Карево в печати появилось сообщение о том, что на родине М. П. Мусоргского открылся музей. Как писали в журнале "Музыкальная жизнь", он возник спустя почти девяносто лет после смерти композитора, в местах, где Мусоргский родился и провел детство. "Инициаторами его создания были учителя Жижицкой школы во главе с директором Алексеем Ивановичем Качновым, историком по специальности".

С Алексеем Ивановичем Качновым я много лет поддерживаю дружеские отношения, записываю его воспоминания. В одной из бесед попросил подробнее рассказать, как все-таки открыли музей. Алексей Иванович был откровенен.

- Признаюсь, совесть заела. Приезжали люди со всей страны, из-за границы, заходили в школу, спрашивали о Мусоргском. Однажды две пожилые москвички прямо-таки отчитали меня: "Стыдно вам - население даже не знает о Мусоргском, говорят, что жил здесь или генерал, или адмирал". Этим упреком они всю душу вывернули...

О том, как зарождался музей, рассказывали учителя, местные жители. Позже довелось услышать воспоминания москвичей и ленинградцев.

А началось все так. Летом 1967 года во время летних каникул А. И. Качнов специально попросил путевку в Сестрорецк, поближе к Ленинграду. В первый же день в городе на Неве, увидев вывеску, где было слово "музыка", он зашел в дом, спросил, с кем можно поговорить о композиторах. Ему указали кабинет. Прежде чем переступить порог, Алексей Иванович размышлял о том, как же ему представиться. А когда открыл дверь, неожиданно выпалил: "Здравствуйте, я - с родины Мусоргского!" Как и позднее не раз убеждался Качнов, слова эти обладали волшебным свойством. В Ленинградской Публичной библиотеке ему выделили отдельный кабинет, принесли охапку книг и журналов, помогли снять копии. В Театре оперы и балета имени Кирова приняли как родного, бесплатно снабдили интересными экспонатами и фотокопиями...

Домой Качнов возвращался окрыленный: ехал ни с чем, а вернулся с чемоданом и двумя сумками, набитыми до отказа книгами, фотографиями, документами о Мусоргском! По такому случаю собрали внеочередной педсовет и единогласно решили готовиться к открытию музея. Завуч школы Сергею Терентьевичу Богданову, литератору и человеку дотошному, поручили создавать экспозицию и назначили "летописцем", так как он уже пробовал свое перо, выступая на страницах местных газет.

Сергей Терентьевич родился в этих краях. Его отец и мать крестьянствовали, а сына мечтали видеть учителем. Но началась война, и в семнадцать лет Сергей ушел на фронт. Был радистом в артиллерии, не раз приходилось, как он говорил, "вызывать огонь на себя". Дважды был тяжело ранен и все-таки выжил, в Берлин вошел с рацией на спине. Домой вернулся с двумя орденами Красной Звезды, с медалями. Фронтовика сразу же приняли в Великолукский пединститут. А после учебы отправили работать в родные края, в Жижицкую среднюю школу. С 1951 года Сергей Терентьевич - завуч, а жена Валентина Григорьевна в той же школе - библиотекарь. Двое сыновей, как и отец, стали педагогами.

Богданов и Качнов создали в школе совет музея, в который вошли учителя Михаил Михайлович Васильев, Анатолий Петрович Вихров, Петр Федорович Борисенко, а также ученики-старшеклассники: Лена Бегунова, Наталья Карасева, Таня Прозорова (она позже

станет первой сотрудницей музея). Всем школьникам дали задание обойти близлежащие деревни, опросить и записать воспоминания жителей, кто что помнит о прошлом, собрать предметы крестьянского быта. Сергей Терентьевич вместе с ребятами написал более двухсот писем, установил связь с 38 музеями, театрами, архивами, библиотеками страны. А Качнов в это время хлопотал об открытии музея в районном центре. Первый секретарь райкома партии Олег Александрович Колосов сразу поддержал инициативу школы и посоветовал съездить в Москву.

- Еду я в столицу, а на душе кошки скребут,- вспоминал Алексей Иванович.- Думал, потрачу деньги и ничего не сделаю. За Ленинград с меня бы никто не спросил, за свой счет ездил...

В Москве Качнов обратился в Министерство культуры РСФСР, к заведующему отделом музеев. Там приняли сухо, даже разговаривать не захотели. Огорчился Алексей Иванович и хотел уже брать билет домой, но перед отъездом решил на всякий случай зайти в Музей музыкальной культуры имени Глинки. А там встретили радушно, предложили столько экспонатов, что Качнов поначалу опешил: впору грузовик заказывать. На прощание заведующая музеем Екатерина Николаевна Алексеева посоветовала:

- Вы обязательно в Союз композиторов обратитесь. Особенно к Шостаковичу, он большой поклонник Мусоргского.

В приемной Союза композиторов СССР Качнов опять произнес заветную фразу: "Я - с родины Мусоргского". Через минуту секретарша сказала:

- Товарищ Качнов, Тихон Николаевич Хренников ждет вас завтра в четырнадцать часов и для встречи специально пригласит Шостаковича и Свиридова.

На другой день Алексей Иванович в нетерпении пришел на час раньше. Был обеденный перерыв, и он присел в коридоре. Первым появился Хренников - степенно, по-хозяйски прошел в свой кабинет. Потом пришел Свиридов и, хотя не знал Качнова, поклонился ему, Точно в назначенное время подошел Шостакович, в черном костюме, с палочкой, как показалось Качнову - задумчиво-сосредоточенный.

В огромном кабинете все было, как обычно у начальства, только стоял большой рояль. Алексей Иванович подробно рассказал, почему решили создать музей и что уже успели сделать. Шостакович, слушавший с особым вниманием, откликнулся первый:

- Это прекрасное, благородное дело, мы вас поддержим!

Свиридов смотрел благожелательно и согласно кивал головой.

У меня предложение,- сказал Хренников,- направить к вам наших представителей. Когда для вас это удобно?

- Да хоть сейчас,- воскликнул Алексей Иванович.

- Значит, договорились. На той неделе к вам приедет старший консультант Союза композиторов СССР Григорий Иванович Восконян...

О встречах в Москве А. И. Качнов рассказал руководителям района, А через неделю, как и обещал Хренников, приехал московский представитель. Он осмотрел собранные экспонаты, побывал в Кареве, Наумове. И вскоре в школу пришла выписка из протокола заседания секретариата Союза композиторов СССР, на котором присутствовали Т. Хренников, Г. Свиридов, Р. Щедрин, А. Хачатурян... Вот этот исторический документ от 17 июня 1968 года:

"Горячо приветствовать решение Кунынского РК КПСС об открытии в Жижицкой средней школе первого в СССР музея М. П. Мусоргского. Передать в дар музею магнитофон, радиолу, пианино... Заказать за счет средств Музфонда СССР для музея копию портрета кисти Репина. Обратиться в правительство с просьбой принять решение об организации в доме матери композитора (Наумове) Всесоюзного дома-музея М. П. Мусоргского и выделении необходимых средств на реставрацию дома, оформление интерьеров, организацию композиции, об утверждении необходимого штата административных работников музея и выделении средств на содержание дома-музея".

Теперь все было готово для открытия экспозиции. В старом деревянном здании школы, где из-за недостатка помещений занимались в две смены, отвели под музей две лучшие классные комнаты. Стеллажи, макеты, рамки делали ученики и учителя. Строительными материалами обеспечили леспромхоз и совхоз "Наумовский". Все колхозы и совхозы Кунынского района перечислили школе по 100 рублей. И вот наступила торжественная дата - 29 июня 1968 года. В тот день на станции Жижица, расположившейся на 425-м километре от Москвы, впервые собралось так много людей. На всю округу звучала из мощных репродукторов музыка Мусоргского.

После митинга и концерта Алексей Иванович Качнов повел гостей к школе. Первым экскурсоводом нового музея стал Сергей Терентьевич Богданов.

На другой день об открытии музея сообщила "Правда", и в школу стали приходить письма и бандероли со всех концов страны. Присылали фотографии, ноты, книги, пластинки, картины, скульптуры, афиши... В развитии музея Мусоргского были заинтересованы люди разных профессий, возрастов, жители крупных городов и небольших поселков. Из школьного он становился поистине народным.

Энтузиазм земляков Мусоргского был отмечен на Всероссийском конкурсе школьных музеев, в котором участвовали 78 краев и областей, музею Жижицкой школы присудили диплом первой степени как победителю среди литературно-художественных музеев. Министерство культуры РСФСР наградило школу Почетной грамотой и пятью бесплатными путевками в Артек. "И как прекрасно и символично,- писал народный артист СССР Евгений Нестеренко,- что сам народ, осознав опасность утраты всего, что связано с рождением и детскими годами великого псковича, взялся за дело".

Все больше поклонников композитора из разных концов страны и из-за ее рубежей посещали "классы Мусоргского". В школьных комнатах становилось все теснее от новых экспонатов. С октября 1970 года школьный музей стал государственным, и заведовать им назначили Татьяну Семеновну Ермакову. Вскоре начали возводить и новое каменное здание школы. Когда состоялось новоселье, А. И. Качнов предложил выделить для экспозиции четыре классные комнаты. Правда, "квартировать" при школе музею не было смысла, даже если бы выделили половину здания. Лучшим местом для экспозиции было Карево, но там, как говорится,- ни кола ни двора. Конечно, можно построить дом, только какой? Ведь нет ни фотографий, ни чертежей, даже фундамента. В трех километрах от Карева находилось Наумово, по документам принадлежавшее деду композитора, Ивану Ивановичу Чирикову. Старая барская усадьба на счастье неплохо сохранилась, чудом уцелели почти в первозданном виде главный господский дом и другие постройки: флигель,

людская, кухня, амбар, кузница, оранжерея, парк с аллеями, круглая беседка, пруд с насыпным островом.

Для музея это был идеальный вариант, но как обойтись с хозяином территории - Наумовским сельскохозяйственным техникумом, который расположился здесь еще после гражданской войны? Директор техникума Александр Сергеевич Пархоменко приютил музей, хотя этим "рубил под собою сук" - надо было снести 39 построек, переселить 11 семей. Делать это, когда еще не началось строительство многоквартирного дома для педагогов и студенческого общежития, было нелегко. Однако Александр Сергеевич поступил не как хозяйчик, а как гражданин.

Первая экспозиция государственного музея разместилась в отремонтированном флигеле. Оформил ее на общественных началах главный художник Великолукского драмтеатра Артур Валентинович Алымов. Ему помогал осветитель театра Лев Жизневский. Восстановительные работы начались и в старинном парке. Недалеко от главного дома на поляне сохранился могучий дуб. Старожилы и специалисты-лесоводы говорили, что ему около четырехсот лет. Этот величавый свидетель многовековой истории усадьбы был смертельно болен. Лечить дуб-великан взялся преподаватель Великолукского сельскохозяйственного института Владимир Яковлевич Мамичев. Вместе со своими студентами он сделал удачную операцию дубу, и через год крона стала оживать.

К 140-летию Мусоргского готовились справить новоселье в главном доме. Все работы по реставрации велись по проекту архитектора Псковских реставрационных мастерских Веры Алексеевны Лебедевой, большого специалиста и энтузиаста. Вместе с реставраторами-профессионалами работали и местные мастера. Бригадой плотников руководил Михаил Александрович Жуков, настоящий русский мастер, талантливый умелец, самородок. Его дед Семен Жуков был плотником и строил этот дом в Наумове полтора века назад. Михаил Александрович, хранивший в памяти рассказы отца, говорил:

- Деревья раньше рубили в соку, давали им выстойку не меньше года, а потом уже обтесывали.

Действительно, когда дом разобрали, бревна оказались крепкими, и сменить пришлось только четыре нижних венца. При переборке дома обнаружили остатки обоев из разных комнат времен Мусоргского. Эта находка помогла, и позже на экспериментальной фабрике изготовили особые обои.

Когда дом перебрали, на смену плотникам приехали столяры из Псковских реставрационных мастерских. Бригада Михаила Ивановича Сапожникова кропотливо вытачивала и подгоняла рамы, двери, деревянные кружева для мансарды и балконов. Добросовестно выполнили свое дело и кровельщики. Штукатурные и малярные работы вела бригада Николая Егоровича Куценко, имевшая большой опыт по восстановлению ценных для истории построек. Бригада реставрировала Арсенал в Московском Кремле, дом Ганнибала в Пушкинском заповеднике, усадьбу Алтаевой-Ямщиковой в Логу.

- В музее Мусоргского работать было трудно,- рассказывал Николай Егорович.- Дом рубленый, нужно класть большой слой штукатурки, причем во всех комнатах разные карнизы, много декоративных поясков, а техники в нашем ремесле никакой - все вручную.

К чести псковских реставраторов и местных умельцев, работу они выполняли на совесть. Когда дом был готов, установили центральное отопление, радиаторы искусно упрятали в старинные кафельные печи и камины, облицованные изразцами девятнадцатого века, которые нашлись в одном старом барском доме. Дом деда композитора обрел прежний жилой вид.

Бригада местных плотников начала восстанавливать людскую, старый амбар. Михаил Александрович Жуков подрубил два венца, восстановил фундамент, подобрал замшелые камни, полы настелил на шипах, по старинке уложил на крыше восемь тысяч дранок. Советом и делом Жукову помогал плотник-пенсионер из соседней деревни Засиново Петр Иванович Бобров.

Заново оформляли и экспозицию. Привозили экспонаты из Москвы, Ленинграда, Пскова, Торопца... Ирина Николаевна Семенова, художественный руководитель Малого зала им. М. И. Глинки Ленинградской филармонии, подарила музею двести старинных книг по музыке и пятьдесят партитур. Белый рояль той эпохи передала по инициативе Евгения Нестеренко Софья Павловна Калужская - родственница профессора Ленинградской консерватории Василия Михайловича Луканина. Мать директора техникума - Фекла Ивановна Пархоменко отказала для людской доставшиеся ей от бабушки веретена, прялку, жбанки из бересты для кваса, расшитые полотенца...

К 140-летию со дня рождения М. П. Мусоргского состоялось открытие музея.

На усадьбе, посреди заснеженного парка, словно видение из девятнадцатого века, возвышался выкрашенный в желтый цвет дом с белыми колоннами, с мансардой, с балюстрадой. В комнатах - старинная мебель, цветы на подоконниках, на паркете светлые блики от окон. В большом зале белый рояль, раскрытые ноты... Первый в этом доме концерт открыл народный артист СССР Борис Тимофеевич Штоколов. Он спел монолог Бориса Годунова. О жизни и творчестве М. П. Мусоргского рассказала музыковед Центрального телевидения, заслуженный деятель искусств Светлана Викторовна Виноградова.

Позже на родине Мусоргского выступали известные всему миру музыканты Георгий Свиридов, Святослав Рихтер, Ирина Архипова, Евгений Нестеренко, Елена Образцова, Александр Ведерников, Виргилиус Норейка, Артур Эйзен, Бэла Руденко, Московский камерный хор под управлением профессора Владимира Николаевича Минина и дважды играл с большим успехом оркестр русских народных инструментов Гостелерадио СССР под управлением талантливого музыканта народного артиста СССР Николая Николаевича Некрасова.

Односельчане композитора

В Карево теперь я ездил и летом, и зимой, и весной, и осенью. Со стариками Прокошенко, можно сказать, породнился, постепенно знакомился и с другими жителями. Как-то летом художник Петр Константинович Дудко попросил показать ему эти места. Приехал он из Кисловодска по направлению, отработал положенный срок и остался, покоренный нашей природой, Петр исходил почти все окрестности Великих Лук, каждый день писал по два-три этюда и собирался порисовать на родине Мусоргского.

В середине лета мы приехали в Жижицу. День выдался знойный, безветренный, и, когда добрались до холма, одолела жажда. Я утешал попутчика, говорил, что скоро зайдем к Прокошенко и попьем кваску из погреба. Петр сомневался: "А удобно ли, я ведь с ними не знаком?"

Мы спустились к деревне, прошли в открытую калитку. Во дворе на чурбане сидел Алексей Николаевич и что-то тесал топором. Рядом на траве лежал костыль. Заметив мой удивленный взгляд, старик пояснил:

- Сорок лет на двух ногах бегал, тридцать годков на одной ковылял, а теперь вот на трех, и ничего, бодрюсь.

На крыльце появилась Александра Ивановна. Приставив ладонь к глазам, увидела нового человека и радостно засуетилась:

- Проходите в горницу, там прохладнее. Сейчас вас земляничкой с молоком угощу. А может, кваску хотите? Отдохните в холодке, потом обедать будем.

Художник удивлялся: старики бросили свои дела и захлопотали, стараясь сделать приятное чужим людям.

- В наших деревнях такого не встретишь,- признался Петр.

Когда мы отдохнули, пообедали, хозяйка убрала со стола и присела к прялке. Петр стал внимательно разглядывать это редкое теперь приспособление.

- Она у меня, сынок, старинная,- с охотой пояснила Александра Ивановна. - Ей поболее ста лет, еще бабка моя пряла. Помирать буду, музею откажу.

Старики, как всегда, принялись вспоминать, как много приходилось раньше работать, чтобы прокормить и одеть себя.

Старики Прокошенко

- Лен сеяли, теребили, на лугу под росу августовскую стлали, трепали,- говорил Алексей Николаевич.

- Потом пряли, мотки отбеливали - сначала с золой кипятили, после в озере полоскали,- продолжала Александра Ивановна.- Ткали для себя и на белье исподнее, и на наволочки, и на простыни. Для штанов и кафтанов - из шерстяных ниток. Тогда ведь тоже модничали - красную да зеленую нитку добавляли, чтобы покрасивее на праздник обрядиться.

- А праздники как справляли?- поинтересовался Петр.

- Мы, каревские, отмечали кроме рождества, пасхи, масленицы еще свои престольные.

Гостей много собиралось, родня из других деревень на своих лошадях приезжала.

Веселились все, а пили мало. По рюмке обнесут, а потом еду на стол подадут: вначале холодец, потом щи, кашу, а то и две гречневую да ячневую, кисель овсяный. А как поели, так и запели, У нас испокон веков петь любили: и за работой, и в праздники за столом, и на

гулянье на улице. На святки, бывало, ряженые ходили по домам, и опять же с песнями. Родитель мой и на гульбе первый, и в работе усердный был. Свое хозяйство исправно вел и в имении у барина подрабатывал. Двоюродный брат Мусоргского Сергей Николаевич Чириков встретит его, бывало, спросит: "Ну, Иванушка, ты мне клевер посеешь?" Добрый барин был и здоровался с крестьянами всегда первый. Шапку снимет: "Бог в помощь!". Вся порода их уважительная, с пониманием к нам, простым людям, относились.

Петр Константинович сидел, не шелохнувшись, ловил каждое слово стариков, а я заносил все интересное в блокнот. К моему "писарству" старики привыкли.

Уезжали из Карева поздно вечером. В поезде художник задумчиво говорил!

- Какие у них прекрасные лица. Целая эпоха в них. А доброта! Я их непременно буду писать...

Позже, на выставке этюдов Петра Дудко, я сделал выписку из книги отзывов: "Спасибо художнику, я будто побывал на родине Мусоргского в разные времена года. Очень понравились "Каревский холм", "Мостик", "Ветреный день", "Яблони". В. Оржешковский, инженер".

Сам же Петр был недоволен работами и не раз с горечью повторял: "Не звучит Мусоргский на холсте". Приезжали сюда художники из Москвы, Ленинграда, Пскова и тоже сетовали, что им трудно ухватить в пейзаже дух Мусоргского. Эту загадку пыталась объяснить музыковед Светлана Викторовна Виноградова, которая постоянно приезжает на родину Мусоргского с 1974 года, ведет здесь университет музыкальной культуры, собирает для музея экспонаты, приглашает в глубинку известных артистов.

После одного из концертов мы с нею стояли на холме рядом с Петром, который писал пейзаж.

Да, здесь не воскликнешь "как красиво!" - заметила Светлана Викторовна.- Посмотрите вокруг, ведь глазу негде задержаться: все, что может обнадежить, порадовать, приласкать - исключено. В этой природе тонкая пронзительная скорбность, как лицо богоматери на старых иконах - аскетичное, исплаканное. Это озеро, берег, лес, дальние деревеньки смотрятся только с сероватым небом, и яркие краски здесь не подходят - художнику надо владеть тончайшим письмом, таким же, как звукопись у Мусоргского...

От Светланы Викторовны я впервые услышал, что симфоническое вступление к "Борису Годунову" - "копия" картины этих мест. И позже, когда я слушал оперу, все больше убеждался в правоте ее слов.

Я продолжал знакомиться с земляками композитора, хорошо понимая, что делать это надо не затягивая. Почти каждый год в деревне прибавлялись дома без хозяев. По соседству с Прокошенко пустовала большая усадьба: дом с четырехскатной крышей, сарай, хлев, баня, яблоневый сад с ульями. И все брошено, открыто, как будто хозяева поспешно бежали от нашествия врагов или какой другой неминуемой беды. На двери только прутик вставлен в ржавый пробой. Тропка от калитки уже едва угадывалась: всюду буйные заросли крапивы, лебеды. Одно из окон дома наполовину задернуто занавеской, на подоконнике кружка, обметанная паутиной. А ведь когда-то здесь праздновали новоселье, плясали на свадьбе, кричали "горько" молодым, качали детей. Куда, в какие края, в поисках какого счастья разлетелись от родительского гнезда наследники потомственных рыбаков и крестьян,

односельчане композитора?

Я поделился этими мыслями со стариками Прокошенко. Алексей Николаевич вздохнул:

- Так уж водится - старое старится, молодое растет.- Сказал эту фразу и задумался, может быть, о том, что такая же судьба ждет и его усадьбу.

А вся деревня Карево, кто будет в ней жить? Ведь осталось только трое молодых. С ними я познакомился в разное время.

Однажды, одолев путь от станции, присел перед деревней на источенный временем камень у старой дороги. Слышал от стариков, что здесь обычно садились передохнуть странники и нищие, которых немало бродило по Руси. Над камнем раскинулся куст черемухи, как полог, а рядом родничок с чистой водой.

- Здравствуйте.

Я вздрогнул от неожиданности, услышав сзади голос. Девочка-подросток в коротком ситцевом платье, зеленоглазая, с веснушками-золотинками, появилась из кустов. В руках кружка с малиной.

- Таня?

Глаза ее округлились:

- А откуда вы узнали?

О Тане Гусевой не раз вспоминали Прокошенко: "Она для всех каревских стариков как внучка". Говорили о Тане мне и в школе, о том, что она помогает родителям, которые работают на ферме: отец - пастухом, мать - дояркой. Таня вместе с братом Сашей, восьмиклассником, ухаживала за группой коров, выполняла взрослую норму и при этом неплохо училась в школе. Я спросил у девочки, как она успевает учиться, работать да еще старикам помогать. Таня засмушалась и вместо ответа предложила:

- Хотите малины с молоком, сейчас мамка как раз корову подоила.

Дом Гусевых, обшитый тесом, покрашенный в зеленый цвет, стоит у пруда за усадьбой Мусоргских. Время было полуденное, и хозяйка, вернувшись с поля, процеживала молоко.

- Проходите в сени, в избе у нас полы выкрашены,- сказала Нина Константиновна.- Летом с огородом и сеном забот полон рот, а хочется, чтобы в доме порядок был. К нам в деревню теперь со всего света люди едут.

- Mam, я отнесу папке ягод,- сказала Таня.

Выпив молока, я тоже пошел с девочкой. На холме у озера паслось стадо. Под кустами в тени стоял Анатолий Николаевич Гусев в традиционной для пастухов позе - опершись на палку.

- Сильно жарко,- пожаловался пастух, когда мы поздоровались.- Всю траву пожгло нынче, приходится по кустам гонять скотину.

Как водится, поговорили о погоде, о деревенских заботах и вспомнили нашего знаменитого земляка.

- Я теперь о Мусоргском по радио и телевизору передачи не пропускаю. Сашку в музыкальную школу определил, баян ему купил,- говорил Гусев.- А вы что же, музыкой занимаетесь?

Всякий раз, когда я заводил в деревне беседу, люди спрашивали о моей жизни. В этом простодушном любопытстве была не только заинтересованность личностью собеседника, а

и свой расчет - за откровенность люди платили тем же, а потому приходилось исповедоваться. И уж коль мне выпало стать "экскурсоводом" по родным местам Мусоргского, есть смысл рассказать, как я пришел к музыке.

В Великих Луках, где я вырос, в годы моего детства не было музыкальной школы. За четыре года войны не слышали ни радио, ни патефона. Да и пели люди редко. Если и случались застои, то собирались в основном женщины и затягивали грустные "Рябинушку", "Шумел камыш", "Хазбулат удалой". А в кругу сверстников-пацанов в ходу были популярные мелодии в примитивной уличной обработке.

В первый раз я услышал настоящие лирические песни от девушек-зенитчиц, живших в соседней землянке. Пели они каждый день, так как бомбили наш город перед концом войны уже редко. Под трофейный перламутровый аккордеон звучали "Огонек", "В землянке", "Синий платочек"... Зенитчицам было около двадцати лет, и родом они были из Москвы. Эти концерты казались нам верхом совершенства, а сами девушки - в хромовых сапожках, в гимнастерках, туго перетянутых ремнями, в пилотках набекрень - воспринимались как представители неведомой красивой жизни.

С той поры к тем песням, к аккордеону так и осталось благоговейное отношение. Война окончилась, девушки уехали, правда не все, у землянки осталась могила со звездочкой: в последнюю бомбежку налетело около семидесяти вражеских бомбардировщиков и погибло много военных и железнодорожников.

На второй год после войны мы переехали из землянки в сборный финский домик. Наш поселок за эти домики прозвали "Финляндией", а жили в нем преимущественно железнодорожники. Пленные немцы, строившие соседние дома, работали без конвоя и заходили к новоселам. Встанет солдат у порога, заиграет на губной гармошке, и, хоть жили мы впроголодь, мать всегда делилась с музыкантом - то картофелиной, то оладьей из отрубей и жмыха.

А вскоре произошло радостное событие - на улице появились монтеры с крюками, поставили столбы, навесили провода, и в нашей квартире заговорило радио. Черную тарелку репродуктора повесили, как икону, на самом видном месте. Наверное, с радио все и началось! Помнится, с каким нетерпением ждал я, когда должны были транслировать оперу. Садился верхом на стул, чтобы быть ближе к "тарелке", и, замирая, слушал знакомые слова диктора Ольги Высоцкой: "Сегодня мы транслируем из Большого театра Союза ССР оперу Чайковского... Роли исполняют..." Звучали имена: Лемешев, Козловский, Пирогов...

С интересом слушал я симфоническую и инструментальную музыку, пианино, скрипку, виолончель, которых и в глаза-то не видел. Обычно домашние или друзья говорили: "Выключи, чтобы не брьюло".

К шестнадцати годам с помощью радио я знал арии из многих опер и старался распевать потихоньку; не дай бог услышат - засмеют. "Евгения Онегина" обожал больше других, помнил почти все партии, хоры, оркестровые вступления...

Но жизнь готовила мне другое. Отец, раненный в одну из бомбежек, с большим трудом устроил меня на железнодорожную станцию, где сам проработал почти сорок лет. Я был несовершеннолетний, и взяли меня на самую маленькую должность. Приходилось выметать балласт с платформ, очищать от навоза вагоны, в которых перевозили скот, долбить лед

для вагонов-холодильников. И за все это получал, в переводе на новые деньги, тридцать рублей в месяц, да еще минус подоходные и заем. Доучиваться пришлось в вечерней школе. На уроках всегда хотелось спать - даже больше, чем есть. Впрочем, такова была обычная жизнь нашего поколения...

До сих пор не могу понять, почему из всей нашей семьи, из всех друзей классическая музыка пленила только меня? Какая сила притягивала меня к ней? Я знал немало примеров, когда с детства прививают любовь к классике, отдают учиться в музыкальную школу, покупают дорогое пианино, водят на концерты, оперы, а воспитанник, став взрослым, начисто все забывает. И проживет человек, не понимая вечной музыки, созданной гениями...

Пока мы с Гусевым вспоминали военное детство, подошел второй пастух, Василий Кондратьевич Сенютин, и сердито заметил:

- Молодые нонче только и знают с магнитофоном ходить, птиц пугать! А вот кто будет коров пасти, когда мы помрем?

Сенютин был на пенсии, и каждое лето бригадир упрашивал его поработать еще сезон. На каревской ферме не хватало людей. Гусевы тянули за троих. Нине Константиновне помогала доить мать-пенсионерка, дети Саша и Таня, но все равно работала она без выходных и отпусков. Чтобы последняя доярка не ушла, Гусеву всячески в совхозе ублажали: к каждому празднику награждали Почетными грамотами, избрали депутатом районного Совета, даже в партию уговорили вступить и зачислили в члены райкома.

- Чины и звания эти мне ни к чему,- говорила Нина Константиновна,- лучше бы помощницу нашли да кормов побольше запасали, а то зимой коровы от голода ревут.

Кормов вокруг было вдоволь. Но опять же не хватало людей, особенно механизаторов, чтобы заготавливать сено и силос. В Кареве кроме Гусевых жила только одна работоспособная семья Изотовых. Их дом, недавно срубленный, стоял в самом поэтичном месте над озером во ржи. Хлебное поле окружало усадьбу и тянулось по берегу. В ветреные дни по ржи, как и по воде, перекатывались волны.

В этот дом в первый раз привел меня Виктор Изотов. В то лето он окончил десятилетку и остался работать в совхозе "Наумовский" трактористом, как и его отец. А мать ушла с фермы - отказали руки: типичная болезнь тех, кто много лет доил вручную.

Когда мы с Виктором вечером пришли в дом, Мария Степановна встретила нас немногословно:

- Давайте, мальцы, в баню - и за стол.

На Псковщине обращение "мальцы" применяют для мужчин любого возраста.

После ужина мы с Виктором поехали ловить рыбу на лодке, которую он сам мастерил с отцом. Я - на веслах, он - с удочкой. На открытом плесе разгулялись волны, подул сильный ветер и появились белые гребни. Лодку подкидывало, как на качелях. Виктор сел на мое место и приналег на весла. Я уже знал крутой нрав Жижицкого озера и боялся, как бы нас не угнало от берега. А Виктор переживал о другом:

- Такой ветрище, да еще с дождем, всю рожь примнет.- В его голосе звучала тревога потомственного хлебороба.

Когда добрались до берега, ливень внезапно прекратился. Небо стало расчищаться. Над холмом, где была усадьба Мусоргских, проклюнулась первая прозрачная звездочка, вскоре обозначилась вторая, ниже к озеру - третья.

Мы сидели на пороге теплой бани. Сумерки все сгущались, и теперь на небе отчетливо вырисовывался ковш Большой Медведицы. Ярко сияли и другие созвездия. Во ржи за баней кричал коростель, бухала о причал лодка - озеро постепенно успокаивалось.

Думалось о том, что когда-то эти же звуки слушал здесь Мусоргский.

Утром я проснулся от резкого женского голоса:

- Молоко несите!

За калиткой стояла телега с бидонами. Мать Виктора торопливо вышла из сеней с полной посудой.

День начинался погожий. Сверкала роса под солнцем, у озера в камышах курился туман, пели птицы. Возчица молока Мария Ивановна Сенютина предложила подвезти до станции. Дорога после дождя была мягкой, упругой, и лошадь игриво помахивала сидящей гривой. Я уже знал, что старую кобылу Шаклуху в Кареве особо почитали. На ней пахали огороды, возили дрова, сено, хлеб, молоко... Запрягали Шаклуху и когда провожали стариков к последнему пристанищу на кладбище в Пошивкино.

Когда мы ехали через деревню, Мария Ивановна рассказывала:

- В этой избушке живет Иван Петрович Лаптев - бобыль, а напротив - пенсионер из Ленинграда, летний житель, а там вон за пустырем - Татьяна Васильевна Никитина с сыном Сергеем - инвалидом...

С Сергеем, парнем лет двадцати пяти, я встречался не раз у Прокошенко. Он был душевнобольной, как говорили в деревне, убогий. Еще в первый мой приезд в Карево Сергей проявил интерес к новому человеку и после этого при каждой встрече с детским наивным восторгом делился своими радостями: "Сегодня я бобылю дров наколол, и он конфет дал". Сергей старался чем мог угодить старикам, носил воду, сено, дрова, вел с ними немудреную беседу. И старики радовались, что можно хоть с кем-то перемолвиться словом.

Мы миновали деревню и выехали на асфальтовое шоссе. Навстречу катил оранжевый комбайн. На мостике сидели Изотовы - отец и сын. Виктор помахал мне рукой. Солнце поднялось высоко над озером, и водная гладь нежно заголубела, оттеняя золотистое ржаное поле, на которое ехали убирать новый урожай потомственные каревские хлеборобы.

Встреча с "Борисом Годуновым"

Летом 1977 года мы познакомились с Евгением Нестеренко. Он приехал из Москвы провести на родине Мусоргского, где до сих пор не бывал, короткий отпуск, а я по пути в Карево заглянул в музей, чтобы переждать дождь. На улице посветлело, и я уже готовился уходить, когда на крыльце послышался шум: кто-то тщательно вытирал ноги. Дверь открылась, и вошел высокий мужчина в накинута на плечи вязаной куртке, в джинсах и "фирмовой" майке. Хозяйка музея представила меня как журналиста, интересующегося Мусоргским. Столичный артист выглядел необычно, и, наверное, недоумение как-то отразилось на моем лице.

- Извините за дачный вид,- пророкотал Нестеренко густым басом и, сняв очки, стал протирать стекла. Я увидел близко светлые глаза под припухшими веками - беззащитно кроткие, какие бывают часто у близоруких людей. Присмотревшись получше, заметил во взгляде еще и выражение мягкой грусти и усталости. Это совсем не вязалось с первым впечатлением, и я, чувствуя вину за свой поспешный вывод, признался, что в газете занимаюсь темой, далекой от музыки.

- А я ведь тоже не профессионал, прорабом на стройке работал и в консерватории учился,- сказал Нестеренко и улыбнулся открыто, с пониманием.

За окном снова зашумел дождь, как бы продлевая время нашей встречи. В тесной комнатке флигеля, заставленной музейной мебелью, по-домашнему потрескивали дрова в голландке, вспыхивали блики в рамках со старыми фотографиями. И этот домашний уют придавал беседе особую задушевность. Вышло так, что расспрашивал больше Нестеренко. Его заинтересовало, как я из агрономов попал в журналисты. Пришлось вспомнить юность, когда работал на железнодорожной станции и заболел туберкулезом. Врачи посоветовали учиться на пчеловода. Пасечником, правда, я не стал, но диплом агронома-садовода в Ленинграде получил. А в поисках лечебного климата занесло меня в Крым, и там решился испытать перо, к чему тяготел с детства.

Написал что-то вроде рассказа о работниках соседнего совхоза. По вечерам они собирали на плантациях листья табака и пели. Очерк "Песни в горах" напечатали в "Правде Украины", а в конце года мне присудили вторую республиканскую премию. Это и определило дальнейшую жизнь. Когда вернулся на родину, мне предложили место собственного корреспондента в редакции.

В беседе с Нестеренко выяснилось, что для нас обоих путь на сцену и в журналистику во многом определила тяга к искусству, любовь к одним и тем же писателям: Толстому, Чехову, Бунину... Оказались мы единомышленниками и во взгляде на главное предназначение человека, которое лучше и точнее всех выразил Некрасов: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". И наверное, все это сказалось на дальнейших наших отношениях.

В тот день дождь так и не утих до вечера, и мне пришлось заночевать в Наумове у "деда Феди". Федор Прокофьевич Белокуров жил с женой, как в сказке Пушкина, "у самого синего..." озера и тоже ловил рыбу, а старуха "пряла свою пряжу". С этими стариками познакомился и Нестеренко. Со своей семьей он приютился в небольшой комнатке рядом с музеем. А лето выдалось совсем не дачное: почти беспрерывно сыпал мелкий нудный

дождь, было холодно, и озеро, придавленное тяжелыми тучами, казалось суровым, неприветливым. Когда чуть прояснивало, москвичи спешили к озеру. Жена Нестеренко Екатерина Дмитриевна и сын Максим, семиклассник, увлекались рыбалкой и брали у Федора Прокофьевича лодку. А Евгений обычно оставался на берегу и слушал рассказы старика про былую и нынешнюю жизнь.

- У нас один пятачок на три области поеть,- растягивая по-местному слова, говорил дед, устроившись на лавочке под окном.

Усадьба в Наумове. Вид на озеро

Наумово, действительно, располагалось на границе, где сходились три исконно русские области: Псковская, Смоленская и Калининская.

- У нас, Явгений, кругом лес, вода да горушки, хлеб тут испокон века плохо родится: пашешь - плачешь, жнешь - скачешь, а молотить начнешь - одна мякина.

Из окошка выглядывала старуха и, как говорил дед, "встревала занозой" в разговор:

- Не гневи бога, дед, таперича хлеб готовый на автолавке возють по деревням.

- Возють-та возють,- сердился дед,- только нонче народ больше на солнышке бока греет, чем работает. Вон у нас в совхозе на одного пахаря семь укащиков.

- Ты, дед, как во хмелю,- что хошь, то и мелю,- не отставала старуха,

Федор Прокофьевич щурил свои белесые без ресниц веки и, кротко улыбаясь, оправдывался перед Нестеренко:

- Ты вникай, Явгений, баба как горшок, что ни влей, все кипит...

Для меня эта добродушная перепалка стариков была своеобразным спектаклем, рассчитанным на гостей. У Белокуровых я ночевал и раньше, знал, что люди они на редкость гостеприимные, бескорыстные. У них находили приют и рыбаки, и дачники, и случайные путники, оказавшиеся в этих краях, где не было ни гостиниц, ни другого казенного пристанища. Старики принимали всех непрошенных гостей, делились с ними своей немудреной крестьянской едой, как говорила бабка: "Чем бог послал - картошка в огороде своя, а горшок пустой у рыбака не бывает". И спать укладывали всех, кто бы ни приехал: в горнице, на веранде, на сеновале.

Усадьба в Наумове. Дуб-старожил

"Деда Федьку" в деревне считали чудаковатым балагуром и к его байкам относились несерьезно. А Нестеренко слушал старика с большим вниманием, расспрашивал подробности. Такое внимание льстило Федору Прокофьевичу, и он гордился дружбой с артистом, который "в телевизоре выступать".

Тогда я еще не догадывался, почему с таким интересом слушал Евгений дедову речь, которой мы, местные жители, в общем-то стесняемся. За нее над нами подтрунивают: "До Опоцки три верстоцки, не поспамши, не поемши, не поимши не дойдешь". А Нестеренко наслаждался этим живым языком родины Мусоргского. По-иному воспринимал он и байки старика. Позже Евгений напишет: "В Италии пришла в голову мысль - а не побеседовать ли Вам с Федором Прокофьевичем Белокуровым. Он много рассказывал о Мусоргском - это сказки, народные легенды, имеющие мало общего с действительной его жизнью, но это интересно. Существование в народном сознании легенд о Мусоргском, так же как о Пушкине, собранных в Пушкиногорском районе Семеном Степановичем Гейченко, очень

кстати".

Выдержка из письма несколько опередила последовательность изложения. А в то лето, несмотря на плохую погоду, Нестеренко много бродил по окрестностям, побывал в близлежащих деревнях, познакомился с жителями, в основном стариками. С легкой руки Федора Прокофьевича певца стали называть по-свойски: Евгений. Деревенские жители, чуткие на простоту и искренность, оценили общительную и деликатную натуру московского гостя, назвав его "душа-человек", как бы подтвердив тем звание народного артиста СССР, присвоенное за год до поездки сюда. А народный артист действительно был народным, запросто пел и в сельском клубе, и в техникуме, и в районном Доме культуры в Кунье, и даже на улице и в домах у крестьян. Нестеренко пел, когда просили, и не чванился. Особенно запомнился жителям ночной концерт в музее, который больше походил на старое домашнее музицирование. На старинных канделябрах зажгли свечи, Евгений тихо подошел к старому роялю, бережно открыл крышку и, подобрав тон, запел:

В тумане дремлет ночь,
Безмолвная звезда
Сквозь дымку облаков
Мерцает одиноко...

Окна в домике были отворены, из парка веяло теплом и ароматом свежескошенного сена. Трепетало пламя на свечах, шевелились легкие шторы, и голос певца звучал с особой проникновенностью. Казалось, эта музыка и эти слова рождаются здесь у всех на глазах:

Молча смотрю я
На воды глубокие
Тайны волшебные
Сердцем в них чуются...

За окном между темными кронами деревьев светлела озерная гладь. Кто знает, может быть, в такую же ночь у озера родилась в сознании композитора эта музыка?

Отпуск у Нестеренко закончился. Перед отъездом он обошел всех своих новых знакомых. Федор Прокофьевич преподнес ему лапти, которые специально сплел для своего друга, и, вручая их, сказал:

- Это тебе, Явгений. Нонче в Москве на их, говорят, спрос, будешь показывать и деда вспоминать...

А осенью сбылась моя мечта - послушать на сцене Большого театра "Бориса Годунова". За несколько дней до спектакля позвонила жена Нестеренко и сказала, что Евгений на гастролях в Италии, но просил пригласить на спектакль.

Вместе с сотрудниками музея мы полетели на самолете в столицу.

Погода в этот сентябрьский день в Москве выдалась будто по заказу: солнечно, тепло, зелень еще не тронута желтизной, обилие цветов. У Большого, как всегда, многолюдно, а в этот раз праздничная обстановка - 1 сентября 1978 года открывался 203-й сезон главного театра страны. От Столешникова переулка до знаменитых восьми колонн театра - живой людской коридор, и многие с надеждой спрашивают: "У вас нет лишнего?". К подъезду уже подходят счастливые обладатели билетов. Подъезжают автобусы "Интуриста", роскошные лимузины. По речи, по цвету кожи, по знакам на посольских машинах можно определить,

что сегодня здесь "все флаги в гости". Невольно охватывает гордость - все эти люди собрались на оперу нашего Мусоргского.

Проходим в вестибюль, мимо вежливо-строгих контролеров. У нас лучшие места в партере, и, пока ярко горят люстры, знакомимся с программой. В книжечке портрет композитора, биографическая справка: "Модест Петрович Мусоргский родился в усадьбе Карево Псковской губернии".

Подумать только, "Бориса Годунова" дают сегодня в 494-й раз! Полтора миллиона зрителей аплодировали Мусоргскому только в этих стенах. В Большом театре "Борис Годунов" был впервые поставлен в декабре 1888 года, через 14 лет после премьеры в Мариинке.

Непревзойденный Борис, Федор Иванович Шаляпин, вспоминал: "Борис Годунов до того нравился мне, что, не ограничиваясь изучением своей роли, я пел всю оперу".

И в этот раз выступали известные певцы: Ирина Архипова, Александр Ведерников, Артур Эйзен... А в самой главной роли - "наш" Евгений Нестеренко... Оперу слушали миллионы людей, трансляция шла по первой программе Всесоюзного радио и еще на 90 стран мира.

Раздается последний звонок. Свет в хрустальных люстрах медленно угасает, и огромный многоярусный зал погружается в темноту. Приглушенный шорох, покашливание напоминают, что в театре собрались почти три тысячи зрителей. Луч света падает на пульт, где уже стоит дирижер Лазарев. Когда-то здесь стоял Сергей Рахманинов! Снизу вверх катится волна аплодисментов. Дирижер поднимает палочку, и звучит оркестр. Что-то знакомое, родное, похожее на протяжную песню. Только тревога слышится в мелодии.

Во второй картине, после перезвона колоколов, на сцену выходит Борис. Звучит знакомый монолог царя:

- Скорбит душа! Какой-то страх невольный зловещим предчувствием сковал мне сердце...

Опера уже делает свое - вытесняет легкомысленную суетность, берет за живое, и начинаешь сопереживать тому, что происходит на сцене.

А после спектакля нас проводят в святая святых - за кулисы. Впервые оказавшись по ту сторону сцены, поражаешься: здесь почти такое же огромное пространство, как в зрительном зале. Помещение напоминает цех современного завода: краны, приспособления, электрокары. Работник театра поясняет:

- Эти колокола настоящие, с московских и суздальских храмов. Костюмы актеров, исполняющих роли священнослужителей, тоже подлинные.

Проходим мимо целой галереи гримерных и слышим: "Здесь готовился к выступлениям Шаляпин, там - Собинов, Лемешев...".

Гримерная Нестеренко небольшая, с пианино. Евгений сидит у зеркала, уже без бороды, без кафтана, но еще в сапогах и атласных царских шароварах. Женщина в белом халате помогает снимать грим. Заметив нас, певец поднимается навстречу, засыпает вопросами:

- Что нового в Наумове, Кареве? Как здоровье Федора Прокофьевича?

Замечаю на стене портреты Мусоргского, Шаляпина. В гримерную заходят артисты, успевшие переодеться, и Нестеренко представляет нас: "Земляки Мусоргского". Приятно, что известные певцы с интересом расспрашивают о наших краях.

Суета за кулисами утихает, гаснет свет.

- Едемте ко мне домой,- предлагает Нестеренко,- там обо всем спокойно поговорим. На наше возражение, что уже поздно и после такой нагрузки певцу нужно отдохнуть, он отвечает:

- После Бориса до утра глаз не сомкну. Надо прийти в себя, ожить, ведь нагрузка на психику колоссальная. Кстати, недавно узнал интересный факт. Иван Петрович Павлов, впервые услышав "Бориса Годунова", сказал, что в сцене смерти Бориса дана точная клиническая картина смерти от грудной жабы, то есть стенокардии.

Я спросил, сколько раз приходилось Нестеренко умирать на сцене.

- Не считал, но много: в "Борисе Годунове", в "Хованщине", в "Иване Сусанине", в "Мазепе"... Однажды мы выступали в Нью-Йорке, в знаменитой "Метрополитен-опера". Собралось более четырех тысяч американцев. А "Бориса" давали на русском языке. Мы все волновались - существовала преграда не только в языке, но и в смысле каждой фразы, в подтексте, хорошо понятном, когда знаешь русскую историю. А в зале - люди иной культуры, социального развития. И вот звучит оркестр. Первая прологовая картина, вторая, третья. И вдруг - буря аплодисментов. Поняли американцы! Значит, для музыки Мусоргского границ не существует,- увлеченно рассказывал Нестеренко.

Садимся в знакомые "Жигули", на которых Евгений колесил по Псковщине. В машине тесно, мы держим на коленях охапки цветов.

В квартире Нестеренко много книг, пластинок, картин, сувениров из разных стран. В кабинете - фотографии оперных театров, где не раз выступал певец. Заметив, что я с интересом рассматриваю их, Евгений стал пояснять.

- Это "Колон", театр в Буэнос-Айресе - один из самых вместительных в мире, больше трех с половиной тысяч зрителей. С огромной, как в Большом театре, сценой. А это знаменитый миланский "Ла Скала" - здесь лучшая акустика. До реставрации и в ленинградском Кировском акустика была удивительная. А это Венская опера - петь здесь наслаждение, публика музыкально грамотная, чуткая, благодарная, Мусоргского особо ценит.

Я спросил у Нестеренко, почему он написал на своем портрете для музея такие слова: "Ничего не знаю выше музыки Мусоргского, счастлив, что пою ее".

- Ни один наш композитор, пожалуй, не почитается в мире так, как Мусоргский. В искусстве ценятся новаторы. Из отечественных композиторов для заграничного слушателя он самый русский, да к тому же, как говорит Моцарт у Пушкина: "Он же гений..." Его творчество оказало огромное влияние и на отечественную, и на зарубежную музыку.

Евгений вышел из кабинета, а через минуту вернулся и, весело потирая руки, произнес:

- Как на Руси говорят, "соловья баснями не кормят". Пора перекусить.

Пока мы беседовали в кабинете, Екатерина Дмитриевна не только накрыла стол, но и умело разместила в вазах охапки цветов.

За столом разговор опять зашел о родине Мусоргского. С дотошностью Нестеренко расспрашивал о музейных делах, о поисках новых экспонатов. Еще в первую встречу в Наумове я понял, что Евгений знает о Мусоргском больше, чем работники музея. И сейчас он говорил о том, что надо не только собрать и расставить вещи, но вдохнуть в них жизнь, изучить неизвестный в литературе псковский период. Евгений назвал имена тех, кто писал о Мусоргском, и с особым уважением говорил о Каратыгине.

- Вячеслава Гавриловича нужно почитать как основателя музея, ведь он первый из музыковедов побывал на родине композитора, собрал разные сведения, документы, сделал снимки...

Наверное, Евгений уловил в моих глазах растерянность (я впервые слышал эту фамилию) и перевел разговор на другое. Каково же было мое удивление, когда после поездки в Москву я получил письмо, где Нестеренко на нескольких страницах переписал статью Каратыгина из редкой книги: "Мне кажется, эти выписки будут любопытны для Вас",- писал он. Оценив эту высшую деликатность артиста, я засел в библиотеке.

Перечитал почти всю литературу о Мусоргском и пришел к любопытным выводам. Оказалось, что первый биографический очерк о композиторе написал Владимир Васильевич Стасов. Во вступлении он сетовал, что наше отечество "скудно сведениями о самых выдающихся по таланту и творчеству сынах своих, как ни одна земля в Европе". И сам же объяснял: "Сначала тянут и медлят, потом окончательно забывают, а позже не остается никакой возможности собрать не только устные какие-нибудь рассказы, но даже письма того исторического русского человека, который, наверное, заслуживал бы лучшей участи. Какая печальная система, какая недостойная привычка! Мне было бы слишком больно, чтоб подобное случилось и с Мусоргским, которого я знал в продолжение почти четверти столетия и у которого привык давно ценить и глубоко уважать не только крупный, оригинальный талант, но и всю прекрасную, светлую личность. Поэтому я постарался собрать от родственников, друзей и знакомых Мусоргского все доступные в настоящее время изустные и письменные материалы, касающиеся этого замечательного человека..."

Стасов выполнил благороднейшую работу, собрав различные материалы. В бумагах Мусоргского он обнаружил "Автобиографическую записку", составленную Модестом Петровичем незадолго до смерти, которая и стала основой биографии. Стасов написал письмо Филарету Петровичу Мусоргскому, и старший брат композитора ответил на десять его вопросов - это второй важный документ. Однако, если судить меркой сегодняшнего дня, то и Стасова можно упрекнуть его же словами "тянут и медлят", так как за четверть века дружбы с Мусоргским он не узнал ничего о родных местах композитора, о его родословной и даже о родителях, о няне, о первой учительнице музыки...

Это пытался сделать второй биограф, Вячеслав Гаврилович Каратыгин - музыковед, литератор, композитор, профессор Петербургской консерватории. В 1910 году он поехал на родину композитора. "Объезжая родственников Мусоргского, я непременно хотел разыскать портреты отца и матери композитора,- писал Каратыгин,- к сожалению, эти поиски не увенчались ни малейшим успехом". И опять же сегодня непонятно: почему Вячеслав Гаврилович не обратился к племяннику композитора Георгию Филаретовичу Мусоргскому, у которого хранились семейный альбом и другие реликвии?

"По отношению к Мусоргскому невозможно сомневаться, что в развитии его глубокого почвенного реализма и национализма сыграли огромную роль годы его детства, сплошь протекшего среди широких просторов псковской деревни, среди ее живописной природы, ее обширных полей, лугов, озер, лесных чащ, среди сельского крестьянства",- писал Каратыгин. Этому же мнения придерживались Стасов и все последующие биографы. Но, как ни парадоксально, конкретно родине Мусоргского в его родословной отводилось всего

несколько строк... Даже в изданиях по 700 - 800 страниц наиважнейший в биографии композитора период детства уместался в один абзац. Никто из авторов не называл прототипов персонажей произведений Мусоргского, не сообщал о его более поздних поездках на родину. В тайне держал все это сам композитор. Можно ли было теперь разгадать эту загадку?

Когда я написал об односельчанах Мусоргского и отправил вырезки из "Псковской правды" Евгению Нестеренко, он сразу же откликнулся: "Хорошо, что Вы описываете жителей этих мест, ведь и природа, и среда питали интеллект и дух композитора. Все собранные от людей сведения храните - это бесценные свидетельства, они потом будут использоваться многими исследователями жизни и творчества Мусоргского, и важна очень высокая их документальная точность... Хорошая идея не дать исчезнуть Кареву с лица земли".

Летопись земляков

Из очерков В. Г. Каратыгина я узнал единственную из фамилий прежних жителей Карева: "Старый дом, в котором братья родились и прожили юные годы, не сохранился. Но новый дом - им и всем имением в позднейшее время владел А. А. Бардин - выстроен на том же косогоре, даже материал стройки не весь новый, а с примесью бревен из старой усадьбы. Один из флигелей старого дома сохранился целиком и перенесен на новое место..."

Особый интерес вызывали эти строки: "Предполагать, как это я слышал в Кареве, что в этом самом флигеле родился М. П., конечно, можно, но никаких положительных доказательств тому, что событие 9 марта 1839 года произошло именно здесь, а не в центральном доме или другом флигеле - и тот, и другой ныне не существуют,- привести никто не может. Во всяком случае, стены убогого строения, обнесенного частоколом, были свидетелями ранних лет жизни М. П. Этого - не правда ли?- достаточно, чтобы почтить невзрачный домик фотографической съемкой, что мною и было выполнено".

Эта фотография, сделанная Вячеславом Гавриловичем, печаталась и печатается почти во всех биографических изданиях о Мусоргском. И понятно, что больше всего меня заинтересовала судьба флигеля и его хозяев - Бардиных. Но кто же мог навести на их след? Как всегда, я поехал к Прокошенко. После радушной встречи начались расспросы о житье-бытье. А мне не терпелось поскорее узнать о своем.

- Флигель этот стоял до тридцатых годов,- вспоминала Александра Ивановна.- А когда Бардиных раскулачили и выслали, все постройки, кажись, разобрали.

- Нет, мать, во флигеле сначала школа размещалась - четырехлетка,- поправил Алексей Николаевич.

- Так-так,- согласилась старушка,- потом ее в Кадосно перевезли - она и поныне там стоит.

- А Бардины, остался из них кто живой?

- А как же,- отозвалась Александра Ивановна.

- Где же они, в Сибири?

- Не-е-е, Мишка в Асташове живет,- ответил старик.

- А сколько ему лет?

- Да подитко ровесник мой, а може, чуток и постарше...

Я отказался от обеда, не стал даже выглядывать попутку и заторопился в Асташово.

Как и толковали старики, в километре от асфальтовой дороги показался крайний домик деревни. Заморосил дождь, и я прибавил шаг. У избышки старуха снимала с частокола глиняные жбаны и на мой вопрос ответила:

- Вон там, на горюшке, Бардины.

Пройдя метров двести, увидел, что из-за леса выступил еще один дом. В какой же идти? К одному вела дорожка, ко второму - едва приметная тропка в высокой траве, а меня и так вымочило. В нерешительности оглянулся назад - старушка наблюдала за мной и махнула, чтобы брал правее. Пока пробирался по тропе, промок до нитки, но на усадьбе Бардиных невольно остановился, пораженный необыкновенной красотой. Высокий бревенчатый дом приветливо смотрел широкими окнами с голубыми наличниками. С одной стороны ржаное поле упиралось в сосновый бор, с другой - старый сад с ромашками и колокольчиками между яблонь. До сих пор стоит перед глазами эта картина, и иной раз задумываешься,

почему люди бегут из деревень, чего ищут, куда стремятся? Казалось бы, для работы, для счастья разве не достаточно такого уединенного уголка?

На высоком крыльце стояло старое деревянное кресло, и я не удержался - присел и залюбовался открывшейся далью: к усадебному пейзажу добавились уходящее до горизонта озеро, лес, деревни.

В сенях послышался шорох. Я поспешил встать. Дверь распахнула старушка в низко повязанном, как у монашек, темном платке, пригласила:

- Проходите смелее.

В горнице у окна в таком же, как на крыльце, кресле сидел старик в валенках, в душегрейке, опершись руками на костыль.

Я стал объяснять, зачем потревожил.

- Благодарствуем, что зашли, у деда уже два года как ноги отнялись, сидит скучает - весь мир для него у окна и на крыльце,- сказала хозяйка.

Старики охотнее всего говорят о болезнях и с удовольствием вспоминают прошлое. Это и понятно - в старости одолевают хвори, а пора молодости, какая бы трудная ни была, кажется счастливой. И Бардины увлеченно заговорили о минувшем. Старик был внуком того Бардина, который приобрел усадьбу Мусоргских. Я записал рассказ Михаила Григорьевича без изменений. Его дед Александр Александрович жил на острове с четырьмя сыновьями: Алексеем, Александром, Иваном и Григорием. Дед крестьянствовал: хлеб пахал, скот держал, имел свой невод. Когда Мусоргские разорились, имение было заложено в банк и продано с молотка, барский дом с мебелью неизвестно кто купил на вывоз, а землю и старые постройки в складчину приобрели крестьяне с острова. Деду Бардина достался флигель, и в нем жили все под одной крышей. Сыновья женились, появлялись дети. В этом доме родился в 1897 году и Михаил Григорьевич. Становилось все теснее, а чтобы строиться, нужны были деньги. Дед нанялся ухаживать за садом в Наумове. Чириковы взяли его за честность. "Помню, невестки деда и моя мать ходили собирать яблоки в господском саду и дед их обыскивал, чтобы яблочка не унесли. А зачем им было чужое брать - в Кареве большой сад от Мусоргских остался",- говорил Михаил Григорьевич. Все Бардины рыбачили - держали невод. Имели три лодки: одну, поменьше, под рыбу, две большие тесовые - для невода. Ходили на веслах. Когда рыба хорошо шла, нанимали в помощь мужиков из Белавина и Кузьмихина. С десяти лет ходил на озеро и Михаил Григорьевич. Самый большой улов был в 1912 году - десять возов одних судаков. Всю рыбу забирали еврей-купцы из Торопца. Когда накопили денег, построили еще три дома. "Стали делиться, каждый хотел остаться в старом флигеле. Бабушка рассудила: "Кидайте жребий"",- вспоминал Бардин. Флигель достался Алексею Александровичу - дяде. Это его имя и указывал Каратыгин.

Меня больше интересовали усадьба Мусоргских и флигель, и я попросил Михаила Григорьевича рассказать об этом подробнее.

- Флигель был большой, на две половины. Одна холодная - мы в ней летом кубаны с молоком хранили, а вторая - с печкой. Дом стоял не на фундаменте, а на сваях, но зато было два пола для тепла. Сваи высокие - овцы под домом прятались. Крыша из драницы. Под окнами со стороны озера - сирень. А сзади - пруд с ивами. Когда отец его чистил и

спускал воду, я решетом карасей ловил. А ил весь на ниву вывозили - пшеница потом стеной росла. Сад большой, тянулся до озера. Дед говорил, что отец Мусоргского пчел держал, и еще говорил, что флигель в Кареве старый, его еще дед Мусоргского строил. Он и теперь стоит в Кадосно.

В этот же день я отправился в Кадосно. Этот поселок, где живут рабочие щебеночного карьера, отличался от обычных деревень. Несколько обшарпанных бараков, и вокруг запустение, ни деревца, ни цветочка - люди живут, как на вокзале. У самой дороги на взгорке большой деревянный дом школы. Даже издали он выглядел древним старцем. С почтением гладил я седые бревна, бархатистые на ощупь, срубленные еще во времена Екатерины II.

О встрече с Бардиным я написал Нестеренко, а когда он приехал в отпуск, мы поехали в Асташово на его "Жигулях". День в этот раз был солнечный, встреча с хозяевами состоялась во дворе. Евгений привез копию фотографии флигеля, и мы показали ее Бардину. Старик долго всматривался в изображение, потом заморгал глазами, зашмыгал носом и глухо произнес:

- Наш дом...

"Кто знает, быть может, в этом же флигеле мать давала Модесту первые уроки фортепьянной игры",- писал Каратыгин.

Значит, надо хранить эту постройку как реликвию!

От Бардина я узнал, что в Засинове живет его старшая сестра Татьяна Григорьевна, в замужестве Сергеева. Обстоятельства сложились так, что в эту деревню я смог попасть только через полгода, уже зимой. Путь оказался неблизкий, а тут еще поднялась метель. Долго пришлось буксовать по сугробам, но я уже привык, что на тропе к Мусоргскому возникали какие-то препятствия.

В свои восемьдесят восемь лет Татьяна Григорьевна сохранила удивительную память и говорила складно, образно. Когда я похвалил старушку, она с радостью отозвалась:

- Три зимы в Пошивкино в церковноприходскую школу бегала. Жалко, что там больше не учили, к учебе я сильно была охоча. А грамотных тогда мало было - в японскую войну ко мне солдатики письма приходили писать. Многие тогда погибли под Мукденom - в ту войну людей тоже как траву косой клали...

Я записывал все, что вспоминала Татьяна Григорьевна.

- Я не люблю вранья: в какой-то газете написали, что усадьба Мусоргских сгорела. Это неправда, и отец и дед говорили, что в Кареве никогда даже баня не горела. Мой дед по матери Прокофий Васильевич жил в имении, знал отца Мусоргского и говорил, что господа в Кареве жили мало - главное их имение находилось в Полутине около Старой Торопы. От отца я слышала, что Карево барин проиграл в карты. Дом, мебель, землю продали с торгов. Усадьбу купила компания с острова, среди покупателей был и мой дед по отцу Александр Александрович Бардин. В доме никакой барской мебели уже не было, а мы завели все крестьянское: стол, лавки, полати. Обедали в большой комнате. Каждый раз два стола отводили - семья-то больше двадцати ртов. Сначала мужиков кормили, потом женщин и ребятишек. Чугуны ставили двухведерные: варили супы, каши, кисели, чаще всего рыбу. В пост скоромного в рот не брали. Квас всегда был яблочный. В саду яблони росли вековые,

старые, еще от Мусоргских. Груша одна - ствол вдвоем не обхватить, плоды наливные, медовые. Сад господский вымирал, и дед новые деревья подсаживал. К старости он рыбой не занимался, а заведовал садом у Чириковых. И ночевал все лето там, в Наумове, в белой беседке, где яблоки хранились. Я ему белье чистое туда носила и еду - бабушка посылала. Прибегу из Карева, подлезу под забор, а барин увидит и кричит в сад: "Александр, к тебе внучка пожаловала". Всегда чем-нибудь Угощал. Наумовскую усадьбу, где теперь музей, я хорошо помню. Дом сейчас после ремонта точно такой, как и при господах был. Сад на том же месте, на горе. А от ворот направо был конный двор, изба для кучера. В каретном сарае колясок стояло много, и все под чехлами. Лошади были выездные и рабочие. Те, что на выезд, красивые: вороные и в яблоках. Мой дядя был кучером. Когда коляску господам подавал, обязательно вокруг клумбы объедет, перед парадным крыльцом. Эта клумба теперь такая же, как и раньше.

Я разыскивал "летописцев" земли Мусоргского, а иногда и они сами искали меня. Однажды позвонила Женщина:

-У меня есть фотографии и письма Чириковых. Я их предлагала музею еще года три назад, но они только посуду забрали, обещали приехать, да, видно, забыли.

Мы встретились с Валентиной Михайловной Чердыковой, преподавательницей литературы, и она передала то, что досталось от матери: старые письма и фотографии людей, среди которых, как позже выяснилось, были родственники композитора. Валентина Михайловна стала помогать в поисках и вскоре сообщила, что в больнице вместе с ее мужем лежит "старичок, который многое знает".

Василий Степанович Лещин при встрече был смущен тем, что им заинтересовался журналист, но потом разговорился и поведал немало интересного.

Предки Лещина жили на острове вместе с Бардиными. Прадед арендовал землю у Чириковых.

- Дед рассказывал, что пришли "на пень" и пришлось корчевать, выжигать лес,- вспоминал Василий Степанович,- а потом сеяли рожь, яровую пшеницу, ячмень, горох, гречиху, лен. Кроме земли, уже при Сергее Николаевиче Чирикове, взяли в аренду часть озера. И за воду, и за землю платили в год по 25 рублей. Отец и мать с бреднем ходили, дети помогали, а нас было восемь душ. Мать от холодной воды ноги застудила, и все зубы выпали еще у молодой. Барин ей при встрече говорил: "Здорово, Степаниха, ты чего зубы не вставляешь?". "Степаниха" - это по отцу, его Степаном Макаровичем звали. Чириков был с крестьянами обходительный, но скупой, каждой копейке счет знал. Бывало, отец пойдет к нему просить дров или сена - у нас леса и сенокоса не было,- и если в хорошей одежде, барин говорит: "Степан, ты хорошо живешь, можешь и сам купить". А оденется во что попало, барин не отказывает. У Чириковых было больше всех воды - пятая часть озера. Сергей Николаевич дал церкви одну тоню, участок озера для ловли рыбы и остров Кромешный, потому что наш приход был очень бедный. Сыновья дьячка Бабинина были хорошие мастера. Однажды выпросили у Чирикова лес и срубили точно такой дом, как в Наумове у господ, и с балконом, и с колоннами, только размерами поменьше. А старик Бабинин любил выпить - кабак был в деревне Федешино, и он туда все ходил украдкой...

Лещин рассказал, как он учился один год в церковноприходской школе у батюшки Ивана Ивановича Ветошкина. Церковь была каменная, крест на ней позолоченный, купол из жести под зеленой краской. Видел он и семейный склеп Чириковых - сверху из белого камня, внизу гробы оцинкованные. В тридцатые годы, когда церковь рушили, склеп и дом Бабининых сломали. А в Наумове усадьба уцелела только потому, что еще до гражданской войны там латыши коммуны создали. Все поместье при Чириковых было обнесено забором - снизу доски, вверху оцинкованная проволока. Оранжерея была большая, и цветов круглый год много. Цветоводством занимался латыш Густав Карлович. Помнил Лещин и о том, как Бардин садом заведовал:

- Мы, крестьяне, тем, кто прислуживал в имении, не завидовали. Я сам видел, как Бардин спину гнул, помогал старой барыне ноги ставить, когда та в карету садилась,- толстая она была. А молодые барышни вволю не ели - талию соблюдали и верхом часто ездили. Из нашей деревни подрабатывать ходила в усадьбу Матрена Осиповна, тетка моя. А мой дед часто повторял: "Бойся попа расстриженного и холопа, на волю спущенного". Дед еще при крепостном праве жил, знал, что холопы чаще всего ябедничали, да и спину крестьянину не господа, а они драли. Не зря в народе говорят: "Из грязи - в князи..."

Однажды после концерта в день рождения Мусоргского ко мне подошел пенсионер Иосиф Петрович Ершов и преподнес необычный подарок - свой дневник, где в двух тетрадях он описал, что видел сам и что слышал от односельчан. Передавая записи, Иосиф Петрович сказал:

- Я жил недалеко от Карева, в 1912 году мне было тринадцать лет и я часто слушал рассказы деда Гаврилы, который помнил еще нашествие Наполеона. А говорил он, как былины слагал: "Садитесь в кружок, да поближе, громко говорить сил не имею". Мы, ребятишки, рассаживались вокруг и ловили каждое слово...

Пошивкино. Одигитриевская церковь

Из дневника Ершова можно узнать историю этого края. Раньше у озера стояла дубрава. Когда строили церковь в Пошивкине, часть деревьев вырубili. Храм был заложен в честь павших при изгнании польсколитовских орд. В этой церкви молились и справляли обряды Чириковы и Мусоргские, их дворовые и крестьяне. Жижицкое озеро - Жисцо, от слова "жисть", "жизнь". А погост Пошивкино - от слова "шивка", "летний невод". Здесь, на восточном берегу, селились исстари люди мастеровые, изготавливавшие мережи, сети, фартуки из кожи для рыбаков. От Пошивкина вправо - Татырино, Карево, Белавино. А по южному берегу самая древняя деревня Равонь - тут гнали деготь, или равонь, как называли в старину. От Равони на запад селились поляки: говорили, "вонючая кась" - оттуда чаще всего появлялись недруги. А в деревне Парне гнали скипидар из корней сосен, деготь из берез, соки из клюквы на долгое хранение и все это выпаривали- "парня". В деревне Парне на самом мысу Ильинского рога жил ополченец Илья. В ветках самого высокого дуба был сделан смотровой шалаш, из которого видна вся западная часть озера. Когда разбили последние бродячие банды польско-литовских войск, в ополченцах надобность отпала, и они стали селиться в деревнях Дубняки, Белавино, Выползово, Курово. Берег от Ильинского рога до Парни долго был свободен. После польского восстания сюда выслали офицера Александра Луканина. Он вскоре умер, а его вдову называли "очаковская барыня". Но

барского у нее ничего не было, кроме образцового дома и надворной постройки. Она была трудяга: медик, селекционер, лечила окрестных крестьян, заводила новые сорта ржи, пшеницы и делилась семенами с крестьянами. У нее было два сына, Александр и Григорий, да дочь Евгения, больная. Александр и его жена Вера Андреевна в своих хоромах устроили школу в 1919 - 20-х годах, когда все соседние школы закрыли из-за отсутствия топлива. Эта усадьба стояла около ста лет, и все годы, как говорили старики, любовь и симпатия к Луканиным были общие. Старших Луканиных, как соседей, наверное, знал и Модест Петрович.

На западном берегу - селенье Приозерье. Здесь предводительствовала семья Кась. То ли это прозвище, то ли фамилия, никто не помнил. Только к слову "кась" прибавляли "проклятая", "вонючая", и оно всегда было ругательным. На этом берегу находили приют литовцы, поляки, а позже браконьеры, незаконные охотники за пушниной. Теперь в этом месте деревня под названием Каськово. На берегу скопище камней - прямые линии кладки, старые укрепления. На северо-западном берегу раньше был один хутор в два жильца, назывался Пашково. До революции там жил урядник, его называли стражником и вызывали на все происшествия.

Красоту озеру придавали острова: Долгий, Святой, Телятник, Дубровник, Береза... Среди островов был еще Ревонский пузырь, он путешествовал - отплывал, снова приплывал, а теперь стал на якорь.

На самом большом полуострове Жижицкого острова был погост Жисцо. В центре - деревянная церковь с колокольней, сторожка, приходская школа, дом священника Михаила Георгиевича Горского. Весь круговорот жизни был связан с погостом. Сюда вела самая наезженная дорога. Здесь крестили, говели, молились, венчались, и круг замыкался - тут же хоронили. А какие гульбища и ярмарки были, особенно людные в приходские праздники! Здесь из всех деревень встречались, молодых сводили, сами знакомились - и не на забаву, чаще на всю жизнь. К ярмаркам готовились, строили палатки - наскоро, без затрат, из жердей и брезента. Шла торговля и на возках всякой всячиной. Тут и корзинки любых размеров, лапти, упряжь конская...

А в крещенские дни проводили конские бега на доморощенных бегунах. В праздниках, торжествах, обрядах выражалось все чисто народное, проявлялось творчество без насилия, подсазки, указов и распоряжений. Творчество и в песнях, и в плясках, и в рукоделии. Случалось, озоровали, проводили кулачные бои. Летом на ярмарку приплывали озерные жители на лодках, а из сухопутных деревень - на лошадях. Разъезжались с песнями и бубенцами, сбруя на лошадях блестя, медные бляхи начищены. Вот таким центром был погост. Теперь остались только заброшенное кладбище да бурьян, заросли и древние дороги...

В литературе о Мусоргском многие авторы пытались "живописать" наши края, даже не побывав здесь, и тем ценнее летопись, составленная земляками композитора.

"Болею я за каревские места..."

В первую нашу встречу с Нестеренко в тесной комнате флигеля, где ютился тогда музей, Евгений говорил:

- Какое счастье, что в Наумове уцелели дом и усадьба, там можно воссоздать заповедник, который со временем станет не хуже Пушкиногорья. Но главное - надо сохранить Карево, ведь именно к этому священному месту и сейчас, и в будущем будут приезжать паломники. Пока существует земля, здесь будут черпать вдохновение певцы и музыканты. Надо развивать музей, нельзя упустить время, мы перед Мусоргским и так в долгу...

Записывая эти слова, я думал, что столичный артист говорит их из вежливости, пока здесь гостит. Однако вскоре убедился в обратном.

О Нестеренко как певце написано у нас в стране и за рубежом предостаточно, но мало кто знает, сколько он сделал и продолжает делать для родины Мусоргского. Без преувеличения можно назвать эту его подвижническую деятельность гражданским подвигом. Я специально перебрал все письма, телеграммы, записи в блокнотах, публикации за десять лет, которые убеждают в этом документально.

Почему же Нестеренко выбрал меня в свои соратники? Ведь у него немало знакомых среди столичных журналистов, писателей, музыковедов... Наверное, еще с первой встречи он понимал, что в таком кропотливом деле нужен человек местный, земляк композитора, а не московский командировочный. И он начал терпеливо готовить меня к серьезной работе.

"Спасибо за статью - хорошо получилась, несмотря на несколько вполне объяснимых краткостью нашей встречи неточностей. Замысел материалов о родине М. П. Мусоргского прекрасен. Хорошо было бы все написанное показывать кому-нибудь из музыковедов".

За эту первую статью мне стыдно и теперь, столько там было неточностей и нагромождений. И как деликатно обошелся со мной Евгений!

"Лечу из Владивостока в Москву, наконец в самолете могу заняться письмами... Мне кажется, неплохо бы помимо наумово-каревских иллюстраций - фотографий и рисунков - сделать снимки фортепиано из музея Томановской-Дмитриевой, ведь это единственный инструмент, о котором мы знаем, что его клавиш касались руки М. П. Мусоргского..."

Нестеренко имел в виду музей Томановской-Дмитриевой, который находился в Волоке Торопецкого района. После этого письма я побывал там, встретился со старожилами, записал их воспоминания. Фотографии и рисунки сделали мои земляки: фотокорреспондент из Пскова Николай Боднарчук и художник Петр Дудко.

"Много думаю о Вашей работе, о том, как она необходима и как важно осветить или поставить в ней многие вопросы, которые оставались вне сферы исследователей жизни и творчества М. П. Мусоргского. Как жалко, как трагически нелепо, что ни один из них, даже А. А. Орлова и Г. Хубов, не побывали в его родных местах. Сколько можно было собрать сведений, Документов, вещей, даже после Каратыгина... А церковь надо восстановить, как это сделали на родине Глинки. Хорошо бы сделать раскопки на ее месте, выяснить очертания фундамента, разыскать обломки материала, может, найдутся остатки дверей, утвари, стекла. Возможно, в псковских архивах есть чертежи этой церкви, старые документы?" (5.8.79 г., озеро Сапшо).

В этом письме на восьми страницах речь шла не только о Кареве, но и о Наумове, о том, что село это, где расположился музей, не указано как место, связанное с жизнью Мусоргского, ни в каких печатных изданиях. И опять же деликатно Нестеренко подталкивал меня к поискам.

"Спасибо за статьи в "Псковской правде", я даже не ожидал, что Вы собрали так много сведений о пребывании М. П. Мусоргского на родине. Карево как место пребывания и работы Мусоргского-композитора не упоминается совершенно в литературе, т. к. свои письма с Псковщины он помечал только: "Торопецкий уезд",- таким образом, воспоминания и предания, записанные Вами у местных жителей, являются подтверждением сообщения Каратыгина о неоднократных наездах Мусоргского в Карево... Привет Николаю Боднарчуку, его фотоработы произвели на меня очень сильное впечатление, уже сейчас он создал образ родины Мусоргского в фотографиях - это так важно и так трудно, а ему удалось, так как он серьезный и талантливый" (10.11.79 г., Москва).

Вслед за этим письмом Нестеренко прислал открытку, где советовал собрать сведения о родителях Мусоргского, о том, когда Юлия Ивановна вышла замуж, бывал ли Модест в Наумове ребенком, кто тогда жил в Пошивкине. "Надо в печати почаще писать о том, чтобы не дать исчезнуть с лица земли Кареву, и вдалбливать при случае эту идею в головы всех имеющих к этой проблеме отношение. Очень я болею за каревские места, места-то святые. Болею за них, думаю о них и вижу, как хорошо скоро там будет,- может, и не скоро, но будет" (11.11.79 г., Москва).

Нестеренко не только "болел", но и внушал свои мысли другим, отстаивал их, а сказать точнее - сражался. И особенно за установление памятника композитору.

Вспомним, в постановлении об утверждении списка памятников великим людям от 30 июля 1918 года, подписанном Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным), имя М. П. Мусоргского в числе композиторов названо первым. Однако и к 100-летию со дня смерти композитора памятник не был поставлен.

Зимой 1980 года я получил из Москвы телеграмму: "Буду Кареве Наумове один день среду тринадцатого февраля вместе авторами памятника Мусоргскому Нестеренко".

Музыкальный праздник в Наумове

Евгений Нестеренко беседует с М. Г. Бардиным

В назначенный день в музее собралось много гостей: представители Министерства культуры РСФСР, Псковского облисполкома, куньинские районные власти, а также известные архитекторы, скульпторы, художники из столицы. Нестеренко не раз и не два "обрабатывал" москвичей, внушал им свою идею о памятнике и теперь так же страстно убеждал представителей местных властей. Он настоял на том, чтобы все пошли на каревский холм. В этот день мороз был за двадцать градусов, а в Кареве сразу же за дорогой - сугробы по пояс. Нестеренко первый шагнул с дороги и, разгребая глубокий снег, стал пробираться к вершине холма. За ним не очень-то охотно потянулись остальные. Когда гости поднялись на самую верхнюю точку и стали оглядываться, слышались восхищенные голоса: "Здорово, красота какая!", "Такая природа - лучший экспонат для музея".

- Посмотрите,- сказал Нестеренко,- вот здесь стояла усадьба отца композитора, а там, в Наумове, жила мать, а вот на том холме - церковь, где они обвенчались. С этого места туристы все увидят. А какая акустика для открытой эстрады!

Когда вернулись в музей, гости попросили Нестеренко спеть что-нибудь. Времени до отхода московского поезда было достаточно, и решили собраться в музей после обеда. О том, что состоится концерт, быстро узнали местные жители. В музей потянулись люди. Нестеренко подошел к роялю и сказал:

Концерт по заявкам, спою, что попросите.

И он пел романсы Глинки, Даргомыжского, Мусоргского. Рядом со мной сидела Пелагея Филипповна Синякова и все переживала:

- Разве можно столько петь, он же с дороги, устал, а они, ненасытные, все хлопают.

С этой старушкой Евгений познакомился еще в первый свой приезд. Пелагея Филипповна раньше пела на клиросе в Одигитриевской церкви, а теперь состоит в фольклорном ансамбле при музее. После концерта Евгений подошел к Пелагее Филипповне, и она сразу же потянула его в гости:

- Пойдем к нам, щей похлебаем да соснешь хоть часок...

Через несколько дней я получил письмо из Москвы.

"Посылаю статью для Вашей газеты,- писал Нестеренко.- Может быть, она убедит в правоте нашего дела".

Статья была опубликована в "Псковской правде" под заголовком "Живой родник вдохновенья".

"Получил газеты, спасибо! Все, что делается в периодической печати, все статьи и репортажи с концертов западают в душу читателей и прорастают побегами интереса и любви к нашим национальным богатствам... Посылаю книжки, привезенные мной из странствий, они вам пригодятся в работе" (26.4.80 г., Москва).

"Надеюсь, что Вы сможете приехать в Псков на встречу авторов памятника с псковской властью, нужна будет Ваша помощь... Читал Бунина "Жизнь Арсеньева". Помилуй бог - как хорошо!!!" (28.5.80 г.).

Вслед за этой открыткой пришла телеграмма: "Второго июня будет совещание Пскове приезжайте если можете всего доброго Нестеренко".

Разрешение на поездку я получил и сразу же вылетел самолетом в Псков.

На заседании заслушивали мнения сторон. Авторы - скульптор В. Х. Думанян и архитектор А. В. Степанов - показали гипсовую модель памятника, рисунки проекта. Против памятника на заседании никто не возражал, но, как и во время зимней встречи в Наумове, главный архитектор области Фоменков не хотел, чтобы монумент стоял на каревском холме. Он предлагал поставить его в Наумове на низкое болотистое место. Слово взял Нестеренко и заговорил спокойно, убедительно:

- Первый в мире памятник Модесту Петровичу Мусоргскому, естественно, надо установить на родине композитора. Наумово же, как известно, принадлежало Чириковым, а низина за Каревом - помещикам Поджио. Это будет нарушением "границ" - отход от исторической правды. Самое лучшее место для памятника - каревский холм. Это место видно и с железной Дороги, где проходит много поездов, с автотрассы, с озера и из всех деревень.

Отсюда открывается необыкновенная красота этих мест. Памятники ставят на века, и нам надо думать о тех, кто придет сюда через сто - двести лет. И еще - деревня Карево в том виде, в каком она находится сейчас,- это живой упрек нам. Теперь изменилось отношение к так называемым неперспективным деревням, Карево не просто деревня, а Родина великого Мусоргского, и ее застройку надо взять под особый контроль - ставить только рубленые, традиционные русские избы...

В конце совещания вынесли решение одобрить проект памятника и записали: "Выразить благодарность Е. Е. Нестеренко за то, что он проявляет заботу об увековечении родины Мусоргского". Вечером того же дня Нестеренко дал бесплатный концерт, чтобы убедить псковичей еще и силой искусства. Зал областного театра был переполнен. Я оказался без места, и Нестеренко предложил пойти с ним за кулисы.

Жара в Пскове не спала даже к вечеру, и в театре было особенно душно. В гримерной Евгений с сожалением снял легкую рубашку с короткими рукавами и задумался, во что обрядиться. Прикинул смокинг и тут же отверг. Снял с вешалки фрак, подержал в руке: "Нет, тяжел, прямо-таки кольчуга". Вошел аккомпаниатор Евгений Михайлович Шендерович. Обаятельный, с неизменной улыбкой и тонким чувством юмора, он всегда умел найти подход и к деревенским жителям, и к тонким знатокам искусства. Шендерович был в строгом черном костюме, стройный, с длинными, седыми, почти до плеч волосами - по внешнему виду настоящий маэстро.

- О, я тоже надену черную пару!- воскликнул Нестеренко.- Так-то вольготнее будет. Он быстро переоделся, поправил у зеркала "бабочку" и подошел к Евгению Михайловичу, разбиравшему ноты.

- Начнем с Мусоргского?- спросил Шендерович.
- Начнем, пожалуй,- тихо пропел Нестеренко.
- "Кончака" будем?
- Давайте.
- Женечка, а что на второе отделение?
- Что-нибудь полиричнее: Чайковского, Рахманинова.
- А на "бис"?
- А на "бис" опять же Модеста Петровича.

За кулисы зашел директор филармонии Владимир Михайлович Пугач:

- Ну что, можно объявлять?
- Сейчас присядем - и с богом,- улыбнулся Нестеренко. И, едва приткнувшись к краешку стула, сказал Шендеровичу:
 - Маэстро, пошли...

Занавес раздвинулся, и из зала пахло жарой, раздались аплодисменты...

В тот вечер Нестеренко и Шендерович "отработали" три отделения - на "бис" пришлось петь больше десяти произведений. А ночным поездом Нестеренко уехал в Таллин петь "Бориса Годунова".

Через месяц с небольшим я получил письмо: "Спасибо за газеты - не огорчайтесь, в любом случае, даже в сокращенном виде, статья делает свое дело, пропагандируя музей Мусоргского и внушая, что местом установки памятника должен быть каревский холм... Я,

признаться, намотался за этот месяц - пел после Пскова в Таллине, Москве, Софии, Цюрихе, Будапеште... Хотелось бы спокойно пожить в Наумове у озера хотя бы денек. Думаю, что это скоро удастся. Черкните мне, пожалуйста, не будет ли трудностей с обратным отъездом в Москву. Со мной приедет Елена Образцова. Можно ли получить с гарантией четыре билета на вечер 4 августа на поезд Рига - Москва? И последний вопрос: в котором часу, как Вы думаете, лучше начинать музыкальный праздник? В полдень, часа в 2, в 4 - 5, а может, в 6? Это, учитывая температуру воздуха, мошкар, освещение, конец рабочего дня в совхозе и прочие условия и факторы" (7.7.80 г., Москва).

Этот музыкальный праздник состоялся. Но его основа была заложена еще раньше. В конце лета 1977 года на родине Мусоргского побывал выдающийся композитор нашего времени, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Георгий Васильевич Свиридов. Он боготворит Мусоргского, понимает и тонко ценит его творчество. "Мусоргский был художник в высшей степени национальный. Это в полном смысле певец России. Ее судьбами, ее болью и ее радостями наполнены творчество композитора, вся его жизнь и все его художественное воображение... Внутренний композиторский слух его исключителен по тонкости. Мусоргский слышал такие созвучия, каких до него в музыке не встречалось",- писал Георгий Васильевич в "Советской культуре" 27 марта 1981 года.

Свиридов и сам композитор самобытный, русский, а потому и приехал поклониться исконно русской земле, на которой родился, как он сказал, "колоссальный новатор, значительно опередивший эпоху".

Вместе с Евгением Нестеренко Георгий Васильевич побывал в Кареве, ходил по тропкам и дорогам у Жижицкого озера, хранившим, казалось, следы Мусоргского. А вечером 11 августа в актовом зале Наумовского сельскохозяйственного техникума состоялся концерт. На сцене стоял портрет Мусоргского, утопающий в цветах.

Евгений Нестеренко исполнял романсы Мусоргского и Свиридова. Благодарные деревенские зрители бурно аплодировали и буквально засыпали цветами знаменитых московских гостей. Певцу и композитору поднесли венки из полевых васильков.

- Музыка Мусоргского живет в России, прославляя ее,- сказал Георгий Васильевич землякам композитора. А в книге почетных посетителей он оставил такую запись: "Посещение памятных мест, где родился М. П. Мусоргский, оставляет неизгладимое впечатление, которое всегда будет жить в моем сердце".

Вернувшись в Москву, Георгий Васильевич не забыл о музее, и 24 ноября в "Правде" появляется статья "Путешествие в страну музыки" за подписью Свиридова и Нестеренко. "У музея есть все возможности стать центром пропаганды и изучения творчества Мусоргского, интересным объектом туризма, пейзажным и музыкальным заповедником. Псковский край стал страной пушкинской поэзии. Он может стать и страной музыки Мусоргского".

Слова эти оказались пророческими. В августе на тихом лесном полустанке Жижица остановился утренний поезд из Москвы. Его пришлось задержать дольше положенного времени - артистов приехало свыше сотни.

На усадьбе, в старинном парке, среди вязов, лип, сирени стояли длинные скамейки из свежеструганых досок. Тут же возвышалась новая сцена, на которую еще не ступал ни один

исполнитель. Концерт был объявлен на 17 часов, но зрители стали собираться с утра. На поезде, на автобусах, автомашинах приезжали из Пскова, Великих Лук, Куныи... Шли пешком из ближайших деревень земляки композитора.

Вся огромная поляна перед музеем была заполнена. Мальчишки забрались "на галерку" - раскидистые ветви старых деревьев.

Когда на сцену поднялся Евгений Нестеренко, все дружно зааплодировали. Певца в этих краях хорошо знали почти все жители. А в этот раз с ним приехали известные всему миру артисты: Елена Образцова, Московский камерный хор под руководством профессора Владимира Николаевича Минина, народный артист Эстонской ССР, лауреат международных конкурсов Мати Пальм, композитор и пианист, лауреат международных конкурсов Михаил Ермолаев и, как всегда, Евгений Михайлович Шендерович.

Нестеренко обратился к участникам праздника:

- Эти деревни, луга, леса и озера дали земле гения музыки. Произведения Мусоргского, которые мы сегодня здесь исполним, родились на этой земле, и теперь песни как бы вернутся на свою родину...

После концерта, когда солнце начало опускаться за озеро, Нестеренко собрал московских гостей, местное начальство и пригласил всех в Карево.

На холме Елена Васильевна Образцова воскликнула:

- Какой великолепный вид! Вот откуда надо петь "Гадание Марфы".

Нестеренко снова стал убеждать всех в том, что это лучшее место для памятника. Его поддержали Образцова и другие москвичи. Но "всемогущий" архитектор Фоменков, не вникая ни в чьи доводы, стоял на своем: "Нет, здесь нельзя".

- Но почему?- возмущенно воскликнула Образцова.- Скажите внятно, почему в болоте в Наумове можно, а здесь нельзя?

А Фоменков с тупым упрямством твердил: "Не смотрится он здесь, не смотрится". Давно было ясно, что он исполнял чью-то волю.

- Нет, вы все-таки скажите, почему нельзя,- настаивала Образцова.

- Здесь пахотное поле. Эта земля принадлежит совхозу. Нельзя землю занимать,- опустил глаза, отвечал Фоменков.

Я знал, что этот взгорок был давно запущен, как и многие гектары вокруг, и сказал об этом. Месяца через два, когда я снова приехал в Карево, холм был перепахан! Пласты дернины после грубой вспашки лежали на изуродованном поле, подступая к камню, на котором осталась табличка с надписью: "Здесь будет заложен памятник М. П. Мусоргскому". Об этом я с горечью написал Нестеренко. В ответ он утешал меня: "Ничего, медленно, но дело Двигается. А воинственному невежеству надо противостоять не менее воинственно... Надо работать, что-нибудь да получится".

Хлопоты поклонников Мусоргского - москвичей и местных жителей - не пропали даром. В 1980 году вышло постановление Совета Министров РСФСР, в котором были намечены меры по благоустройству музея, восстановлению и реставрации памятных мест, связанных с жизнью и творчеством композитора. Для выполнения намеченной программы были подключены разные министерства. В одном из пунктов особо говорилось об издании альбомов, путеводителей и буклетов по памятным местам. Прав был Нестеренко,

привлекая земляков композитора к поиску материалов, документов, фотографий, к созданию картин. "Передайте художнику Петру Дудко мою горячую благодарность - он делает важное дело с любовью. А не может ли он создать картину - показать композитора в родных краях, связать его портрет с какой-нибудь запоминающейся частью пейзажа..."

Во время гастролей в Венгрии Нестеренко побывал в музее композитора Белы Бартока и написал оттуда: "Здесь можно купить ноты почти всех сочинений композитора, факсимильное и миниатюрное издания его произведений, несколько книг о нем, грампластинки, портреты его, открытки... Вот этого нам надо добиваться. Какая-то материальная память очень важна для паломника к святым местам".

А в другом письме, уже из Австрии,- снова о музее. "Сегодня уезжаю из Зальцбурга, где родился Моцарт. Был вчера в музее его и еще раз убедился, что у нас по Мусоргскому сохранилось больше, включая окружающую местность, надо только все это сохранить".

"Вчера стало известно, что в Наумове состоится совещание, надеюсь - последнее, относительно установки памятника М. П. Мусоргскому. Я беседовал по этому вопросу с Председателем Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцевым, он поддерживает нашу точку зрения, так же как и по другим вопросам, связанным с юбилеем... Дело, кажется, завертелось".

Совещание в музее состоялось, и на нем по-прежнему много говорили о значении памятника, но конкретного решения так и не приняли. Нестеренко же не отступался от идеи увековечить память Мусоргского.

Сколько же на это уходило времени, нервов, здоровья! И казалось бы, зачем все это Нестеренко? Ведь его талант давно признан, и доказательство тому - приглашение петь на лучших сценах мира в главных партиях русского, итальянского, французского, немецкого классического репертуара. Запомнилась одна фраза, сказанная Евгением:

- Я человек увлекающийся и смысл жизни вижу только в работе.

Вот еще одно его письмо, подтверждающее эту самохарактеристику.

"Сижу в поезде Москва - Варшава и рад, что могу написать хоть несколько строк...

Наверное, известно из печати - Федора Ивановича Шаляпина мы похоронили. Ездил в аэропорт встречать детей его и гроб. В понедельник перезахоронили, и мне была оказана честь сказать небольшую речь. Потом поминки в "Метрополе", потом концерт в Бетховенском зале, а не в зале Большого (это же не Марио дель Монако - отгрохали концерт его памяти под оркестр, так это нужно русскому искусству). Как бы то ни было - Шаляпин в родной земле. Сын его Федор Федорович в начале поминок вдруг выдохнул: "Свершилось!"

От москвичей я знал, что в переносе праха великого Шаляпина из Франции на родину немалую роль сыграл Нестеренко.

Однажды я спросил Евгения, как он выдерживает такой ритм жизни, как находит на все время? И в ответ услышал:

- Приведу такой пример: когда человек серьезно желает заняться укреплением здоровья, он встает рано утром и бегаёт. А тот, кто не хочет, ищет оправдания: нужны кроссовки, костюм "адидас", дорожка, парк... И так каждый день: только разговоры и планы, пока не умрет. А ведь возвращение своей души, совершенствование ее требует еще большего

постоянного труда, усилий, и я в этом смысле к себе суров.

"Сегодня улетаю в Италию, надеюсь вернуться в конце марта и снова бороться за памятник".

Недели через две раздался междугородный телефонный звонок, и Евгений сообщил, что приезжает с комиссией.

Рано утром москвичи сошли с поезда в Великих Луках и отправились в Наумово вереницей легковых машин. Совещание в музее вел заместитель министра культуры РСФСР Александр Иванович Шкурко, как говорили - главный радетель за музеи и памятники. И действительно, говорил он толково, деловито, со знанием всех проблем. Но когда речь пошла об установке памятника и восстановлении церкви, снова воспротивились местные власти. На этот раз уже не говорили, что нельзя занимать пахотную землю, так как вся территория согласно постановлению Совета Министров РСФСР была отдана заповеднику, зато выдвинули "проблему": кто будет охранять памятник в Кареве?

- Так ведь стела, которую установили на общественных началах, стоит здесь уже почти двадцать лет, и на ней никто царапины не сделал,- возразил Нестеренко.

У архитектора Фоменкова нашлась отговорка и на это:

- Зимой памятник засыплет снегом, кто его будет убирать?

Совещание закончилось, как и прежде, ничего не решив.

Осенью я побывал в мастерской заслуженного художника РСФСР В. Х. Думаняна. Его скульптуры, в том числе и Мусоргского, находятся в Русском музее и Третьяковке, в Берлине, Кабуле, Фрунзе... Только на родине композитора им все не найти места...

- Ноги моей больше не будет на псковской земле,- сказал в сердцах Виктор Хачатурович.

А Нестеренко обратился через печать к общественности, теперь как член Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: "Мусоргский прожил тяжелую трагическую жизнь, и он отразил этот трагизм в своих сочинениях. Судьба была к нему несправедлива, во многом она несправедлива к нему и сейчас. У нас нет ни одной улицы имени Мусоргского: ни в Москве, ни в Ленинграде, да, насколько известно, и в других городах, где он бывал, ни один населенный пункт, ни один оперный театр не носит его имени. Под угрозой само существование деревни Карево - родины музыканта. Нет не только памятника, нет даже мемориальной доски композитору".

В Кареве все оставалось по-прежнему: дома ветшали, старики умирали, а молодым селиться было некуда. Директор совхоза "Наумовский" Николай Иванович Балмышев при каждой встрече говорил о том, что постановление о возрождении деревни не выполняется, традиционные рубленые крестьянские дома не строят, хотя рядом богатый леспромхоз, отправляющий свою древесину во все концы страны и даже за рубеж.

В одном из последних писем Нестеренко писал: "На совещании, проходившем в Сов. Министров РСФСР, И. В. Васильев, заместитель председателя Псковского облисполкома, заявил: "Кареве - бесперспективная деревня, через несколько лет она вообще исчезнет с лица земли". Я чуть не задохнулся от возмущения, попросил слова и сказал, что, несмотря на то, что Карево состоит из нескольких бедных крестьянских избышек, это родина гения, и на музыкальной карте мира этот населенный пункт стоит не только рядом с Новоспасским, тоже небогатой деревней,- родиной Глинки, но и с роскошными, богатыми городами

Бонном, родиной Бетховена, и Зальцбургом, родиной Моцарта, где на доме, в котором родился автор "Волшебной флейты", висит государственный флаг Австрии. Как язык поворачивается такое говорить - "исчезнет с лица земли?" Тут же Вячеслав Иванович Кочемасов, тогда зам. пред. Совмина РСФСР, приказал псковским товарищам выбить эту нелепую мысль из головы и сохранить Карево, что было занесено в протокол".

За то, что в печати я поддержал идею сохранить Карево, И. В. Васильев не раз жаловался на меня, но в редакции отнеслись к жалобам разумно. Однако деревню не восстанавливали.

К сожалению, критик Стасов оказался провидцем, когда написал: "Признание великости таланта и исторического значения нередко происходит у нас спустя долгое время...

Примеров тому слишком много... Давно ли воздвигнуты памятники Пушкину и Глинке...

Конечно, Мусоргскому предстоит та же участь".

Сказано это было больше века назад. Но Нестеренко от своей идеи не отступался. И меня подбадривал. В ответ на мои сомнения в ходе работы над рукописью он писал: "Нельзя бросать начатое, можно сказать, предначертанное... Никто за Модеста Петровича не смог дописать и доделать "Саламбо", "Женитьбу", "Хованщину" и "Сорочинскую", несмотря на то, что брались за это люди с чистой душой и большими талантами. И рукопись о родине Мусоргского никто не допишет. Так что будем веселее смотреть и идти "вперед, к новым берегам"!!!! Необходимо еще глубже искать и изучать корни явления, имя которому - Мусоргский".

Поиски клада

Наступил момент, когда моя работа по сбору материалов зашла в тупик. Чем внимательнее перечитывал биографическую литературу и дотошнее расспрашивал старожилов, тем больше появлялось загадок и противоречий. И теперь понятнее стали слова Александра Блока, кропотливо собиравшего сведения о жизни великого поэта, автора "Демона": "Почвы для исследования Лермонтова нет - биография нищенская, остается провидеть... Когда роют клад, прежде разбирают смысл шифра. Лермонтовский клад стоит трудов".

А где и как было искать клад Мусоргского? Об этом я не раз пытался заговорить с работниками музея, его директором Ермаковой. Татьяна Семеновна вела себя странно: или таинственно улыбалась, или переводила разговор на другое. Казалось, она скрывает от меня тайну потому, что, занимаясь розысками самостоятельно, я как бы подрывал авторитет штатных работников. Теперь же я благодарю судьбу - ревность музейщиков лишь подзадорила на самостоятельные поиски, тем более что они и сами не знали никакой тайны.

Каждый год во время отпуска я заглядывал в архивы Москвы, Ленинграда, Ярославля, но ничего существенного не обнаруживал. Это и понятно - наскоком открытий не сделаешь, кроме желания необходимы еще упорство и немалое время.

В Великих Луках, родном моем городе, есть филиал областного архива. Расположен он буквально под боком, в сотне шагов от дома. Однако останавливало предупреждение маститых биографов Мусоргского: "Обращение в хранилища Пскова и Великих Лук... не дало результатов".

А может быть, заезжие исследователи искали не слишком усердно?

Директор Великолукского архива Константин Иванович Карпов тоже считал, что надо более внимательно пересмотреть старинные документы - копнуть глубже.

В октябре 1982 года я пошел на улицу Лизы Чайкиной, где стоит самый красивый в нашем городе дом с белыми колоннами. Константин Иванович провел по залам хранилища, от пола до потолка заставленным стеллажами с кипами документов. Для ориентации в этом бумажном море имелся список фондов в нескольких томах. Я выбрал наугад какое-то старинное дело из Торопецкого уезда. Принесли связку бумаг, довольно объемистую. Просидел часа два и не разобрал ни слова - почерк был мудреный, с завитушками, со старинным написанием. "Нет, эта работа не для меня",- с огорчением подумал я и собирался уже вежливо покинуть дом. В это время подошел старший методист Анатолий Иванович Сизов и поинтересовался, как идут дела. Я в отчаянии махнул рукой.

- К почеркам привыкнете, надо только взять рукописи более позднего периода,- успокоил Анатолий Иванович.- И зовите нас, не стесняйтесь. А для начала просмотрите 39-й фонд Псковской духовной консистории. Вас какой период интересует?

Я назвал год рождения Мусоргского. Через несколько минут Анатолий Иванович принес огромную связку. На обложке надпись: "Исповедные росписи церковей городов Торопца и Холма и церковей погостов Торопецкого и Холмского уездов". В связке были прошнурованы рукописные тетради отдельно по каждой церкви. Я осторожно переворачивал пожелтевшие лиеты, пока на 813-й странице не увидел то, что искал,- погост Пошивкино. Не без труда разобрал суть заглавия: "Книга данная из Торопецкого Духовного Правления погоста

Пошивкина Одигитриевская церкви Священнослужителям для вписания в оную приходских всякого звания людей, кто из них сего 1839-го года были у исповеди и Св. Причастия и кто не были и за каким винословием". Перевернул еще несколько страниц и увидел... "сельцо Карево"! И какое же охватило волнение, когда прочитал такие строки: "Помещик коллежский секретарь Петр Алексеев Мусарский" (фамилия была написана именно так) и далее: "Его жена Иулия Ивановна, дети их: Филарет - 3 года, Модест - 10 месяцев". Здесь же поименный перечень дворовых людей, живших на усадьбе, и всех крестьян с их домочадцами - в деревнях, принадлежащих Мусоргским. В эту же "книгу" были записаны и владения ближайших соседей "малолетних помещиков Под- жио" и "полковника Петра Челищева", а также подробные сведения о священнослужителях церкви с их семьями, включая тещу, тетку вдовую. Запись была сделана рукой пономаря Василия Федоровича Бабинина "Генваря 12 дня 1840 года".

Эти сведения открывали новую страницу в биографии Мусоргского! И теперь уже каждодневно я старался выкроить хоть часок, чтобы забежать в архив. Решил пересмотреть "Исповедные росписи" за ранний период - до рождения Модеста. Начал спускаться вниз по годам: тридцать восьмой, тридцать седьмой, тридцать шестой, а когда дошел до 1835-го, обнаружилось, что Мусоргские исчезли из Карева. Куда? Переехали на жительство в столицу? Но тогда была бы пометка: "За отлучкою в Санкт-Петербург", которую делали даже при выезде крестьян и дворовых. Отправились путешествовать? Слишком надолго. Удивляло еще и то, что Карево находилось как на острове: сразу за усадьбой - деревни, принадлежащие другим помещикам. Неясно было, где находились владения, которые значились за отцом композитора по родословной, составленной Каратыгиным. Выходит, торжествовал я рано - жизнь так устроена, что после праздника приходят будни с новыми заботами и огорчениями. И все-таки продолжал поиски.

Решил просматривать списки других погостов, а их только в Торопецком уезде более пятидесяти. В тот момент не знал, что именно "Исповедные росписи" откроют многие тайны земли и рода Мусоргских почти за три века. По этим рукописным книгам можно было проследить жизнь каждого жителя погоста от рождения до смерти. А погост являлся на Руси своеобразным административным центром - приходом. В конце каждого года все жители, начиная с семилетнего возраста, должны были побывать на исповеди в церкви. Исключение составляли больные и немощные, которых батюшка исповедовал на дому. В словаре Владимира Ивановича Даля сказано: "Исповедь - таинство покаяния, устное признание грехов своих перед духовником".

Александра Ивановна Прокошенко рассказывала: "С детства перед исповедью всегда волновалась, боялась утаить от батюшки даже мелкие проступки, считала, что боженька все узнает и накажет. Восемьдесят лет прожила, а обмануть, солгать до сих пор не могу..."

Священник каждой церкви, исповедуя своих прихожан, знал их плохие и хорошие стороны, заботы, огорчения, сомнения. Для исследователя "Исповедные росписи" - бесценный документ, в котором указывалось название деревни с поименным перечнем жителей, количество дворов, расстояние до церкви, состояние дороги. Эти документы многое открывали, но связки весом по пуду приходилось носить в читальный зал с третьего этажа. Обычно я делал выписку и тут же просил принести очередной том. Испытывая неловкость

от того, что женщинам приходится таскать груз по лестницам, я стал им помогать. Это увидел Константин Иванович и разрешил работать прямо в хранилище. Позже он доверил оставаться в архиве во внеурочное время, и это решение в основном помогло в поисках "клада" Мусоргского. Я научился ориентироваться, где лежит какой том, быстро расшнуровывать связки и в иной день успевал пересмотреть больше сотни, как их называют, единиц хранения. В архиве имелись еще два важных источника информации: "Клировые ведомости" и "Метрические книги".

Метрические записи делались по периодам человеческого бытия: часть первая - "о родившихся", вторая - "о бракосочетавшихся", третья - "о умерших". Перелистывая страницы этих книг, я невольно испытывал грусть: сколько же людей исчезло с земли, кануло в Лету, не оставив даже следов.

Я брал с полки очередной фолиант и уже по почерку узнавал неизвестных для истории летописцев: священников, дьячков, пономарей. А ведь именно они писали малую историю сел, деревень, хуторов, из которой складывалась большая история России. У одних почерк был корявый, у других - небрежный, третьи пропускали буквы... Встречались и образцовые, где каллиграфически усердно выведен каждый знак. Иные записи выцвели - наверное, чернила разводились пожиже, другие были так отчетливы, словно написаны час назад. Кое-где на листах сохранились капельки воска, жирные отпечатки пальцев, пушинки от гусяного пера. А один раз между страницами оказался парашютик одуванчика... Двести лет назад залетел он в окно церкви, когда, склонясь над столом, регистратор скрипел пером! С тех пор эту книгу никто не открывал. От рукописей до сих пор пахло ладаном - такой вековой устойчивостью обладала тлевшая когда-то в кадиле благовонная смола.

Чтение рукописей поначалу давалось нелегко - из десяти букв я едва угадывал одну-две. Постепенно осваивая старинное правописание, стал разбирать смысл, и новое занятие все больше захватывало меня. А однажды наступил счастливый день, когда приоткрылся "клад": в огромном фолианте "Метрической книги" погоста Пошивкино за 1839 год я обнаружил подлинную запись о рождении Модеста Мусоргского. Прежде во всей мировой литературе фигурировала лишь копия. Почти полтора века таилась запись в Великих Луках. Детальное знакомство с новым документом позволило выявить восемь неточностей, которые повторялись во всех публикациях.

В копии о рождении Модеста были еще две загадки, которые никто не объяснял. Непонятно было, почему таинство крещения совершал священник Рождества-Богородицкой церкви, ведь в Пошивкине - Одигитриевская? И почему крестный Модеста - Иван Иванович Чириков - назван жителем "сельца Богородицина", а не Наумова, где, как известно, жили Чириковы? Ответы на эти и другие вопросы нашлись в документах архива, и об этом будет сказано позже. Удалось обнаружить уникальные записи о венчании деда и бабки, а также родителей композитора, сведения о старших братьях, которые умерли в младенчестве. Клад обернулся истинным сокровищем.

В "Метрической книге" за 1762 год, знакомясь с ранее неизвестным мне погостом Золые, обнаружил такие строки: "Ротмистр Григорий Григорьев сын Мусерского села Полутине". А суть записи в том, что прадед композитора жил в селе Полутине. Стал пересматривать "Исповедные росписи" за все годы и обнаружил, куда исчезли из Карева родители

композитора. Оказалось, Полутино испокон веков было главным родовым именем Мусоргских. Вспомнились слова Татьяны Григорьевны Сергеевой, урожденной Бардиной, о том, что Мусоргские всегда жили в Полутине. А ведь сомневался тогда в их правдивости! Но эта находка в архиве противоречила утверждениям биографов, и, конечно же, работники музея скептически отнеслись к открытию "новых земель". А меня не покидало страстное желание скорее увидеть древнюю родовую землю Мусоргских. И опять же возникли препятствия: в Кукинском районе, где находилось Карево, Полутина не было. Не оказалось его в Великолукском и Торопецком районах. Конечно, многие деревни исчезли в послереволюционные годы, а особенно в последние. Но ведь должны остаться следы?

Метрическая книга

Запись о рождении композитора

С помощью Константина Ивановича Карпова выяснил, что какое-то Полутино входит в Западнотвинский район соседней Калининской области. Позвонил в райисполком, и там подтвердили - Полутино есть, только о Мусоргских они ничего не слышали. Я умолил работников райисполкома порасспрашивать старожилов. Просьба была частная, и я мало надеялся на успех. Но буквально через три дня раздался телефонный звонок. Секретарь райисполкома Любовь Игнатьевна Акулова, разделяя мои чувства, радостно сообщила: "В районном архиве обнаружены документы, где упоминается Модест Мусоргский. Есть и старожилы, дальние родственники композитора, и у них есть мебель из усадьбы".

С нетерпением ждал я момента, когда смогу выкроить время для поездки. В один из сентябрьских дней с моим постоянным попутчиком художником Петром Дудко мы отправились в Западную Двину.

В райисполкоме нас встретили приветливо и сразу же показали пухлую папку с документами. Оказалось, что здесь сохранились уникальные планы размежевания земель и межевые акты на владение Полутином дедом, отцом и братьями, как сказано в казенных бумагах: "малолетними Евгением и Модестом Петровыми Мусарскими".

В этот же день мы встретились с пенсионеркой Валентиной Ивановной Ивановой - дальней родственницей Хмелевых, которые состояли в близком родстве с Мусоргскими. Валентина Ивановна рассказала, что ее "бабу Юлю" из имения Хмелевых рисовал знаменитый Илья Репин, который, как известно, был близким и верным другом Мусоргского. Этот портрет, сделанный карандашом, хранился в семье Ивановых, а сейчас находится в городе Ржеве.

В квартире у Валентины Ивановны увидели мы старинные кресла, на которых, как она сказала, "сидел и Модест Петрович, и его родители". Об этих креслах позже мы рассказали в музее, и они теперь находятся в его экспозиции.

Из Западной Двины на автобусе мы поехали в поселок Старую Торопу, который находится рядом с Полутином. Там нас, благодаря хлопотам райисполкомцев, уже ждал председатель поселкового Совета Николай Иванович Шмидт. На его стареньком "Москвиче" мы и добрались до Полутина.

Деревня эта сохранилась и по нынешним временам - большая. Серые избы в два ряда тянулись к реке Торопе. У самого берега - остатки фундамента барского дома и несколько деревьев старого парка. Старожилов в Полутине почти не осталось. Петр Иванович Агу, латыш, рассказал, что на усадьбе стоял большой двухэтажный дом с колоннами, до

революции в нем жил управляющий Карл Иванович Озолин. В тридцатые годы дом разобрали и перевезли в Старую Торопу, часть парка тогда же вырубili на дрова.

Мы решили побывать там, где стояла родовая церковь Мусоргских. Посыпал мокрый снег, и дорога стала не только не проезжей, но и труднопроходимой. Оставив машину, пошли пешком. Впрочем, слово "пошли" здесь не подходило. Мои попутчики были в резиновых сапогах, а я - в ботинках, и там, где разливались огромные лужи, приходилось садиться Петру "на коркушки". Художник терпеливо шлепал по грязи, каждый раз рискуя уронить "седока".

Торопец

С интересом мы оглядывали землю Мусоргских. От Полутина речка плавными изгибами омывала холмы, по которым были разбросаны деревеньки в два-три дома. Наш провожатый, знавший в этой округе все и всех, называл деревни, а я для верности заглядывал в блокнот - все это были владения, некогда принадлежавшие Мусоргским.

Погода портилась: от дальнего леса двигалась темно-синяя, почти черная туча. Когда она нависла над нами, обрушилась лавина дождя с градом. Идти стало еще труднее, ноги разъезжались на высоких гребнях, нарезанных тракторами. Невольно вспомнились записи в "Исповедных...", сделанные два века назад: "Препятствий к проезду в церковь нет". По воспоминаниям старожилов, крестьяне содержали свои дороги в порядке.

Наконец мы добрались до Золовья. Здесь речка опять приблизилась к самой деревеньке. Из ближнего дома, увидев Николая Ивановича, вышли хозяева, приветливо поздоровались. Молодой мужчина, механизатор здешнего колхоза, повел нас на место, где раньше стояла церковь. Все поросло бурьяном, но в одном месте кто-то расчистил слой земли, и мы увидели плиточный пол храма. Это было чудо - среди травы сияли разноцветной радугой керамические плитки, уложенные как паркет. Такого пола в сельских храмах видеть не приходилось. А ведь строили церковь местные мастера, по заказу деда композитора, как я уже знал по документам. Из соседней избы вышла пожилая женщина. Шмидт познакомил нас. Колхозница-пенсионерка Ольга Алексеевна Коношенкова рассказала, что знала от своих предков:

- Церковь называлась Успенья божьей матери. Я ее хорошо помню: высокая, крыша коричневая, купола ясные, двери кованые железные. На звоннице колокол большой, такой, как был в Торопецком соборе. В праздники как ударит, так гул на десятки верст, аж мурашки по телу. Звонарем Сашка Троицкий был. А кладбище и церковь охранял бобыль по прозвищу Прозука. Ограда кругом каменная под крышей из жести. Ворота большие и часовня каменная. Гробы там стояли дубовые и лампада всегда горела. Я помню, когда служба шла, батюшка всегда Мусоргским за упокой пел. Церковь начали ломать в тридцатом году. Помню, когда колокол сбрасывали, бабы и даже мужики плакали. А иконы вон там на берегу жгли. Два или три образа спрятали на чердаке Наташка и Ольга Туркины. Не знаю, может, эти иконы и сейчас целы, но Туркины теперь тут не живут...

Потом в архиве я еще раз пересмотрел документы и нашел предков Ольги Алексеевны, которые числились за Мусоргскими. Совпали и все сведения о церкви, и я еще раз убедился в правдивости крестьян - устных летописцев родины Мусоргского.

В архив тянуло как на желанное свидание, и почти каждый день я находил что-то новое. Пользовался теперь пятью основными документами: "Исповедными росписями", "Клировыми ведомостями", "Метрическими книгами", "Ревизскими сказками" и "Уставными грамотами", которые составляли владельцы усадеб, в том числе и Мусоргские. Интересно было видеть автографы деда и прадеда композитора. Часто получалось по пословице: "Чем дальше в лес, тем больше дров" - новые факты требовали объяснения, осмысливания, обширных знаний того периода жизни. Несколько раз пытался завести разговор об этом в музее, но после находок в архиве взаимоотношения еще больше обострились.

Однажды, когда я зашел в архив, Анатолий Иванович Сизов предупредил:

- А у нас гостя из Пскова, тоже Мусоргским интересуется.

В читальном зале он представил меня сотруднице архитектурно-реставрационной мастерской Ирине Борисовне Голубевой. Занималась она исследованиями Для воссоздания архитектурно-исторической среды будущего музея-заповедника М. П. Мусоргского. С первых же минут беседы покорило ее отношение к композитору, глубокое и тонкое понимание его жизни и искреннее желание поделиться всем, что она уже знала. Ирина Борисовна была родом из Ленинграда, в Псков приехала с мужем по направлению и имела две профессии - архитектора и искусствоведа. Она располагала теми знаниями, которых так мне не хватало. Я рассказал о всех своих находках. Началось наше творческое содружество, завязалась переписка.

Ирина Борисовна часто ездила в Ленинград и в историческом архиве обнаружила много интересных сведений, которые пропустили биографы Мусоргского. С найденных документов она переписывала копии и высылала мне - иной раз до двух десятков страниц.

Голубева работала под руководством опытного архитектора Веры Алексеевны Лебедевой - автора проекта реставрации Наумова. Эта группа занималась сбором материалов для подлинного возрождения Карева и Пошивкина, для воссоздания архитектурно-исторической среды, оказавшей большое влияние на формирование личности Мусоргского.

"Есть новость, и радостная - из Москвы архив древних актов прислал ответ на наш запрос: 11 межевых планов владений Мусоргских в конце XVIII века. Среди них Карево!!! Теперь-то наши ребята не будут копать каревский холм вслепую. Можно найти подлинное место для восстановления всех построек",- сообщала Голубева.

Ирина Борисовна много работала и в Великолукском архиве. В каждый приезд она обнаруживала что-то новое и очень важное - особенно для моей работы. Среди этих находок два уникальных дневника. В одном священник погоста Пошивкино Иоанн Белавин на двадцати страницах подробно описывает жизнь и нравы прихожан, их обряды, историю сел, рек, озер... Второй дневник вела тетушка Мусоргского, и в нем - подробная жизнь наумовского дома, где сейчас расположен музей.

- Какая широкая, связная панорама жизни за полтора столетия лет раскрывается на основе документов,- говорила Ирина Борисовна.- Помимо связи с семьями Мусоргских и Чириковых как показательна история края и в то же время как индивидуальна. Как реально, драматически раскрывается детство Мусоргского, какое скорбное, созвучное его музыке и в то же время обыденное течение жизни можно рассмотреть в этих документах - в том, что стоит за ними...

Все новые материалы о находках я посылал в районную газету "Пламя", которая выходит на родине композитора. В конце каждой публикации по моей просьбе помещали такие строки: "Просим сообщить любые сведения, связанные с именем Мусоргского, дополнить, уточнить, подсказать новые адреса...".

Отзывались чаще всего старожилы. Иногда они писали печатными буквами из-за малой грамотности, но сведения сообщали очень ценные.

"Я, Иванов Александр Григорьевич, родился в 1910 году в деревне Подколодые Жижицкого сельсовета. Наша деревня находилась в трех километрах от Карева, где родился Модест Петрович. Из рассказов стариков известно, что около деревни Равонь была лесная сосновая дача, которая называлась "Мусоргская". По словам стариков, ее передали крестьянам Мусоргские. Кроме того, как выезжаешь из Карева по направлению Жижицы, по левой руке есть гора под названием "Федюшина", которая принадлежала отцу Модеста Петровича, и на этой горе жили три брата Горшковы: Игнат, Александр, Денис. Моя родная тетюшка Аксиныя была замужем за Игнатом, и она рассказывала, что эту гору отец Модеста Петровича передал крепостному Горшкову... Мой родной дядюшка Иван Филиппович рассказывал, что у него была плохая лошадь, и, когда ее съели волки, он пошел к барину и пожаловался. Тот выслушал и велел приказчику дать денег на покупку лошади...".

Каждое такое письмо пересылал мне из Куны редактор газеты Валентин Алексеевич Истомин. В каждодневной текучке он находил время и место в газете для публикаций больших очерков о нашем великом земляке.

Появился у меня еще один единомышленник и собеседник. Когда в газете "Советская Россия" опубликовали мой очерк, в Великолукский архив пришло письмо из Риги.

"В статье "Земля Мусоргского" Вы обнародовали несколько первостепенных открытий, касающихся происхождения композитора, его родни, обстоятельств, в которых он провел детство. Мой обостренный интерес к этой теме объясняется просто: я пишу книгу о Мусоргском. Книги такого рода о Ван-Гоге, о Моцарте, о Бетховене изданы по-русски в изобилии, а вот о наших великих музыкантах их нет и не было никогда. От чисто беллетристических вещей мою работу отличает большая документальность, обилие прямых цитат из документов и писем, дневников и воспоминаний современников. К Вам я с великой просьбой: не знаю двух-трех чрезвычайно важных для моей работы дат. Я обращался с этими вопросами в музей в Наумове, но ответа не получил... Когда на родине Мусоргского заходил в музей и разговаривал с директором, был встречен не слишком любезно..."

Я ответил Роальду Григорьевичу Добровенскому. Завязалась интересная переписка, полезная для нас обоих.

В очередном письме Роальд Григорьевич предложил необычную в наши дни помощь: "Скоро получу деньги за книгу о Бородине, как бы с неба упавшие, и я бы с удовольствием оторвал Вас месяца на два-три от службы, чтобы съездили в архивы и спокойно поработали. Не ради себя - моя книга о Мусоргском закончена, а ради нашего общего дела. Не обижайтесь, я не изображаю из себя буржуа или мецената - живу, как и все, от полочки до полочки. Но Вы делаете кропотливую работу, которую должны выполнять целые учреждения. Ведь вот Пушкиным у нас сотни ученых занимаются, небось про каждую пуговицу на сюртуке, и не только на сюртуке, диссертация написана. Не спорю, дело нужное

и великое, но ведь и Мусоргский гений, и тоже свой, русский, и тоже масштаба всемирного, всечеловеческого".

По достоинству оценив это предложение, я, конечно, не мог им воспользоваться, такие "каникулы" на работе не дают, да и находки в неизвестных чужих архивах случаются не так часто. А наградой за нашу заочную дружбу стала книга Роальда Добровенского о Мусоргском "Рыцарь бедный",- на мой взгляд, лучшая из тех, что написаны о нашем гениальном земляке.

Переписка, обмен мнениями с единомышленниками укрепляли дух, помогали в поисках. Но однажды, после публикации очерка в газете, меня упрекнули за фразу "состоял в должности коллежского секретаря". Оказалось, что коллежский секретарь - не должность, а чин. Должности же назывались по-иному: столоничальник, помощник столоничальника... Мне было досадно, что, употребив неточно лишь одно слово, исказил правду эпохи. Не утешало и то, что ошибся по незнанию не я один, а и те, кто готовил материал к печати. Отсюда напрашивался вывод - необходим "консультант по старине".

Я пробовал обращаться в публичную библиотеку, но там узкая специализация - каждый занимается чем-то одним. А в это время в "Лениздат" только что вышла небольшая книжка "Город моего детства" о дореволюционных Великих Луках. Как и многие мои земляки, я прочел ее с большим интересом и заново открыл историю родного города. Особенно привлекли меня убедительность, достоверность и богатая эрудиция по многим сторонам прошлой жизни. Автор книги Андрей Павлович Лопырев родился в Петербурге и еще до революции переехал с родителями в Великие Луки. Учился здесь в реальном училище, позже, закончив в Москве институт, до пенсии работал в Ленинграде. Я узнал адрес Лопырева и написал о своих поисках и находках, о сомнениях и вопросах. Андрей Павлович сразу откликнулся и в первом же письме обстоятельно рассказал о чинах и должностях, о системе образования в России, начиная с екатерининских времен. Сообщил он, что в Псковском архиве в фонде "Ф-8" хранятся аттестаты и свидетельства учащихся гимназии, и это было очень кстати, так как я разыскивал сведения о том, где учился отец композитора. В ответ на мою просьбу стать постоянным консультантом Андрей Павлович написал: "По образованию я инженер-радиотехник, по практике работы - конструктор авиационных приборов, а по тайной склонности - историк. Рецензий я никогда не писал и могу высказать только свое мнение".

Я стал отправлять Лопыреву все новые главки, а позже послал и всю рукопись. Андрей Павлович выполнил огромную работу и совершенно бескорыстно. Он писал мне: "Судьба вручила Вам ответственную тему, Вы делаете огромной важности дело, собираете по крупицам псковский период жизни великого музыканта, и ни у кого другого не хватит одержимости годами сидеть в Великолукском архиве, листать там пожелтевшие страницы давно забытых документов, разбирать старинные почерка полуграмотных псаломщиков".

В последующих главах я неоднократно буду ссылаться на мнение А. П. Лопырева.

Пишет родственница

Когда только открыли музей Мусоргского в школе и об этом сообщила "Правда", в Жижицу стали писать поклонники композитора из разных мест. Письмо из Рязани сразу привлекло внимание уже только одной фамилией на конверте.

"Пишет родственница Мусоргского. С радостью узнала о музее и могу передать..." Этот день стал для школы праздником. Сколько времени собирали по крупице самые незначительные сведения, рассылали запросы, а тут вдруг объявилась внучатая племянница композитора Татьяна Георгиевна Мусоргская и сама предложила семейные реликвии!

Добыть машину для поездки в другую область сельской школе было нелегко, особенно в уборочную страду, но директор совхоза "Наумовский" оценил положение и выделил грузовик. Через три дня из Рязани привезли бесценные подарки: книжный шкаф и трюмо из дома Мусоргских и главную реликвию - альбом с автографом композитора, ранее неизвестный биографам. Посмотреть на эти подлинные вещи приходили жители поселка и, конечно же, расспрашивали подробности о родственнице Модеста Петровича: чем она занимается, сколько ей лет, как живет?..

С тех пор как я начал собирать материалы о Мусоргском, познакомиться с Татьяной Георгиевной было заветной мечтой. Однажды перед отпуском я отправил Татьяне Георгиевне письмо и несколько своих публикаций. И сразу же получил ответ:

"Спасибо за газетные вырезки. В Рязань приезжайте, когда Вам удобно, только бы мне быть здоровой, относительно, конечно. Перед поездкой лучше позвоните по телефону... Всего Вам доброго. Т. Мусоргская" (25.8.80 г.).

Из Москвы, где я был проездом в санаторий, отправился в Рязань на первой электричке. Почти пять часов простоял, переминаясь с ноги на ногу в грохочущем и стреляющем сквозняком вагоне, и несколько поутратил чувства, которые копились перед желанной встречей. И все же волновался - как-то сложатся взаимоотношения с потомственной дворянкой из рода, к которому относился не только прославленный композитор, но и полководец Михаил Илларионович Кутузов?

В Рязани, у вокзала и на ближайшей улице, я пытался найти букет цветов и наскоро перекусить, но ни того ни другого сделать не сумел. Времени было в обрез, и я бросился к троллейбусу, чтобы поскорее добраться по указанному адресу.

На улице Островского, на лестничной площадке у квартиры 35, меня встретила седая, хрупкая женщина и, назвав по имени-отчеству, сказала:

- Проходите, пожалуйста, я вас у окна поджидала.

Когда мы вошли в квартиру, Татьяна Георгиевна, угадав мое состояние, участливо спросила:

- Намучились в электричке? Мойте руки и за стол!

Это прозвучало естественно и просто, как бывает среди близких людей.

Пока я мыл руки, Татьяна Георгиевна стояла рядом, держа на подносе чистое полотенце. Стол для обеда был накрыт в комнате. На свежей скатерти лежали накрахмаленные салфетки, стояли приборы, а на большом блюде аппетитной горкой возвышались румяные домашние пирожки. Накрывать стол хозяйке помогала Наталья Сергеевна Соколова, как я

потом узнал,- соседка по лестничной площадке. Пока женщины хлопотали на кухне, я с интересом оглядывал комнату. Мебель старая, ничего лишнего: стол, кровать, этажерка с книгами, навесная полка, в углу икона с живым огоньком лампы. На видном месте портрет флотского офицера в профиль, с тонкими чертами лица, чем-то похожего на Бунина.

- Это мой папа - Георгий Филаретович,- сказала Татьяна Георгиевна.- Папа был очень красивый, особенно в форме моряка. А плавал он много, в какой только стране не побывал, но главные его качества - доброта, отзывчивость, его любили все домашние, и крестьяне, и матросы. У нас в имении не говорили слов "барин", "барыня", а обращались по имени-отчеству, а у отца оно трудно произносилось, и крестьяне говорили: "Мы к вашей милости к тебе..."

Я слушал, что называется, открыв рот, а Татьяна Георгиевна вдруг спохватилась:

- Извините, сытый голодного не разумеет, пока не поедим - ни слова.

За столом я чувствовал себя неуверенно, так как с детства знал только самый простой способ пользования столовыми приборами.

Наталья Сергеевна заметила мою скованность и подбодрила:

- Вы не стесняйтесь, Татьяна Георгиевна хоть из Дворян, но совсем нашенская. Я сама-то из рабочих, а с барыней живем дружно, пирогами друг друга потчуем.

- Наталья Сергеевна у нас потомственная пролетарка, ее даже в домоуправлении уважают. Это дружеское подтрунивание сблизило нас, и беседа пошла естественно и просто.

- Моя мать была родом из крестьян и рассказывала, в какие сложные ситуации попадала, когда ходила с отцом в гости к знатым дворянам,-вспоминала Татьяна Георгиевна.

Положив блокнот на колено, я старался записывать каждое слово. Хозяйка заметила и с улыбкой сказала:

- Чего же вы таитесь, ведь не донос пишете. Допивайте чай и пишите себе с богом на столе.

Я стал задавать вопросы, которые наметил еще до поездки. Время летело незаметно...

На обратном пути мне повезло - достал билет в плацкартный вагон поезда дальнего следования. Ехал в тепле, с удобствами, перечитывал записи, вспоминал моменты встречи и заносил их в блокнот. На обложке поставил дату: "5 октября 1980 года". Невольно вспомнились слова сестры М. И. Глинки Людмилы Ивановны Шестаковой о Мусоргском: "С первой встречи меня поразила в нем какая-то особая деликатность и мягкость в обращении: это был человек удивительно хорошо воспитанный и выдержанный". Примерно такие же слова я говорил своим друзьям после встречи с Татьяной Георгиевной и благодарил судьбу за то, что свела с ней.

Вернувшись из санатория, я нашел письмо от Татьяны Георгиевны: "Я так и знала, что Вы простудились в холодной электричке. Хорошо, что подлечились в санатории. Вы спрашиваете фамилии моих друзей, которые помогают мне и своим теплом скрашивают несладкую жизнь. Да, их много. Это Наталья Сергеевна Соколова, семья Бондаренко, семья Четвертковых, семья Коровкиных, и особенно Краева Нина Ивановна... А вот одна новая соседка собирается жаловаться на меня за голубей, т. к. летом они воркуют и спать мешают. Но она работник торговли и, видно, не знает, что такое голод. А я сама не буду есть, а накормить голубей должна..." (28.8.80 г.).

С этого времени и началась постоянная переписка.

"Посылаю Вам фото нашего дома, где я родилась... Три окна слева - это зал и столовая, следующие два окна - гостиная..."

В письме Татьяна Георгиевна подробно описала комнаты дома Филарета Петровича Мусоргского, мебель, мельчайшие подробности интерьера. Позже этими сведениями воспользовались реставраторы при оформлении музея, чтобы воссоздать обстановку дворянской усадьбы.

"Спасибо Вам за книгу Гейченко, прочла с трепетом душевным. Каждая строка о Пушкине, каждое слово всегда дорого, близко сердцу... P.S. Мой адрес Нестеренко можете сообщить. Если он будет на гастролях в Рязани, милости прошу" (20.7.81 г.).

"Написала Вам, что Вы хотели. Но все это, конечно, выполнено очень плохо. Стало все трудно, и почерк изменился. В ноябре мне пойдет 78-й год. Вот мы все говорим: "Такие-сякие молодые, не хотят жить со стариками", да ведь надо иметь великое терпение с нами жить. Ссылаются все на то, что "раньше-то ведь жили". Да, жили, т. к. люди-то по-другому были воспитаны, выдержка была большая. А выдержке нас не только учили, но мы и пример ее видели во всем - дома и везде... Смотрела по телевизору "Князя Игоря". Нестеренко мне понравился. Видела и "Царя Федора" из Малого. Этот спектакль в Художественном я смотрела четыре раза и с Москвиным, и с Добролюбовым, очень его люблю. Но Малый поставил этот спектакль по-современному, взвалил все на плечи актеров, справляйтесь, как хотите, а вокруг ничего, ничем не помог режиссер... В первом действии царица с диадемой на открытой голове и чуть ли не в греческом хитоне. С открытой головой русские женщины тех лет не появлялись на людях... Посылаю Вам альбом - виды Мещеры, посмотрите наши красоты..." (2.11.81 г.).

"Очень благодарна Вам за фотографии родных мест Мусоргского. Смотрела и еще много раз буду смотреть, и спасибо тем людям, которые сумели сохранить эту красоту от всех бед и нашествий. Пластинку еще не слушали, но будем - проигрыватель есть у соседей. В этот же день получила открытку от Евгения Евгеньевича Нестеренко. Очень тронута вниманием человека с мировым именем. Видно, он тоже человек большой души и доброго сердца. Надо ответить, поблагодарить, и, наверное, не сумею этого сделать хорошо. Напишу как бог на душу положит. С такими людьми в переписке не была, а виновник-то всему Вы..." (28.11.81 г.).

"Обострилась астма, а отсюда настроение очень плохое. Мне пишут мои друзья из Москвы, которые знают меня с 1947 года: "Вся наша надежда на Ваш твердый оптимизм". Но они ошибаются - не осталось ничего от моего оптимизма... От Евгения Евгеньевича получила, как он пишет, "маленький сувенир из Вены" - программу спектакля "Борис Годунов", афишу и необыкновенную для нас коробку конфет. Я ее не открою, буду ждать Вас... Весна у нас ранняя. Сегодня 22-е марта, день прилета жаворонков. Но обычно после этого наступают холода и метели, и я всегда очень переживаю за этих чудесных певцов лета... Начала Вам писать 22-го марта, но сознательно не отправляла, хотела посмотреть концерт Евгения Евгеньевича по телевизору. Очень хороший концерт. Мне показалось, что, несмотря на блестящее исполнение, Евгений Евгеньевич был очень усталым. А может быть, ему нездоровилось? И так я расстроилась до слез, и мне кажется, не надо ему вкладывать так

много эмоций в каждое исполняемое произведение. Так очень быстро можно подорвать здоровье. Ведь у современных молодых людей и нервы, и сердце, и сосуды какие-то очень стали легко ранимые. Я и во время концерта плакала, думала: "Господи! Такой артист с мировой славой, и даже адрес на бандероли написан его рукой - и бабка в Рязани только и может лить целые потоки слез, даже написать, поблагодарить толком не может..." (26.3.82 г.).

А Нестеренко отозвался так: "Получил две весточки от Т. Г. Мусоргской - спасибо за помощь. Даст бог, летом навещу ее. Чудесный человек, в каждом слове, в каждой букве это чувствуешь".

Письма из Рязани продолжали приходить.

"Я очень расстроена: кто-то куда-то, видимо, написал обо мне. Не знаю, кто и куда, только вдруг приехал ко мне инженер из ЖКО и стал предлагать ремонт квартиры. Такого "сервиса" у нас никогда не было. А через день еще визит - секретарь райкома партии. Пришла с букетом и спрашивает, как живу, в чем нуждаюсь... И третье совсем меня убило - получила 200 рублей из Музфонда СССР. Так мне все это неприятно, особенно эти деньги... Ведь я и так очень благодарна Клавдию Борисовичу Птице и Тихону Николаевичу Хренникову за внимание, за то, что они очень помогли мне с больницей. Но эти деньги! Получается, я какая-то ненасытная старуха, которой все мало. Но я-то ни у кого не просила помощи и сейчас ужасно переживаю..." (9.5.82 г.).

В этом внезапном внимании к Мусоргской была моя вина. Я написал Нестеренко, что Татьяна Георгиевна получает очень маленькую пенсию, - как все ветераны, оформлявшие документы в шестидесятые годы. А Евгений рассказал об этом кому-то в столице. И вот такая реакция. К Татьяне Георгиевне после визита секретаря райкома приходили пионеры-тимуровцы, чтобы, как они сказали, "установить пост дежурства". Татьяна Георгиевна купила им конфет и сказала, что "пост" можно закрыть...

Вторая моя встреча с Мусоргской состоялась 16 июня 1982 года. Я выкроил трое суток из санаторного срока и поселился с женой у Татьяны Георгиевны. Это были незабываемые минуты и часы. Днем знакомились с городом, побывали на Оке, в музее Есенина. А вечерами - неспешные беседы. Как-то раз пришел мастер из телеателье и, заполняя квитанцию, сказал: "Первый раз встречаю однофамильцев композитора". Я пояснил, что Татьяна Георгиевна - родственница. Мастер очень удивился и, когда уходил, все повторял: "Если что случится или какая другая помощь понадобится, звоните только мне". Мы с женой ходили в магазин за продуктами вначале с Татьяной Георгиевной, потом одни. Продавец в последний день призналась: "Таких обаятельных и культурных людей, как Татьяна Георгиевна, мне ни разу в жизни видеть не приходилось".

В первую встречу не мог и теперь я даже мысленно не могу назвать Татьяну Георгиевну "старушкой" или "бабкой". В ее поведении, во внешности было что-то не соответствующее такому определению. Стройная, даже изящно-хрупкая, одета всегда с щепетильностью старых интеллигентных учителей: белый накрахмаленный и отутюженный воротничок, не новая, но опрятная блузка, снежно-серебристые волосы аккуратно прибраны, лицо светлое в лучинках морщин. А глаза - необыкновенно голубые, с молодым блеском и какой-то детской чистотой. Но что больше всего поразило в первый же миг - удивительное

портретное сходство с Модестом Петровичем Мусоргским. Я сказал ей об этом, Татьяна Георгиевна ответила:

- Когда в больнице лежала, врачи тоже не раз говорили. Я и сама дивлюсь - у отца и деда черты лица тонкие, аристократические, а у меня, как у Модеста Петровича, нос картошкой.

После поездки в Рязань вместе с известным скульптором Виктором Хачатуровичем Думаняном Нестеренко писал мне: "Вчера были с Екатериной Дмитриевной и Думанянами у Татьяны Георгиевны. Спасибо, что помог познакомиться. Что говорить о впечатлениях... Счастлив я - одно могу сказать! Вот величие, истинное благородство - чем значительнее человек, чем крупнее личность, чем богаче душой, тем проще, добрее. Мы все переполнены впечатлениями. Что удивительно - Мусоргский у Думаняна получился таким, как будто бы он лепил его с Татьяны Георгиевны, так ее облик воплощает фамильные черты рода Мусоргских и так чутко Виктор уловил их в иконографии, которую он изучил в работе над скульптурой..."

После второй нашей встречи Татьяна Георгиевна писала: "На днях слушала концерт Евгения Евгеньевича: пел хорошо, некоторые вещи очень хорошо, но почему-то мне все кажется, что он нездоров или, может быть, устал?"

Прервав это письмо, чтобы сказать об удивительной интуиции Татьяны Георгиевны, которая чаще всего бывает у любящих матерей. Каждый раз Татьяна Георгиевна угадывала состояние Нестеренко и по телевизору безошибочно "ставила диагноз", о чем я знал от самого певца.

"Наконец могу выполнить Вашу просьбу - проходила мимо фотографии и теперь посылаю это фото. А еще дарю Вам портрет моей дорогой крестной - Татьяны Филаретовны..." (2.8.82 г.).

Татьяна Филаретовна - "Танюша", это ей и отцу Татьяны Георгиевны "Гоге" Мусоргский посвятил пьесу "С куклой" в вокальном цикле "Детская".

"Смотрю на портрет Модеста Петровича и много- много думаю. И жаль его до горьких слез. И понятно мне теперь отношение к нему со стороны моей крестной и папы..." (6.10.82 г.).

"Звонили из Москвы, спрашивали, когда можно по поручению Евгения Евгеньевича привезти мне проигрыватель. А как мне принимать гостей, когда не могу сделать уборку квартиры. Вот если бы приехали Вы с Олечкой - мне близкие люди, то меня бы это не смутило... Мне позвонила одна приятельница и сказала о Вашей статье в "Советской России". Потом приносили газету. Спасибо Вам за Мусоргского" (6.12.82 г.).

В феврале 1983 года мы в третий раз встретились с Татьяной Георгиевной. Эти встречи и переписка имели для меня огромное значение, ведь Татьяна Георгиевна была единственной из рода Мусоргских, кто носил эту фамилию, и только она могла ответить на вопросы, возникавшие во время работы над рукописью, она была последней живой нитью, связывающей с прошлым семьи Мусоргских.

В последнее время самую большую заботу о Татьяне Георгиевне проявляла Нина Ивановна Краева. У нее была немалая семья, свои старики больные, напряженная перед пенсией работа в трамвайном парке. Эта женщина не только ухаживала за Татьяной Георгиевной, но и поддерживала ее духовно, жила одними с ней интересами, писала письма, когда ей это было не под силу. Письма Нины Ивановны - своеобразный дневник о

последних днях Т. Г. Мусоргской.

"Новый год мы встретили вдвоем с Татьяной Георгиевной. У нас была маленькая елочка. Напекли пирогов и пышек и слушали проигрыватель. Очень понравилось "Семь хоров" Рахманинова в исполнении хора Минина. А еще ставили пластинки Нестеренко. Татьяна Георгиевна говорит, что раньше цикл Мусоргского "Без солнца" плохо понимала и только в исполнении Евгения Евгеньевича поняла и оценила" (11.3.83 г.).

"Достали книгу "Мусоргский" и перечитываем вслух письма Модеста Петровича. Не знал он, когда их писал, что у "Гоги" родится дочка и, когда ей исполнится 80 лет, она будет читать эти письма с друзьями и, глядя на его портрет, смахивать слезу... Мы вычитали, где он пишет Балакиреву: "Условились в субботу блиновать..." Татьяна Георгиевна теперь звонит мне и приглашает: "Приходите блиновать" (5.4.83 г.).

"Мы больше говорим о прошлом. Еще раз убедилась - старых людей надо оберегать, как ценнейшие памятники, их жизнь - клад, из которого многое можно извлечь. Татьяна Георгиевна рассказывала, что ее папу крестили в Павловске в дворцовой церкви. Крестными были папина бабушка Мария Георгиевна Балакшина и Модест Петрович" (22.5.83 г.).

"Мы вас очень ждали на 24 ноября. В этот раз ночью я должна была работать, но с большими боями выжала от начальника отгул. Вашу бандероль получили после обеда. День рождения Татьяны Георгиевны встречали втроем. Пришел Сергей Борисович Петров, преподаватель из института, вы его помните, принес букет белых хризантем. На улице был морозец и лунная ночь. Татьяна Георгиевна рассказывала то, что слышала от своей матери, а я записала: "Крестили меня в имении. Пригласили священника, дьякона, псаломщика. Они привезли купель, паникадило и кадило. В зале постелили ковер. Крестной была тетя Татьяна Филаретовна, крестным - ее сын Борис. А отца в это время не было - его взяли на японскую войну, и приехал он, когда мне было восемь месяцев. В нашем роду любили имена Татьяна и Георгий. Оттого и называли меня Татьяной. Справляли тогда не день рождения, а день ангела. Детям шили обновы, дарили подарки. С утра обязательно шли в церковь. После отслуживания обедни собирались гости домой, поздравляли, накрывали стол, пели, играли, танцевали"" (3.12.83 г.).

"Татьяна Георгиевна как взглянет на портрет Модеста Петровича, так плачет, жалеет, что он был так одинок. Рассказывала о любви к женщине, которой он делал предложение, но она отказала ему, потому что была намного старше, но до смерти опекала его и сохраняла дружеские отношения. Татьяна Георгиевна говорит: "Поэтому он и не женился". Это мнение передается у них из поколения в поколение" (3.1.84 г.).

"Татьяну Георгиевну взяли в больницу. Устроить помог ваш знакомый из Москвы профессор Николай Алексеевич Мухин. Но лекарства уже не помогают. Когда боль отступает, Татьяна Георгиевна спрашивает обо всех. Я читала ей ваше письмо, новые статьи. Она вас очень жалеет, говорит: "Какой труд на себя взвалил..." Звонил Нестеренко, подробно спрашивал о здоровье Татьяны Георгиевны. Он на Татьянин день собирается прислать пластинки" (27.1.84 г.).

"Как тяжело писать это письмо. От всего, что случилось, зябнет сердце... Судьба меня до сих пор миловала - близких не теряла. Все дни, когда хлопотали с похоронами, была суета и

нагрузки, я думала: "Почему у меня в сердце какая-то пустота?". И вот только сейчас дошел весь ужас непоправимого. И сердце перевернулось. Все будет идти своим чередом: земля вертеться, снег таять, часы отсчитывать время - но без Татьяны Георгиевны. Она скончалась 22 марта в 23 часа - в день прилета жаворонков, которых она всегда так ждала. И не дождалась. Мы отвезли ее в церковь, где была обедня, потом панихида. Пел хор, открывались ворота, зажигалась люстра, горели свечи в руках тех, кто провожал, звонили колокола - все, как она хотела... Как ее все любили. В молодости она хорошо играла на рояле, гитаре, пела, танцевала, читала стихи и сама их сочиняла, эрудированная на редкость, любящая все прекрасное, понимающая, сочувствующая, она до последних дней сохранила женственность и обаяние, а какая милая, что трудно описать" (28.3.84 г.).

В день и час кончины Татьяны Георгиевны по Всесоюзному радио звучал ее голос - шла передача о Мусоргском. И мы тогда не знали еще, что оборвалась родовая нить, нет на земле больше человека с такой фамилией. И случилось это опять же в марте, который для многих Мусоргских волей судьбы стал месяцем рождения и смерти.

Отозвался на наше горе и Нестеренко. "И теперь самое последнее, о чем больно писать, - нет больше с нами Татьяны Георгиевны Мусоргской. Она светом души своей озаряла всех, кто дружил с ней, так или иначе соприкасался с нею. Все понятно, преклонный возраст, болезни, все мы смертны, но когда уходят такие люди, как будто гаснет яркая звезда на небе и становится темнее..." (10.5.84 г.).

В конце мая Нестеренко приехал в Рязань и дал бесплатный концерт в трех отделениях в память о Татьяне Георгиевне. Потом мы все вместе побывали на кладбище, положили цветы на могилу, где стоят рядом два белых креста: Георгию Филаретовичу и Татьяне Георгиевне Мусоргским - последним представителям этой фамилии.

"Счастлив, что пою..."

В экспозиции музея есть портрет Евгения Нестеренко с автографом: "Ничего не знаю выше музыки Мусоргского, счастлив, что пою ее".

Наверное, Модест Петрович был бы особо благодарен этому певцу, ведь он - первый и пока единственный в мире исполнитель всех вокальных произведений Мусоргского, в том числе сложнейших циклов: "Песни и пляски смерти" и "Без солнца".

- У Мусоргского был баритон без верхов, многие произведения он написал для своего голоса, и мне пришлось немало поработать,- сказал однажды Нестеренко.

Какой колоссальный труд совершил певец, чтобы тщательно изучить каждое произведение и донести его до слушателей всей нашей планеты! В этом, в частности, убеждают и его письма. "Сегодня - 100-летие со дня смерти М. П. Мусоргского. В Большом вечером пою Бориса. Завтра улетаю в Новосибирск... Неделю был в Италии. В Милане в этом сезоне гораздо шире отмечают 100-летие, чем у нас. Возможно в течение сезона услышать практически всю музыку Мусоргского. Хотят одну из улиц Милана назвать "виа Мусоргский", а в Ленинграде и Москве улиц таких пока нет - но будут! Черт возьми..."

"Спел три концерта в США из произведений Мусоргского. Получил уже вырезки из газет - один критик из Канзас-Сити пишет в рецензии, что "Песни и пляски смерти" произвели в Америке сильное впечатление. Так что двигаем потихоньку Мусоргского и за океан - там его камерную музыку знают, но далеко не все".

В Японии после концертов Нестеренко выпустили несколько пластинок с записью произведений Мусоргского.

После гастролей в Эстонии Евгений писал: "Спел "Бориса" в новой постановке, кажется, в этой редакции начинает что-то получаться". Так скромно Нестеренко оценил свою роль, а ведь в мировой печати его называют "королем басов"; за пластинку "Песни Мусоргского" певец удостоен двух наград: "Грэмми", высшего приза национальной академии грамзаписи США, и "Золотого диска" отечественной фирмы "Мелодия"; за исполнение роли Бориса награжден в Италии медалью "Золотой Виотти"... За образ "Бориса Годунова" - и Ленинская премия!

В конце сентября 1985 года мне посчастливилось побывать на новой постановке "Бориса Годунова", которую показал в Москве театр "Эстония". После спектакля все исполнители собрались в квартире Нестеренко и почти до утра говорили о Мусоргском. Музыкальный руководитель и главный дирижер театра народный артист ЭССР Эри Клас рассказывал, как он работал над первоначальной редакцией оперы, представленной в свое время Модестом Петровичем в оперный комитет, но не принятой. И постановщик, и все исполнители вместе с Нестеренко проделали огромную работу, чтобы вернуть на сцену забракованную полтора века назад оперу. Эта постановка идет с успехом на многих сценах мира и, как писала "Советская культура", стала "открытием подлинного Мусоргского, его музыки, суровой и трагичной". Об исполнении произведений Мусоргского в подлинной редакции Нестеренко заботится постоянно и сам старается проникнуть в "мастерскую" композитора. После концерта в Знаменском соборе фольклорного ансамбля Дмитрия Покровского Евгений посоветовал мне расспросить руководителя ансамбля об экспедициях на Псковщину. Мы встретились с Дмитрием Викторовичем в его московской квартире, и я услышал следующее:

- Римский-Корсаков считал, что Мусоргский записывает народные песни с какими-то странными гармониями, и обвинял его в музыкальной неграмотности. Я еще студентом исходил Псковскую область и убедился, что в Кареве и соседних деревнях говорят и поют, как при жизни композитора, и этот говор, интонация звучат в музыке Мусоргского. Значит, он мыслит гармоническим языком родного народа! Псковскость Мусоргского просматривается и в "Хованщине", и в "Борисе Годунове", и в обработках песен. Мы со своим ансамблем стараемся перенять эту манеру пения, но, думаю, до конца это сделать невозможно - надо родиться в ваших краях, с грудного возраста впитать и этот говор, и песни...

В журнале "Памятники отечества" Нестеренко писал: "Музыка остается системой нотных знаков до тех пор, пока музыканты не заставят эти знаки звучать. К сожалению, с исполнением произведений Мусоргского дело обстоит не так уж хорошо. Звучат они не так уж часто и не всегда в подлинном виде".

На то, что произведения Мусоргского, особенно хоровые, не поют на родине композитора, сетовали и другие музыканты, когда приезжали к нам с концертами. Да и кто мог их исполнять у нас, где нет профессиональных коллективов?

У И. А. Бунина есть строки: "Все человеческие судьбы слагаются случайно, в зависимости от судеб их окружающих". В последние годы мне часто приходилось общаться с музыкантами, и, признаться, чувствовал я себя не очень-то уверенно, так как не знал музыкальной грамоты. Однажды жена художника Петра Дудко Татьяна Михайловна, преподаватель музыкальной школы, решила создать в Великих Луках камерный хор. Кроме музыкальных педагогов в хор пришли люди разных профессий, а поэтому занятия начали с изучения нот. С супругами Дудко мы дружили семьями и стали с женой ходить на репетиции, чтобы хоть как-то постигнуть музыкальную грамоту. С интересом открывал я, что такое звук, звукоряд, полутон, ритм... Только в одном слове "темп" открылись загадочные определения: адажио, анданте, аллегро, модерато... Порой меня охватывало отчаяние - казалось невозможным постичь все это. Но я упрямо ходил на репетиции, зубрил "до", "ре", "ми", "фа", "соль", "ля", "си", отхлопывал в ладоши ритмы: половинка, четверти, шестнадцатые...

После одной из репетиций Татьяна Михайловна оставила меня в классе одного и предложила попробовать голос. Она нажимала на клавиши ортепьяно, а я повторял за ней ноты. Вначале вверх, потом вниз. Вниз пропевалось легко, а верха давались с трудом.

- Бас, и довольно неплохой тембр, а главное - есть слух,- вынесла она заключение и предложила перейти из вольнослушателей в хористы.

Петь мы учились, выбрав сложный репертуар - хоровой цикл А. С. Даргомыжского "Петербургские серенады".

Мне очень нравились и слова старых поэтов, и мелодии, но запомнить все это сразу и совместить было нелегко. Особенно долго не давалась нам пушкинская "Буря мглою небо кроет". Только начнем мы, басы, свою партию - Татьяна Михайловна обрывает:

- Возьмите дыхание, у вас звук не летит.

- Буря мглою небо...

- Не так резко, помягче!

- Буря мглою...

- А теперь темп сдвинули - надо смотреть на руку, для чего же дирижер?

Мне все давалось с огромным усилием: запоминать слова текста, мелодию и особенно держать звук на "воздушной подушке". Какая уж тут подушка, если нет половины легких! Кроме умения держать цепное дыхание, надо было петь "не резко и вульгарно", а чтобы голос звучал в ладу со всеми. При этом помнить о дикции, о четком произношении каждого слова, особенно концов, которые невольно "проглатываются", да еще контролировать выражение лица, не пыжиться, не каменеть и в одно и то же время смотреть на руку дирижера и в ноты...

Сколько раз я мысленно говорил: "Все, сегодня последняя репетиция, это не мое дело!". Удерживало, вероятно, то, что часа через два, к концу репетиции, мы начинали улавливать гармонию в звучании наших голосов. Татьяна Михайловна в такие минуты радовалась вместе с нами: "Молодцы, вас уже хочется слушать".

Прошел год, а я все мучился: то собирался бросать, то после удачной репетиции передумывал. Подошло время показывать то, чему нас учили. На смотре самодеятельных хоров я стоял на сцене, словно раздетый, и со страхом думал, как бы не упасть. Когда все запели, я только раскрывал рот, боясь выделиться из общего строя. Татьяна Михайловна сердито хмурилась в мою сторону - каждый голос был на счету, а предательское молчание - "дырка" в хоре.

Звание лауреата конкурса "Великолукские зори" было высокой оценкой.

Минуло еще три года, а из хора я так и не ушел, стал привыкать к сцене. Лечащий врач порадовала: оказалось, увеличился объем легких - помогло пение на цепном дыхании.

Евгений Нестеренко это увлечение одобрил: "Прекрасно, что вы с Олей поете в хоре, тебе это в работе над Мусоргским очень поможет. Теперь вы мои коллеги, а ты, как чеховский Михайло Измученков, можешь писать: "Сословие? Бас!" Очень рад всей направленности жизни и успехам Петра и Татьяны Дудко, они настоящие русские подвижники, на таких земля наша держится".

Евгений, как всегда, был деликатен и щедр в оценках, чтобы поддержать духовно своих единомышленников. Он посоветовал составить литературно-музыкальную программу "Мы с родины Мусоргского" к очередному дню рождения композитора. Почти год готовились мы к этому концерту. Впервые на родине композитора прозвучали хоры из "Хованщины". Эта опера идет только в больших городах, там, где есть музыкальные театры, и то нечасто, а мы знакомили с творчеством Мусоргского его земляков на небольших сценах, в том числе и в сельских клубах. В программу включили и сольные номера: фрагменты из вокального цикла "Детская", фортепьянные пьесы из "Картинок с выставки".

Однажды поехали в самую глубинку Псковской области, в поселок Усвяты, упоминавшийся еще в летописях X века. Там жила Ольга Федосеевна Сергеева, Удивительная певица, которую называют "усвятской звездой". В ее репертуаре сотни народных песен с языческих времен, часть из них записана на три большие пластинки всесоюзной фирмой "Мелодия". В доме песнохорки, хранительницы бесценногоклада нашей русской культуры, состоялась встреча. Ольга Федосеевна рассказала, как из поколения в поколение, из уст в уста передавались песни, которые она поет.

- Деревня у нас была маленькая, но песенная,- говорила Ольга Федосеевна.- Пели и моя прабабушка, и бабушка, и мать.

В деревенском клубе мы исполнили для Ольги Федосеевны и ее односельчан русские народные песни, произведения Мусоргского, Даргомыжского, Свиридова. В переполненном зале сидели механизаторы, доярки, полеводы, учителя, и видеть их лица, слышать аплодисменты было для нас большой радостью. Нам, хористам, и зрителям особенно нравилась свиридовская "Грусть просторов" на слова Федора Сологуба.

Да, правильно считают, что в песне душа народа. Руководитель Московского камерного хора профессор Владимир Николаевич Минин, с которым меня познакомил Нестеренко, говорил:

- Любовь к пению беспредельна, она объединяет и роднит души слушателей. Надо только разбудить в человеке сердце, только с разбуженным сердцем можно воспринимать музыку. Мы принадлежим к народу, который столько испытал и перенес, но сохранил добро и чистоту. Надо петь для такого народа...

Теперь мне уже не кажется нелепым, что стал петь в таком возрасте,- по сути дела ведь вернулся "на круги своя", к тому естественному состоянию, когда пение было потребностью души, сопровождало человека, начиная с колыбельной - "баюшки-баю", и завершало жизненный Круг: "упокой душу усопшего". И только в хоре я по-настоящему испытал, как объединяет и роднит песня, как согревает и возвышает душу. А это совсем иное, чем когда ты просто потребитель чужого пения. Магнитофон, приемник, телевизор в квартире, на даче, в руках - постоянный шумовой фон, с однообразным, часто примитивным репертуаром вокально-инструментальных ансамблей,- только усиливают глухоту к окружающим, к близким, да и к самому себе, к своей душе.

Однажды мы репетировали перед концертом на сцене Дома культуры. После нас должен был выступать вокально-инструментальный ансамбль. Целый час его участники таскали и передвигали огромные ящики, раскладывали провода, которыми, наверное, можно было бы опутать весь зал. И вся эта аппаратура вместе со световым эффектом весила пять тонн! На нас группа смотрела свысока. Подумалось: а если бы во время концерта вдруг отключили электричество?! Ансамбль предстал бы в нелепом виде... И как было отрадно, что мы могли собраться на любой сцене, где нет даже пианино, просто в деревенском доме, на полянке и по знаку дирижера запеть песни, что поются веками, в которых и слова, и мелодия прекрасны.

Какие только сюрпризы не устраивает судьба! На первом пушкинском празднике поэзии в Михайловском я, как корреспондент "Молодого ленинца", записывал выступления поэтов, прозаиков и с благоговением смотрел на старших братьев по перу, расположившихся на дощатом помосте. Потом был концерт, и на этой же сцене пел Иван Семенович Козловский. На поляне расположились десятки тысяч зрителей. Наверное, для многих из них, как и для меня, эта сцена казалась священным местом. Пределом моих желаний было оказаться среди литераторов.

За эти годы у меня вышли в издательствах Москвы и Ленинграда пять книжек, и, казалось бы, мечта исполнилась. А через двадцать лет, на юбилейном Всесоюзном празднике поэзии, я вышел на эту сцену, но не как литератор, а как артист, в концертном костюме, в

белой рубашке с бабочкой. Нашему камерному хору, который мы называли "Кант", выпало почетное право открыть концерт на знаменитой Михайловской поляне... Композитор Георгий Васильевич Свиридов, узнав от Нестеренко, что мы поем хоры из "Хованщины", прислал нам напутствие: "Не бросайте своего дела. Оно очень и очень важно теперь для сохранения русской культуры".

Пение в хоре помогло мне сделать еще один шаг к Мусоргскому, и теперь я с полным правом могу повторить слова Нестеренко: "Ничего не знаю выше музыки Мусоргского, счастлив, что пою ее".

С программой "Мы с родины Мусоргского" наш камерный хор "Кант" выступил и во Дворце культуры им. Газа в городе на Неве, где Мусоргский сформировался как композитор. В 1987 году хор стал лауреатом второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, и я с достоинством ношу медаль.

Одна из моих поездок в Ленинградский исторический архив совпала с концертом Нестеренко в Малом зале консерватории. После выступления мы бродили с Евгением по знакомым улицам.

- Люблю этот город больше всех,- говорил Нестеренко.- Шестнадцать лет в нем прожил и все лучшее, главное в жизни здесь началось: стал певцом, семью создал, духовно созрел...

В тот вечер я узнал от Евгения о том, как он впервые вышел на школьную сцену и спел "Песню о фонарике". А после десятилетки поступил на военно-морской факультет одного из местных институтов. Курсанты носили морскую форму, маршировали по набережной Невы с песнями, и Евгений был ротным запевалой. Потом стал заниматься сольным пением при самодеятельном хоре университета у педагога Марии Михайловны Матвеевой, которая и определила: "Женя будет большим певцом". Она же хлопотала, чтобы Евгения послушали в консерватории.

- На всю жизнь запомнился мне солнечный день

12 апреля 1960 года,- вспоминал Евгений.- Меня прослушал профессор консерватории Василий Михайлович Луканин, и после экзаменов я стал его учеником. Это большое счастье, что встретил такого учителя. Никто из нас, студентов, никогда не видел его раздраженным, невнимательным, усталым. Всегда подтянутый, аккуратно и со вкусом одетый, приветливый, улыбающийся своей чудесной улыбкой, он, зная усталость, и болезни, и неудачи, и заботы, людям дарил только свет и тепло своей души.

За все годы знакомства я убедился, что и Нестеренко так же щедро дарит "свет и тепло своей души". Особенно он внимателен к тем, кого называют "простые люди". В одну из поездок по Псковщине Евгений повстречал больного парня. О таких в народе с состраданием говорят - убогий.

- В тот день я с особой остротой почувствовал

"Ваню скорбного", которого так реалистически и с такой трагической силой показал Мусоргский в знаменитой песне "Светик Савишна",- рассказывал Евгений.

Модест Петрович создал это произведение, увидев летним днем, как несчастный горбун объясняется в любви деревенской красавице. Сострадание к чужому горю, к чужой беде помогло композитору ярко запечатлеть чувства одиночества, безысходности, потребности в любви и ласке. Достоевский писал: "У нас созданся веками какой-то еще нигде не виданный

высший культурный тип, которого нет в целом мире - тип всемирного боления за всех".

Да, милосердие - основное достоинство русского интеллигента, и обычно оно особо свойственно человеку, которому самому довелось что-то пережить. Осенью 1985 года Нестеренко приехал в Пушкинские Горы на съемки фильма "Алеко". И как на грех все вокруг окутал туман. Мы сидели в гостинице и говорили о жизни. Осенняя природа навевала грусть, и Евгений рассказал, как остро переживал в детстве невзгоды, выпавшие на его долю,- родной матери он не помнил, она умерла, когда ему исполнилось девять месяцев.

Наверное, эти переживания детства глубоко запали в душу и стали основой милосердия, а позже помогли Нестеренко понять гениальную чуткость Мусоргского. К этому пониманию Евгений подводил постепенно и меня.

Однажды я получил от него книжку, изданную в Париже в 1908 году под названием "Заветы М. П. Мусоргского. К новым берегам". Автор, Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм, известная певица, в восьмидесятые годы прошлого столетия встречалась с Чайковским, Римским-Корсаковым, Балакиревым, Стасовым... Мусоргского она не видела только потому, что он умер, когда Марии исполнилось двенадцать лет. Но никто из современников, приближенных к Модесту Петровичу, не сумел так глубоко постигнуть творчество композитора и так тонко понять его человеческую судьбу, как Мария Алексеевна. В этом убеждают строки из ее книги: "Во всех своих сочинениях Мусоргский проявляет более тонкую чуткость, чем чуткость общества, среди которого мы живем. Глубоко естественный и человеческий, он составляет чистоту будущего... Но насколько он выше нас жизненностью и могучей чуткостью! Его искусство как бы ждет нас на повороте дороги, ведущей к гениальной и отзывчивой доброте, которой мы еще не достигли, но которую он нам ярко озаряет".

Перечитывая полное собрание писем Мусоргского, уже после знакомства с книгой Олениной-д'Альгейм, я обратил внимание на особую деликатность Модеста Петровича. Стал перечитывать с пристрастием, еще более внимательно - и поразился: в каждом письме величайшая чуткость! Казалось, что Мусоргский жил на небесах и никогда не снисходил до земных мелочей и передряг быта. И это композитор, познавший жизнь без прикрас и создавший множество образов живых, неподкрашенных, со свойственными человеку слабостями и пороками. В письмах этот тонкий знаток людской психологии не позволял себе недоброжелательно, нетактично отозваться о ком-нибудь, заниматься пересудами по поводу не только друзей, но и противников. Даже в самые критические моменты, когда бывшие единомышленники открыто предавали Мусоргского, не понимая его новаторства, он сдержанно говорил о своих переживаниях и опять же не переходил на личности: "Ваше письмо горячее, несдержанное, но спасибо за него", или: "Письмо ваше - побуждение досады", или еще мягче: "Предубеждение с вашей стороны...". Чаще всего он решал конфликт с помощью шутки, юмора: тонкого, умного, доброжелательного.

Может быть, такая сверхделикатность в письмах - случайность? На это сам Мусоргский отвечает: "Я человек, и мне доступны все человеческие гадости, как и некоторые хорошие стороны... Только дай волю страстям... Не давал в этом отношении и не дам, пока сил хватит. Завиднее всего спокойная совесть".

Не давать волю страстям... Легко написать, но как исполнять это в жизни, где столько причин и поводов для конфликтов?

Мусоргского называют "живописцем народа". И действительно, всю свою недолгую жизнь он жаждал "не познакомиться с народом, а побрататься", чтобы жить "его отрадою и его горем и страдою". По свидетельству Н. И. Компанейского, который учился с Мусоргским и знал его продолжительное время, добродушие Модеста Петровича было беспредельным и "вообще в нем было чрезвычайно много типичных сторон дарования и характера русского человека".

Не отсюда ли исходит и гениальная чуткость Мусоргского? Этим вопросом мы завершим рассказ о поисках и обратимся к находкам, которые ведут к истории рода и земли композитора, к истокам его великой музыки.

"Мусорга" - певец и музыкант

На одном из музыкальных фестивалей на родине Мусоргского выступал ответственный работник Союза композиторов СССР и, к удивлению и недоумению хозяев праздника и гостей, настойчиво и как бы бравируя повторял фамилию Мусоргский с ударением на "о". Такое произношение звучит непривычно, однако слышать его приходится не так уж редко. Совсем недавно в передаче Центрального телевидения приняла участие дочь Шаляпина Марфа Федоровна, живущая в Англии. На вопрос, кого из композиторов больше других любил ее отец, ответила не задумываясь: "Конечно, Мусоргского!" И она сделала ударение на втором слоге!

Может быть, эту фамилию так и следует произносить?

Татьяна Георгиевна Мусоргская, внучатая племянница композитора, не раз повторяла, что ее отец Георгий Филаретович и тетушка Татьяна Филаретовна произносили "Мусоргский" с ударением на "о" - "более звучно, по-польски".

Польское влияние, действительно, могло сказаться. Многие века наши земли не только были пограничными, но и находились в прямой зависимости от Польши. В документах архива обнаружилась такая запись: "3 августа 1610 года были отданы королем Сигизмундом поместья Петру Мусорскому".

По различным источникам удалось проследить жизнь предков композитора на земле псковской более чем за четыре века. За это время к Мусоргским никто из иностранцев не "примешался". Все они родились и росли, как сказано, "в Луцком уезде Жижицкой волости". Здесь их крестили, венчали, отпевали. И в жены они брали только русских невест.

Во всех церковных книгах, которые вели священники, в гражданских "Ревизских сказках", заполнявшихся рукой предков композитора с XVI века, фамилия писалась в таких вариантах: Мусерской, Мусарский, Мусерский, Мусурский, а в метрической книге о рождении Модеста - Мусирской, но везде без буквы "г".

Откуда же взялась эта буква, и имеет ли она какое-нибудь отношение к произношению фамилии на польский лад?

Вспомним, Мусоргский с детства увлекался историей. Он писал: "История - моя ночная подруга". Интерес к минувшему, к самым сложным моментам русской истории композитор особенно проявляет во время работы над "Борисом Годуновым" и "Хованщиной". "Купаюсь в сведениях, голова, как котел, знай подкладывай в него..." "На днях нырнул в самую глыбь". А "глыбь" - это первоисточники: раскольничьи повествования, древние летописи, записки, письма протопопа Аввакума.

В публичной библиотеке Стасов специально выделил Модесту Петровичу кабинет, кресло, стол и завалил редкими книгами по истории. Любопытно, что в этой комнате позже перечитывал те же самые книги великий Шаляпин. В знак особого расположения к певцу Стасов разрешил ему посидеть в знаменитом кресле, ручки которого уже были перевязаны шнуром, сказав при этом: "Здесь, знаете ли, сидели Николай Васильевич Гоголь, Иван Сергеевич Тургенев... Да-с!"

Мусоргский изучал историю, чтобы правдиво изобразить жизнь, а Шаляпин хотел глубже понять образы героев опер. Федор Иванович специально встретился со знаменитым ученым, автором восьмитомных сочинений по российской истории Василием Осиповичем

Ключевским. Об этой встрече певец поведал так: "Когда я попросил его рассказать мне о Годунове, он предложил отправиться с ним в лес гулять. Никогда я не забуду эту сказочную прогулку среди высоких сосен по песку, смешанному с хвоей. Идет рядом со мной старичок, подстриженный в кружало, в очках, за которыми блестят узенькие мудрые глазки, с маленькой седой бородкой, идет и, останавливаясь через каждые пять-десять шагов, вкрадчивым голосом, с тонкой усмешкой на лице, передает мне, точно очевидец событий, диалоги между Шуйским и Годуновым, рассказывает о приставах, как будто лично был знаком с ними, о Варлааме, Мисаиле и обаянии Самозванца".

Шаляпин на всех сценах мира пел партии Бориса, Пимена, Досифея, Варлаама... И конечно же, знакомство с историей помогло ему отразить на сцене правду жизни, о которой Мусоргский говорил: "Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солона, смелая, искренняя речь к людям - вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться..."

Мог ли Мусоргский, кропотливо изучавший историю России, не интересоваться своей родословной, своими предками - свидетелями и участниками тех событий, которые композитор отразил в своих произведениях? На это он ответил не без гордости в автобиографии: "Сын старинной русской семьи". Во французском варианте в скобках стоит "боярин" - видимо; Модест Петрович хотел этим подчеркнуть, что в старину его предки принадлежали к знатному сословию. Прямых свидетельств того, что он изучал историю рода, нет, но один факт позволяет предположить, что Мусоргский хорошо знал свою родословную. С 1860-х годов Модест Петрович в письмах к друзьям и в сочинениях начал писать фамилию с буквой "г". В то же время в деловых бумагах и письмах на родину он до конца жизни сохранил прежнее, дедовское написание. Однако этого не заметили ни Стасов, ни другие современники композитора. Только в 1911 году в "Русской музыкальной газете" появилось сообщение, что подлинная фамилия композитора была Мусоргский, без буквы "г" перед последним слогом... Кто же здесь прав?

По преданию, Мусоргские происходили от смоленских князей - потомков Рюрика: "Род Монастырев, белозерцов, из Смоленска пришли". Сын князя Юрия Святославича, Александр, после смерти отца воспитывался в монастыре и получил прозвище "Монастырь". Он остался дворянином, но княжеского титула уже не имел, как и все его потомки.

В роду Монастыревых, впрочем, как и в других, древние имена существовали параллельно с христианскими и часто заменяли фамилию и даже имя и отчество: "Лодка Романов Монастырев, Неудача Циплятов Монастырев, Оладья Блинов Монастырев..." Имена и прозвища давали, вероятно, за какие-то броские особенности человека: Безнос, Блин, Дичко, Ерш, Кнут, Судак, Цапля...

Внука Александра Юрьевича - Романа Васильевича Монастырева - прозвали "Мусорга". От него и пошла фамилия. Как и Монастыревы, Мусоргские "размножились и захудали, их вотчины измельчали от семейных разделов", а вскоре оказались в среде провинциального дворянства, представителям которого было трудно пробиться к великокняжескому московскому двору.

Мусоргские были мелкими землевладельцами, несли ратную службу. Вот их звания и должности за последние века: дозорщик, воевода, патриарший, стольник, лучанин, вице-комендант, стряпчий, сержант, мичман, лейтенант флота, капрал, майор, корнет конной гвардии. Модест Петрович, потомок Рюрика в 33-м поколении, вышел в отставку в звании прапорщика Преображенского полка в 19 лет.

Далекие родичи композитора не только участвовали в походах и сражениях, защищали Русь, но были втянуты в дворцовые интриги, междоусобные войны и пережили многие трагические события, происходившие в стране. Так, с эпохой Ивана Грозного, предшествовавшей правлению Бориса Годунова, была связана личная драма предков композитора. Ляпун Янович и Третьяк Янович Мусоргские служили при Иване IV в числе "летучих слуг", а их брат Осип Янович был казнен опричниками...

Этот период массового беззакония, когда брат убивал брата и сын доносил на отца, отразил в романе "Князь Серебряный" современник композитора Алексей Константинович Толстой. Он писал, что при изучении источников книга не раз выпадала у него из рук и он с возмущением бросал перо не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от того, что могло "существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования".

Репрессии опричников разметали Монастыревых и Мусоргских по разным концам Московского государства.

В 1572 году, когда борьба с "изменой" стала затухать, пострадавшим от злодеяний разрешили вернуться в свои разграбленные "порозжи", вотчины, оставленные теперь уже попавшими в опалу опричниками. Но никто из Монастыревых не решился вернуться на свою родовую землю к Белоозеру, и, как говорится в исследованиях, "они, как птицы над разоренным гнездом, вились над родными местами".

Из писем Мусоргского видно, что он кропотливо собирал сведения по "исследованию Псковской старины под Грозным". Особый интерес проявил он к эпохе правления Бориса Годунова: "Вчитаться, пронюхать, по всей подноготной прошествовать и пораскинуть мозгами... Так надо относиться к исторической драме". Видимо, к Борису Годунову был и семейный интерес, ведь в период его царствования в Москве служил внук "летучего слуги" Иван Макарович Мусоргский. Он-то и был жалован поместьем в "Луцком уезде... за службу и храбрость в Польскую и Литовскую войну". А его сын Петр Иванович десять лет состоял "у государя писцом и дозорщиком", и за ним уже значится на Псковщине деревня Алексеевская - в будущем сельцо Карево, родина композитора. Владения Мусоргских перечисляются в жалованной грамоте, которая хранится в Псковском архиве. Выдана она отцом Петра I - царем Алексеем Михайловичем - Михаилу Ивановичу Мусорскому "за те службы", где в походах "многое одолели над противными", и чтобы в будущем "дети его, и внучата, и правнучата... за веру христианскую и за святые Божии церкви... и за свое отечество стояли мужественно".

В этих вотчинах побывал в 1706 году Петр Великий. Плохая дорога, по которой ехал царь, побудила его написать: "Зело лесиста и болотиста".

Реформы Петра несли России просвещение, умножали ее богатство, военную славу. В создании российского военно-морского флота принимал участие Михаил Филиппович Мусоргский, вначале мичман, а потом лейтенант.

В опере "Хованщина" Мусоргский показал петровскую эпоху. Оценивая по достоинству царя-преобразователя, композитор сочувственно относился и к трагедии стрельцов, которые вначале, "как львы, рыкая", гонялись с бердышами в поисках "изменников", а потом сами попали на плаху за неверность новому царю. Разделял Модест Петрович и страдания раскольников, которые, сохраняя верность старым традициям, пошли на самоожжение. Такое всепонимание сложной эпохи и острейшей драмы людей композитор воплотил и в "Борисе Годунове".

Новые исследования показывают, что с историей России была неразрывно связана родословная Мусоргских. Но когда же они точно осели на псковской земле?

По писцовой книге известно, что Макар Ляпунов Мусоргский "испомещен на Луках Великих в 1572 году". Однако предки композитора по бабушке-крепостной, как теперь стало известно, жили здесь испокон веков.

А первые поселенцы на территории Карева и Наумова, где теперь расположился музей-заповедник, появились более трех тысяч лет назад до нашей эры. В глубокой древности Жижицкое озеро (Жисцо) было полноводнее, глубже и шире, и люди вынуждены были строить жилища на сваях. Село Наумово, по последним научным данным Ленинградской археологической экспедиции, располагалось на сваях более 600 лет и неоднократно перестраивалось. Такие поселения, возникшие в период каменного века, нынче образно называют "Псковской Венецией". Во время одного сильного наводнения свайные поселки затонули и больше не восстанавливались. Потомки местных "венецианцев" стали жить в обычных домах. Они занимались охотой, Рыбной ловлей, сбором дикорастущих съедобных растений, скотоводством.

Недалеко от Наумова, рядом с Каревом, находился древний город Жижец - центр отдельной волости. Впервые он упоминается в летописи в 1245 году, когда литовские войска были разбиты Александром Невским "под Жижицем". В списке городов XIV века он назван в числе литовских, в XVI столетии уже принадлежит России, числится в составе Торопецкой волости и упоминается в "Духовной" Ивана III.

Городище было расположено на возвышенности полуострова, окружено крепостным валом, который сохранился до наших дней. При раскопках здесь были обнаружены орудия труда, предметы быта и украшения: стеклянные и янтарные браслеты.

С этого полуострова в марте 1839 года через заснеженное озеро на санях ехал крестить новорожденного в семье Мусоргских священник Александр Наумович Серебrenицкий, давший младенцу имя Модест.

Далекие предки Модеста по крестьянской линии жили на берегу озера, где "находили в изобилии рыбу и всякую лесную дичь, а также меха и воск". Отсюда селяне поставляли на княжеский двор дань рыбой, которая всем очень нравилась: Жижицкое озеро с древних времен и по сей день славится особым вкусом своих судаков.

Поселенцам у озера Жисцо за многие века неоднократно приходилось брать в руки оружие, чтобы защищать свою землю от набегов иноземцев.

В Псковской вечевой республике Торопец, по-древнему Кривит, был городом-крепостью и стерег рубежи. Александр Ярославич Невский наследовал торопецкие земли от матери своей Федосьи и сам венчался "в Торопчи с дочерью из Полотска - Брячеславой".

Торопецкую землю - родину Мусоргского - называют "страной истоков": здесь, среди болот и лесов, с высоких холмов и из озер начинается путь Волги, Западной Двины, Днепра, Ловати... Здесь пролегал и древнейший водный путь "из варяг в греки". И не случайно, что эта древняя земля - с ее говором и поверьями, с ее языческими песнями, с колокольным звоном - стала колыбелью композитора, певца России. Отсюда брала истоки великая музыка.

Почему же все-таки Модест Петрович исправил свою фамилию и ввел букву "г"? Думается, сделал он это прежде всего для того, чтобы возратить фамилии ее древнее звучание. А еще из уважения к орфографии: ведь если основа "Мусорга", то, конечно же, буква "г" необходима. А выпала она, видимо, фонетически, когда кто-то записал фамилию со слуха. Но самое главное - "Мусорга" по смыслу и значению совсем иное слово, чем "Мусора". "Мусорга" происходит от греческого "мусургус", что означает "певец и музыкант". Влияние греческих слов на русский язык, особенно церковный, несомненно. По древнерусскому словарю фамилия композитора тоже близка к слову "музыка": "мусикия" - искусство стройного и согласного пения. Возможно, Роман Васильевич Монастырев получил прозвище "Мусорга" за то, что, занимаясь хозяйственными и ратными делами, больше отличился как музыкант. Не исключено, что он пел в церковном хоре или слыл "баяном", певуном. У Романа Васильевича было пятеро сыновей. От младшего Ивана-Яна и пошли Мусоргские. Было ли потомство у четверых старших сыновей и какие фамильные прозвища они усвоили, неизвестно. Для нас важно другое - Мусоргский восстановил прежнюю фамилию потому, что она имела песенно-музыкальную основу.

Ни прадед, ни дед, ни отец композитора не помышляли о том, чтобы вставить незаконно утраченную букву "г". Значит, Модест Петрович предвидел долгую жизнь своей фамилии и позаботился о ее точном написании, а главное - о ее символической основе.

Ну а как же быть с ударением?

Как считает Евгений Нестеренко, постоянная буква "у" и неопределенная буква во втором слоге (Мусерской, Мусарский, Мусерский, Мусурский, Мусирской) говорят о том, что предпоследний слог был безударным. Значит, правильное произношение фамилии - с ударением на первый слог. Из местных жителей никто не произносит "на иностранный лад" такие названия, как "Мусоргская гора", "Мусоргское поле", "Мусоргская роща". Все эти уголья подарены крестьянам еще при крепостном праве и сохранили свои названия доныне.

Недавно в "Неделе" появилась любопытная заметка, в которой говорилось, что только в Красноярском крае живут почти четыреста Пушкиных, шестьсот Толстых, около двух тысяч Крыловых, шестьсот Буниных... Среди многочисленных Гоголей имеются и Николай Васильевичи... Есть и Суворовы, Кутузовы и двести Годуновых. Из "композиторских" фамилий двести Чайковских, пятнадцать однофамильцев Глинки...

Фамилия Мусоргский,- вероятно, единственная. А вот бабка композитора по крестьянской линии Ирина Георгиевна носила одну из самых распространенных на Руси фамилий. Однако биографам композитора она была неизвестна, так же, как и вся ее жизнь. Эта тайна до поры хранилась в архиве.

На благо россиянам

В переписке с друзьями Модест Петрович Мусоргский обронил такую фразу: "Соединение крепостной с аристократом-помещиком... на благо россиянам". А суть дела в том, что дед композитора Алексей Григорьевич, потомственный дворянин, женился на своей дворовой. По мнению биографов, этот неравный брак "вдохнул в угасающий род Мусоргских живительное обновление, благодаря которому явился на свет гениальный Модест".

О "романтической" истории деда и бабушки композитора написано немало. Однако все это чистый вымысел, ибо авторы не располагали никакими иными сведениями, кроме коротенькой записи в родословной: "Женат на своей крепостной Ирине Георгиевне Егоровой". В одном из таких вольных сочинений говорится, что Ирина была "любимой горничной покойной барыни... впоследствии ключницей... а потом и настоящей хозяйкой имения. Рождение сына Петра еще больше укрепило ее положение в доме: от первого брака у Алексея Григорьевича не осталось сыновей". В другой книге сообщается, что дед композитора "блестящий офицер... влечение сердца... поставил выше карьеры и женился на простой крестьянке..."

Как же было в действительности? С той поры минуло больше двух веков. Как известно, крестьян в дворянские родословные книги не записывали. Потому-то Ирина Егоровна так и пребывала в неизвестности: "без роду, без племени", без указания возраста и даже без фамилии.

И опять помогли уникальные "Исповедные росписи", хранившиеся в Великолукском архиве. В старой энциклопедии недаром говорится: "В некоторых случаях исповедные книги имеют доказательную силу метрических книг".

Внимательное изучение "Исповедных росписей" и других документов помогло восстановить картину жизни Мусоргских.

Прадед композитора Григорий Григорьевич вышел в отставку в звании ротмистра очень рано, вероятно, по состоянию здоровья, и умер, не дожив до тридцати лет. В родовом имении Полутино остались его жена Надежда Яковлевна со своей матерью, тоже вдовой, и тремя детьми: Николаем, Алексеем и Елизаветой. Сыновья подросли и стали военными, как велось в роду Мусоргских: жаловали их вотчинами только за ратную службу. Старший брат Николай Григорьевич, корнет конной гвардии, вышел в отставку рано, как и его отец - по болезни. Алексей Григорьевич, дед композитора, начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку сержантом. Позже в звании капитана был переведен в Архангелогородский пехотный полк. Почему же его отчислили из гвардии?

Обычно в пехоту списывали за какие-то провинности, как указывает А. П. Лопырев, - "за нечистую игру в карты, например, или за многократные дебоши в пьяном виде".

Удивительно, но это предположение недавно подтвердилось. Ирина Борисовна Голубева побывала в Калининском областном архиве и обнаружила новые интересные документы. В их числе "Дело об избиении капитаном-исправником А. Г. Мусерским канцеляриста Никифорова". Дед композитора "с свирепым видом избил канцеляриста в разные места" только потому, что не понравилось его поведение. Этот факт показывает, что характер у Алексея Григорьевича был вспыльчивый и он его не сдерживал, мог обидеть беззащитного.

В пехоте Алексей Григорьевич прослужил всего год. Покинуть военную службу ему помогли обстоятельства. В 1785 году Екатерина II подписала "Указ о вольности дворянства", который освобождал дворян от обязательной военной службы. Этим правительство решило укрепить экономику сельского хозяйства, и именно с этого периода начинается массовое поселение бывших военных в своих вотчинах и происходит развитие и обновление имений, расцвет провинциальной культуры.

Алексей Григорьевич уволился из полка 14 апреля 1785 года. Был ли он блестящим офицером, как изображали его авторы книг? Пожалуй, нет - на службе ничем особым не отличился, "в походах не участвовал", а звание секунд-майора получил к отставке "на его пропитание". На этом военная и всякая другая служба закончилась, и утверждать, что он "влечение сердца поставил выше карьеры", нет никаких оснований.

Карево. 1978 г.

Поселился Алексей Григорьевич в Карева, так как главное родовое гнездо занимал старший брат Николай Григорьевич. Братья числились холостыми.

История Карева представляет особый интерес, а между тем она была неизвестна даже главным биографам композитора. Сведения, приведенные ниже, публикуются впервые.

Кареево упоминается в 1670 году: "сельцо Алексеевское под выткою над озером Жисцома ныне слывет Карево". Вытка - старинное слово, означавшее долю, участок земли для платежа податей. В документах XVII - XVIII веков это селение так и пишется с двумя названиями, и только в начале XIX столетия окончательно закрепляется одно имя - Карево. Можно предположить, что первое название связано с именем царя Алексея Михайловича, так как именно он даровал эти земли предкам композитора. Кроме Карева сюда входили несколько сел и деревень, а родовое имение Полутино находилось в двадцати верстах от Карева на реке Торопе. Карево всегда именовалось сельцом, а не деревней, а это значит, что здесь был господский дом. Однако, как показывают документы, имение это было "запасным", и большею частью здесь жили одни дворовые. Из записи, сделанной более двух веков назад, известно: "В Карева водворен дворовый человек Федька Родионов с братом своим Мирошкою... У Федотки три сына: Лукьянка шести лет, Афонька четырех лет, Тимоха двух лет... во дворе крестьянин Терешка Лаврентьев и два сына - Викушка и Савка..." Разумеется, здесь жили и их матери, жены, сестры, но в старых документах называют только лиц "мужеска пола".

Дед композитора вышел в отставку в двадцать семь лет. В эти годы в Карева значились два двора - господский дом и людская, а также хозяйственные постройки. Ни парка, ни сада на усадьбе не было, так как вся свободная земля использовалась под пашню. Дворовые и крестьяне, как записано в "Экономических примечаниях", обрабатывали землю "на себя и своего господина". Женщины кроме полевых работ "упражнялись в домашних рукоделиях", то есть пряли шерсть, ткали холст и сукно "для себя и для господина". Кареевское имение не приносило большого дохода: почвы - иловатые, урожаи низкие, сенокосные угодья скудные, как говорили крестьяне, - в траве "блоху можно сыскать". Даже природные дары не баловали: лес занимал небольшое пространство "по болоту, редкий, дровяной, с березой, осиною и ольхой". В нем "набегом бывали зайцы и белки". Зато в имении водились в большом количестве певчие птицы: "соловьи, дрозды, скворцы, чижи, щеглы, а в поле

жаворонки и коростели".

Алексей Григорьевич обновил усадьбу, как требовали образ жизни холостяка, его вкусы и, конечно, средства. Документы показывают, что он не искал влиятельных связей, не отличался и особым усердием в хозяйстве, продавал то, что принадлежало предкам, как, к примеру, деревню Татырино. Поддерживал дружбу с ближайшими соседями, особенно с Чириковыми из Наумова. Алексей Григорьевич проводил время в основном в обществе своих дворовых, среди которых на первом месте значился его денщик из крепостных Семен Емельянов, прошедший с барином всю военную службу. В Кареве жили еще семь холостых мужчин и дворовые девицы. Первым нарушил холостую жизнь Семен Емельянов, взяв в жены крестьянку Прасковью Карпову, которая была на восемнадцать лет его моложе. Вслед за ним встали под венец и другие холостяки, и каревская усадьба стала своеобразным семейным общежитием. Вскоре нашел себе подругу и барин, но выбор его пал не на дворянку, хотя в Уезде было немало невест в помещичьих усадьбах.

По "Исповедным росписям", в Кареве появилась новая "дворянская девица" Ирина Егорова. Откуда она взялась? Ни в одном из пяти имений, принадлежавших Мусоргским, Ирина не значилась. Может быть, Алексей Григорьевич ее купил? Думать так основания были: дед композитора, как записано в "Ревизских сказках", продавал детей-сирот помещице Пелагее Турчиной в Смоленскую губернию и покупал взрослых крестьян у великолукского помещика Петра Сафронова. Но среди приобретенных Ирины не было. Где же ее следы? Оставался еще вариант - пересмотреть списки крестьян всех ближних приходов, а их только в одном Торопецком уезде более пятидесяти, и в каждом десятки деревень, сотни имен...

После долгих поисков "похожая" Ирина обнаружилась в списках погоста Платичино в деревне Юрьево, которая находилась в трех верстах от Карева и входила во владения Алексея Григорьевича. Разумеется, чтобы точно установить личность, пришлось параллельно пересмотреть другие документы.

Родилась Ирина в 1776 году в маленькой, из двух дворов, деревеньке Юрьево в семье крепостных крестьян Ивановых. Ее прадед и дед - оба Иваны - прожили по сто с лишним лет. Долгожителями были прабабка и бабка. В многодетных семьях прадеда, деда, отца рождались больше мальчики - будущие работники. Потомственное имя Иван особо почиталось. У Ирины было три брата, которые в документах именовались Иван-первый, Иван-второй, Иван-третий. Вероятно, как и принято, у всех были еще и свои прозвища, из которых потом нередко образовывались фамилии. Четвертого брата - Сергея барин сдал в рекруты.

В Юрьево Ирина жила до семнадцати лет. Что же разлучило ее с родителями? Конечно, в этом возрасте могли ее сосватать такие же крепостные крестьяне из соседних деревень, а после венчания и свадьбы жила бы она невесткой в чьей-либо большой семье. Но Ирине выпала иная судьба. Ее вместе с младшим братом Иваном перевел к себе в Кареве Алексей Григорьевич в качестве дворовых. Ирина на восемнадцать лет была моложе барина. Вскоре по "Исповедным росписям" она уже значилась как "вдова Ирина Егорова" с припиской "ея дети - Петр". Вдовами в документах называли не только лишившихся законного мужа, но и тех, у кого дети рождались вне брака. Только таким отчества не давали, а именовали "Богдановы", то есть богом данные. Вспомним фразу из одной книги:

"От первого брака у Алексея Григорьевича не осталось сыновей". По документам архива, никакого "первого" брака у деда композитора не было, и он числился холостяком до шестидесяти лет. А вот Ирина была замужем дважды. Согласно метрической записи в ноябре 1801 года, ее обвенчали с дворовым человеком Львом Парфеновым. Может быть, по традиции, известной из литературы и воспоминаний стариков, помещик хотел прикрыть свой грех и выдал Ирину с ребенком за крепостного? От брака с крепостным у Ирины появился сын Авраам. Однако молодой муж, ровесник Ирины, скоро исчезает из "Исповедных росписей". Куда? Не исключено, что его отдали в рекруты, чтобы молодая солдатка осталась "свободной": и такие варианты известны в литературе. Позже разгадка нашлась в "Ревизских сказках" - Лев Парфенов умер через два года после женитьбы, и Ирина снова стала числиться вдовой, теперь уже законной.

В 1807 году в Полутине умер, так и не женившись, Николай Григорьевич и все оставил по завещанию младшему брату.

Алексей Григорьевич становится единственным хозяином всех владений. Во время жизни в Кареве дед композитора жертвовал на содержание Одигитриевской церкви в Пошивкине, теперь же на свои средства он начинает строить вместо деревянной Успенской церкви каменное здание. В новом храме два зала названы в честь святых Николая и Алексея - дань памяти умершему брату и поклонение своему ангелу-хранителю Алексею.

Алексей Григорьевич переезжает в Полутино и забирает Ирину с детьми - у нее родились от барина еще две дочери: Олимпиада и Надежда.

В Кареве все эти годы, как и раньше, снова живут только дворовые. Среди коренных обитателей две семьи: Степан Пахомович Иванов с женой и пятью детьми и вдова Прасковья Карповна Емельянова, тоже с пятью детьми. А в Полутине по записи за 1817 год значится "секунд-майор Алексей Григорьев Мусерской - холост", а в списке дворовых - вдова Ирина Егорова и "ея дети Петр, Авраамий, Олимпиада, Надежда", все Богдановы. Конечно, священник знал, чьи это дети, но по-иному именовать незаконнорожденных в официальных документах он не имел права.

Каково же было фактическое положение Ирины и ее детей? Скорее всего, жила она при помещике на правах жены и барыни. А дети - Петр, Олимпиада, Надежда, - даже если судить по их почерку в документах архива, получили хорошее образование. Однако все эти барские, а точнее, отцовские милости не коснулись Авраама, рожденного от брака с крепостным, - он так и числился неграмотным и дворовым.

Время шло, дед композитора старел и, видимо, сознавал, что другую семью, "благородную", ему уже не завести. И в 1818 году в Успенской церкви состоялось венчание "Алексея Григорьева сына Мусерского 60 лет с Ириной Егоровой..."

Чтобы совершить обряд, пришлось крепостную назвать "торопецкой мещанкой", и только через два года Ирина Егоровна со взрослыми уже детьми была узаконена во всех правах указом Сената. Прощение Алексея Григорьевича собственноручно подписал 15 июня 1820 года в Царском Селе царь Александр I. В законном браке "молодые" прожили до 12 августа 1826 года, когда Алексей Григорьевич "умре натуральной болезнью", то есть по старости. После отпевания его похоронили в семейном склепе на погосте Золовье. С этих пор Ирина во всех документах пишется с "дворянским" отчеством Георгиевна (имя Егор, как

простонародное, крестьянское, не значится в святцах). Как сказано, "дворянская вдова, помещица Мусорская" вела и все хозяйственные дела, правила имениями, пока не вернулся, оставив службу в Сенате, теперь уже законный наследник всех владений Петр Алексеевич Мусорский.

Когда заканчивалась работа над этой главой, в черновике я уже написал фразу: "К сожалению, дальнейшую жизнь бабушки композитора проследить не удалось". Но, увы, такое заключение покоя не принесло. Ведь в метрической записи о рождении Модеста сказано, что Ирина Георгиевна была его крестной. Значит, в это время была еще жива. Но где она находилась? По документам архива ни в Полутине, ни в Кареве, ни в Юрьеве - не значилась. Снова пришлось надолго засесть в архив, перелистать тысячи страниц рукописных книг разных погостов. И наконец радостная встреча... Оказалось, что Ирине Георгиевне вместе с дочерью Надеждой (Олимпиада вышла замуж за вдовца с тремя детьми - майора Родзянко и получила в приданое сельцо Першино в Великолукском уезде) досталась при разделе половина деревни Юрьево и "в деньгах 16350 серебряных рублей". Вероятно, жизнь в родной деревеньке, в крестьянском доме их уже не устраивала, и они купили сельцо Семенцево, принадлежавшее ранее помещику Абакумову. А в той половине деревни Юрьево, которая досталась им по разделу, все еще жила вся крепостная родня: "Егор Иванов вдовый с двумя сыновьями Иваном первым и Иваном вторым, с женою первого Ивана Прасковьею Никифоровою и сыном Андреем..." Запомним это имя: Андрей является родным племянником Ирины Георгиевны, и речь о нем пойдет в дальнейшем.

В сельце Семенцево Ирина Георгиевна жила независимо от сына и невестки с незамужней Надеждой и холостым Авраамом, который все еще числился дворовым. Отсюда она и приезжала на крестбины Филарета и Модеста и на другие семейные торжества и подолгу гостила в Кареве, нянчила внуков. В память о бабушке Модест Петрович оставил строки в знаменитой "Детской". В тексте, им сочиненном, няня учит молиться "на сон грядущий" и просить бога, чтобы послал он: "Доброе здоровьице бабушке добренькой, бабушке старенькой..."

Сельцо Семенцево было приписано к погосту Допша, где находилась Успенская церковь. Здесь бабушка композитора справляла все христианские обряды, в этом храме ее отпели и проводили в последний путь.

И снова новые сведения, обнаруженные И. Б. Голубевой. В "Деле об утверждении духовного завещания, составленного помещицей майоршей Ириньей Мусарскою..." 1849 года, 25 января, говорится о том, что в связи с болезнью она просит судебного заседателя приехать к ней, чтобы оформить завещание дочери "девице Надежде Мусарской".

По "Исповедным росписям" я знал, что в это же время жил здесь ее сын Авраам, и непонятно, почему Ирина Егоровна не только не завещала ему ничего, но даже не освободила от крепостной зависимости, не дала вольную. А через десять лет Надежда Алексеевна Мусоргская оставила все по завещанию своим племянницам Александре и Любви Родзянко.

Церковь неплохо сохранилась до наших дней и, как считают специалисты, представляет интерес как Редкий памятник архитектуры потому, что такие "маленькие, языческие, разнообразные, как бы игрушечные древние церкви убедительно говорят нам о

талантливости нашего народа...". Теперь же значение этого храма повысилось, так как он связан с именем Мусоргского. По рассказам старожилов Модест и в детстве гостил у бабушки, и позже бывал здесь у тетушки Надежды Алексеевны, которая так и не вышла замуж, как остался холостым и ее крепостной брат Авраам.

Пока в архиве прослеживалась год за годом жизнь бабушки композитора, невольно думалось о Юрьеве, о том, сохранилась ли эта деревенька и остались ли там родственники Мусоргского по крестьянской линии. После опроса старожилов стало известно, что Юрьево ныне не существует, а жители переселились в соседнюю деревню Логово.

Весной вместе с моим постоянным попутчиком - художником Петром Дудко - поехали мы в эту деревню. В крайней к дороге избе узнали, что из юрьевских остались только старик со старухой по фамилии Баштыновы и живут они на противоположном конце деревни. Мы пошли мимо заколоченных домов. Встретили одну старушку, вторую, старика, и все они говорили: "Баштыны в коричневой изобке живут". Мы не надеялись увидеть наследников Ирины Георгиевны, так как Баштыновы ни с какого боку не подходили к ее девичьей фамилии - Иванова. Долго брели по мокрому снегу, и вот мы в "коричневой изобке". Постучали, вошли. За столом, опершись на руки, сидел худой старик, с печки выглядывала бабка. Когда познакомились, хозяин дома Иван Гаврилович Баштынов сказал:

- Юрьево после коллективизации исчезло. Теперь там не пашут, не косят - все заросло лесом и бурьяном.

Мы заговорили о жителях, и оказалось, что одни давно умерли, другие разъехались. Спросили старика о его фамилии.

- Баштын было прозвище моего деда, а отец писался Андреев Гаврила Андреевич. Это сообщение обрадовало, и мы стали выпытывать у стариков другие имена.

- У отца была старшая сестра Федора, младшая Анна, еще Федосий... А деда звали Андрей Иванович.

Услышав эти имена, мы здесь же для верности заглянули в копии "Исповедных росписей" за 1863 год. В деревне Юрьево значилось: Андрей Иванов - сын Ивана-первого, родной племянник Ирины Егоровны. А рядом его дети: Федора, Федосий, Анна и Гаврила - отец нашего собеседника. Все сходилось, Иван Гаврилович был наследником юрьевских Ивановых и родственником композитора. В память о предках получил он самое распространенное на Руси имя Иван, как сказано в месяцеслове - "благодать божья".

К сожалению, продолжателей рода в этой семье не было, но из беседы выяснилось, что недалеко отсюда живет внучка Федосия и у нее взрослые дети.

Мы записали подробно все воспоминания о Юрьеве и роде Ивановых, с особым интересом посмотрели сохранившиеся фотографии: ведь зачастую внешнее сходство передается из поколения в поколение, и, может быть, удастся составить хоть какое-то представление о внешности крепостной "девки Ирины, присушившей барина", которая, по утверждению Модеста Петровича, "на благо россиянам" накрепко сроднила его с народом как в творчестве, так и во взглядах.

Три года минуло после нашего похода с художником к жителям Юрьева. Материалы об этой исчезнувшей деревне, а также и о бабушке композитора Ирине Георгиевне были опубликованы в газете "Советская Россия", в журнале "Нева". Поездки на родину

Мусоргского продолжались. Весной мне предложил место в автобусе Иван Семенович Сармин, ученый Великолукского сельскохозяйственного института, занимающийся реставрацией парка в музее Мусоргского. С ним ехала группа изыскателей-геодезистов.

- Будем прокладывать пешеходную тропу к Юрьеву,- пояснил Иван Семенович.- Наверное, вы слышали: в этой деревне родилась бабушка композитора, и здесь намечается поставить крестьянский сруб, плетень, колодец с журавлем и открытую сцену для концертов.

Я рассказал, как "откопал" эту деревню в архиве и нашел Ирину Георгиевну.

- Не может быть,- удивился Сармин,- ведь я веду работы по московскому проекту, а там Юрьевом группа специалистов занимается.

- Выходит, не зря глотал пыль в архиве,- отвечал я шутливо,- нашел занятие москвичам. А на душе было радостно, что Юрьево теперь возродится, не исчезнет с лица земли и из памяти людей.

У деревни Кадосно мы вышли из автобуса и пошли к Юрьеву по едва заметной тропке, которая вилась по крутому берегу ручья. Нас окружал девственный лес. Деревья были еще голые, а внизу из бурой прошлогодней листвы пробивались белые и голубые подснежники. Геодезисты обозначали тропу вешками, а когда пришли на место, стали размечать место для будущей сцены.

- По проекту Юрьево войдет во Всесоюзный туристический маршрут, а на сцене будут выступать в праздники фольклорные ансамбли,- пояснял Сармин.

Под раскидистой вербой, где планировалось построить эстраду, я решил попробовать, как звучит голос. Вспомнив наставления дирижера нашего хора, взял дыхание и спел "Молитву" из "Хованщины":

- Господи! Не дай врагам в обиду и охрани нас и дома наши милосердием твоим...

Этот хор в опере исполняют стрельцы и стрелецкие жены, и обычно зрители в театре долго аплодируют. Евгений Нестеренко рассказывал, что когда "Хованщина" исполняется артистами Большого театра за рубежом, в Париже, Милане, Софии, эта молитва стрельцов всегда повторяется, несмотря на то, что исполнение отдельных номеров оперы, особенно хоровых, "на бис" в современном оперном театре не принято. Но что делать, если занавес поднимается и опускается без конца, а овация не прекращается, пока публика не услышит этот хор еще раз! Слова и музыку Мусоргский сочинил уже в конце жизни 29 мая 1880 года в Ораниенбауме. Короткой молитвой композитор как бы хотел оградить родную Русь, ее людей и их жилища от всех зол и несчастий.

А акустика в Юрьеве была превосходная! Изыскатели дружно зааплодировали, когда я спел "Молитву". Можно сказать, что первый концерт в Юрьеве состоялся, и открыл его рядовой бас самодеятельного хора "Кант".

За ручьем в черемуховых кустах куковала кукушка, и ее глубокий стонущий альт отзывался в округе троекратным эхом. Наверное, так же звонко разносились на деревенской околице голоса юрьевских песнохорок, среди которых, может быть, находилась и Ирина.

Этим обязан матери

Первый биограф Мусоргского В. В. Стасов уже спустя неделю после похорон композитора начал собирать материалы для очерка о нем. В письме к М. А. Балакиреву он спрашивал: "Что за субъект была мать Мусорянина, и играла ли она в его жизни какую-нибудь роль, или ровно никакой и про нее не надо ничего говорить?" С подобными вопросами критик обращался к родственникам, друзьям, знакомым, но конкретных сведений о матери, видимо, не получил, так как их нет в очерке.

Интерес к родителям композитора проявил и второй его биограф, профессор В. Г. Каратыгин, который специально поехал на Псковщину, чтобы в числе других сведений разыскать портреты отца и матери. Как он пишет, эти поиски "не увенчались ни малейшим успехом". В двух очерках Каратыгина, опубликованных в разных изданиях, сведения о матери самые незначительные. Они уместаются в несколько строк: "Юлия Ивановна, урожденная Чирикова, была, рассказывают, особой романтической, восторженной, влюбчивой, писала стихи..." Отрывок одного из стихотворений Каратыгину посчастливилось обнаружить - всего тридцать семь строк, и они были напечатаны в 1917 году в журнале "Музыкальный современник".

В последующие годы все, кто писал о родине Мусоргского, пользовались материалами Каратыгина, а если и дополняли - то вымыслом. Естественно, авторы не забывали упоминать и о матери, но, к сожалению, в некоторых публикациях ее изображают как "заурядную, сентиментальную провинциальную барыню", которая и замуж-то вышла "не по любви", и жизнь ее была "нелегка" с мужем, "порядочным кутилой". Однако такая характеристика не только не подкреплена документами, но и противоречит свидетельству самого Мусоргского, которое можно установить при внимательном чтении писем композитора и воспоминаний его современников.

О своей родословной по отцовской и материнской линиям М. П. Мусоргский мог бы сказать словами Пушкина: "Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие".

Родовое гнездо Чириковых - село Наумово - представляет большой интерес для биографов композитора, потому что здесь родилась и выросла его мать и сохранились почти в первозданном виде усадьба и господский дом, где теперь расположен музей.

Наумово было пожаловано пращуру композитора по материнской линии вместе с другими вотчинами царем Алексеем Михайловичем "за ратную службу". И действительно, на гербе Чириковых изображены в основном ратники: стрелок из лука, юноша с серебряной саблей... Есть еще один интересный символ: с правой стороны герба нарисована "рука, благословляющая из облака". Это означает, что основатель рода находился под особым покровительством Святого Владимира. А если вчитаться в описание герба внимательнее, то откроется одна тайна: оказывается, родоначальником Чириковых был выходец из Орды, воспринявший "веру христианскую от архиепископа Кирилла". Но, несмотря на азиатское происхождение, потомки ордынца верой и правдой служили русским князьям и, как говорится в "Бархатной книге", Петр Чириков "при великом князе Дмитриии против неверного царя Мамайа был... при переправе Аки реки", то есть участвовал в знаменитом сражении.

Знал ли Мусоргский, что в его жилах течет азиатская кровь? Об этом ничего не известно. Но в своей великой опере "Хованщина" устами Голицына композитор с горечью восклицает: "О, святая Русь, не скоро ржавчину татарскую ты смоешь!"

Из российской истории известно, что многие представители фамилии Чириковых "находились в знатных чинах" и прославили родину своими походами и победами. Среди них известный мореплаватель Алексей Ильич Чириков, в честь которого назван остров близ Аляски. Одна из родственных ветвей связывает Чириковых с великим полководцем Михаилом Илларионовичем Кутузовым.

Дед композитора по материнской линии Иван Иванович Чириков особых заслуг и отличий не имел. После мирной службы в лейб-гвардии Преображенском полку он вышел в отставку в чине капитана и поселился в Наумове, где жили его мать, капитанская вдова Вера Алексеевна, и незамужняя сестра Серафима. Из рукописных "Экономических примечаний" можно узнать некоторые подробности жизни того периода. На усадьбе стоял деревянный дом, окруженный разными постройками, парком, большим садом. В саду росли яблони, груши, вишни, смородина черная и красная, и с этих деревьев и кустарников собирали "плоды для господского обиходу". К владениям Чириковых относились еще семь деревень с крестьянами, одиннадцать пустошей, пахотная земля. Неподалеку находился лес: "дровяной, еловый, сосновый, березовый, ольховый, осиновый, рябиновый и ясеневый". Лес, как видно из записей, изобиловал дичью. В нем водились: "волки, зайцы, белки и птицы - тетерева, куропатки, рябчики, а при водах - утки, кулики, бекасы".

Наумова. Дом деда композитора

Крестьяне Чириковых в сравнении с другими жили лучше, так как состояли "на господском издоле", то есть были участниками распределения доходов. Женщины помимо сельских полевых работ занимались прядением и ткачеством льняных холстов и шерстяных сукон - "на себя и на продажу". А это значит, крестьяне располагали не только натуральными продуктами, но и деньгами и покупными товарами.

Хозяин имения Иван Иванович Чириков постоянно заботился о расширении владений, прикупал землю и даже целые деревни. Это было кстати: вскоре он обзавелся семьей. Через год после свадьбы Чириковых появился наследник - сын Александр. Потом рождались дочери. Крестным отцом троих детей был каревский помещик Алексей Григорьевич Мусоргский, и это говорит о добрых отношениях соседей.

Год рождения матери композитора ни в каких печатных изданиях не указан. Сегодня мы можем заполнить этот пробел в родословной. Обнаруженные в архиве документы, в том числе и "Исповедные росписи", показывают, что Юлия Ивановна родилась в 1807 году - пятой по счету в семье. После нее было еще трое детей: Николай, Елизавета и Серафима. А до нее - Александр, Вера, Надежда, Любовь. С семи лет Юлия осталась без матери, и, как показывают документы, все старшие в этой семье помогали отцу растить и воспитывать младших. Значит, и она сама побывала в роли няньки, а это, конечно же, не могло не сказаться на душевном складе.

Дети получили прекрасное воспитание и образование. С малых лет они владели двумя языками, изучали различные общеобразовательные предметы, занимались музыкой, читали, приобщались к труду: девочки умели прясть, вышивать, вязать.

В наумовском доме половину годовых доходов тратили на воспитание детей, особенно, как сказано, "на книги" и "на музыку".

Красивый господский дом Чириковых с мезонином, балюстрадой, белыми колоннами стоял на высоком холме, возвышаясь над просторами Жижицкого озера. Из верхней комнаты виднелся другой холм, расположившийся в полутора верстах, - с селцом Каревом. Погост Пошивкино находился на краю Наумова и соединял земли Чириковых и Мусоргских. Одигитриевская церковь была "общей". Здесь регистрировались все знаменательные события помещиков-соседей и их крестьян. В этом храме в октябре 1828 года и произошло историческое событие - сроднились два древних рода. В "Метрической книге", которая хранится в Великолукском архиве, есть подлинная запись о том, что "коллежский секретарь Петр Алексеев Мусерской 30-ти лет венчан с девицей помещика губернского секретаря дочерью Иулией Ивановной 20-ти лет первым браком". Заметим, что этот документ впервые указывает и на возраст отца композитора, ранее неизвестный.

Музей М. П. Мусоргского. Анфилада комнат

После свадьбы молодые поселились в Полутине, а не в Кареве, как утверждали все биографы. Там находился большой двухэтажный господский дом, окруженный парком, со всеми необходимыми постройками, которые обслуживали в разные годы от 40 до 70 дворовых. Вокруг усадьбы располагались девять деревень с богатыми угодьями, принадлежащие Мусоргским.

Через год после свадьбы у Юлии Ивановны родился мальчик. Как сказано в записи, "имя ему наречено Алексей" (время рождения первого сына Мусоргских во всей литературе указано на три года позже). Имя было выбрано в честь деда, и это устраивало всех, в том числе священника Иоанна Кондратова, совершившего обряд крещения, так как церковь построил на свои средства Алексей Григорьевич Мусоргский.

Рождение первого сына Юлии Ивановны и Петра Алексеевича отмечалось с особым торжеством. На крестины пригласили многочисленных родственников с обеих сторон. У новорожденного было даже два крестных отца и две матери. В числе восприемников, как их именовали по-церковному, значатся брат Юлии Ивановны - Александр и сестра Серафима, а также сестра Петра Алексеевича - Надежда и полковник из села Тимохина Петр Львович Челищев. Но радость родителей и родственников была недолгой: не прожив двух лет, мальчик умер. Вскоре рождается второй сын, и его опять называют Алексеем, но и он умирает в таком же возрасте. Как показали документы архива, в эти годы детей косила эпидемия оспы.

Жизнь в Полутине сложилась для Юлии Ивановны неудачно. Похороны двух сыновей были большим горем и укрепили ее желание переехать в Карево. Переезд состоялся, и в 1836 году уже в Кареве родился третий сын по имени Филарет. А через три года здесь произошло событие, которое обессмертило на века это небольшое, из трех дворов селцо. День рождения М. П. Мусоргского отмечают 21 марта. Эта дата, по старому стилю приходившаяся на 9 марта, указана в биографических изданиях мира. И теперь уже редко кто знает, что после смерти композитора более тридцати лет во всех публикациях назывался другой день рождения - 16 марта. В поздних капитальных трудах появилось такое объяснение: "Мусоргский ошибочно считал днем своего рождения 16 марта". Однако

и в наши дни ошибка повторяется. В буклете "Музей-усадьба М. П. Мусоргского", выпущенном в 1982 году изокомбинатом "Художник РСФСР", указано, что композитор родился 16 марта. И совсем недавно Центральное телевидение в программе для школьников показало фильм "М. П. Мусоргский", в котором опять же без всякого объяснения называется эта забытая дата. Фильм повторяли несколько раз, и естественно, расхождение с общепризнанным днем рождения вызывало недоумение.

Откуда же взялась разница в числах почти на неделю?

В "Автобиографической записке" Мусоргский указывает: "Родился в 1839 году, 16 марта". Записку обнаружил Стасов и в своем очерке называет этот день рождения, а за ним - и все пишущие о Мусоргском. Но кто же осмелился опровергать такие неоспоримые авторитеты? Ответ нашелся в Ленинградской Публичной библиотеке. В 1911 году в десятом номере "Русской музыкальной газеты" было опубликовано сенсационное сообщение: "Помещенная ниже справка о роде Мусоргских и метрическая выпись о рождении композитора сообщены нам Б. Д. Тюнеевым на основании подлинных актов, хранящихся в Сенатском Архиве. Из этих данных мы, между прочим, знаем... что до сих пор день рождения композитора считался неправильным - 16 марта 1839 года, - печатаемая здесь впервые метрическая запись устанавливает новую и правильную дату его рождения - 9 марта 1839 года..."

С этого времени и начали указывать, что Мусоргский родился 21/9 марта. А ведь и в те времена, и в наши дни вполне уместно задать вопрос: кто же ошибся - Мусоргский или те, кто делал запись о рождении?

Известно, что композитор писал автобиографию в конце жизни, когда был болен, даже не завершил ее. Возможно, он допустил опisku? Однако такому предположению противоречит письмо из Волока к Балакиреву, написанное почти на двадцать лет ранее: "В день моего рождества (16 марта)... получил стихи с наколотым бутоном розы..." Значит, Модест Петрович знал свой главный день, отмечал его. Выходит, ошибку допустила другая сторона?

В Великолукском архиве среди множества рукописных книг посчастливилось обнаружить реликвию: "Метрическую книгу" погоста Пошивкино за 1839 год. В этом фолианте, в полпуда весом, на 1384-й странице и таилась историческая запись, подтверждающая, что Модест Петрович Мусоргский родился 9 марта 1839 года. Однако при детальном знакомстве с книгой выяснилось, что сообщение в "Русской музыкальной газете" было сделано не "на основании подлинных актов", так как в сравнении с вновь найденным документом обнаружились ошибки и неточности. В частности, перепутаны имя и отчество деда композитора, неправильно названо село Карево, искажена фамилия отца Модеста, пропущена буква в фамилии священника, не указан третий участник крещения - пономарь Василий Федорович Бабинин, чьей рукой сделана запись о рождении. Эти ошибки и неточности, а их восемь, повторялись и повторяются во всех публикациях о Мусоргском. Однако это не вина неизвестного нам Б. Д. Тюнеева - ему надо отдать должное как первооткрывателю. Оказывается, с настоящей метрической книги Одигитриевской церкви была снята книга-копия, и все ошибки допустил переписчик. Кроме ошибок в общеизвестной по публикациям "выписи о рождении" таилась загадка, которую никто из биографов композитора не объяснял. Непонятно было, почему крещение совершал священник

Рождества-Богородицкой церкви, тогда как в Пошивкине церковь Одигитриевская?

Теперь по документам Великолукского архива, воспоминаниям старожилов, родственников Мусоргского можно восстановить день рождения в Кареве, такой знаменательный для мирового искусства.

После рождения четвертого сына Петр Алексеевич послал нарочного в "чужой" погост Жисцо известить о радостном событии священника.хлопоты эти были вызваны тем, что священник Одигитриевской церкви, Матвей Логинович Кириллов, скончался. Нового пастыря еще не назначили, и его обязанности временно исполнял священник погоста Жисцо Рождества-Богородицкой церкви Александр Наумович Серебrenицкий.

Погост Жисцо был виден из окон дома Мусоргских в Кареве, так как стоял на таком же высоком холме с правой стороны Жижицкого озера. По летней дороге вдоль озера от погоста до Карева было двенадцать верст, а зимой, как говорится в "Клировых ведомостях", "по санному пути - всего пять".

Согласно записи, "таинство крещения" состоялось на четвертый день после рождения. А где же свершался обряд? Во всей литературе ответ единый - в Одигитриевской церкви. Однако последние сведения, полученные от старожилов родины Мусоргского, убеждают в другом. И думается, можно верить тем, кто связан Родством с участниками знаменитого крещения. Борис Иванович Боровко, правнук пономаря Бабинина, чьей Рукой сделана запись, ныне живет в городе Новосо- Кольники. Он бывший журналист, сейчас на пенсии, во время Отечественной войны был летчиком-штурмовиком, участвовал в Параде Победы. Б. И. Боровко передал музею кресло из усадьбы Мусоргских, которое сохранил в лихие годы его отец.

Александра Ивановна Прокошенко, коренная жительница Карева, ныне пенсионерка, в молодые годы пела на клиросе в Одигитриевской церкви, ее дед хорошо знал Модеста Петровича Мусоргского. Юрий Михайлович Горский - коренной житель погоста Жисцо, Его отец и дед были священниками. Юрий Михайлович тоже пенсионер, полвека проработал шофером, участник Отечественной войны. Удивительно, но он сумел сохранить не только старые фотографии, но и древнюю купель из церкви погоста Жисцо. Не исключено, что именно в этой купели и был крещен Модест.

По рассказам этих и других старожилов и из церковных документов выяснилось, что зимой в Одигитриевской церкви, в главном большом престоле, богослужения и обряды не проводились, так как он числился "холодным". Отапливался только небольшой придел, и то не каждый день - экономили дрова. Поэтому в холодное время в церкви крестили редко, а к состоятельным крестьянам и в первую очередь к помещикам священнослужители ездили совершать обряды прямо домой со всей необходимой утварью. Александру Наумовичу Серебrenицкому ехать в Карево было даже ближе, чем в Пошивкино. Сюда же, в помещичий дом, к назначенному сроку подъехали дьячок и пономарь.

Юрий Михайлович Горский слышал от отца и сам помнил, что крестьяне присылали за батюшкой лошадей, а летом лодки - приход весь у озера, жили рыбаки и на островах. Еще один довод, что крещение состоялось в доме: недавно выяснилось, что в 1839 году день рождения Модеста 9 марта приходился на четверг, а крещение 13 марта - на понедельник, то есть день, когда в церкви служба бывает редко.

Татьяна Георгиевна Мусоргская рассказывала, что зимой приглашали в имение церковнослужителей и посылали за ними кучера, а после крестьбин устраивали праздничный обед.

Крещение Модеста совпало с великим постом, но в хлебосольном каревском доме нашлись постные закуски и для церковного причта, и для гостей.

В архиве обнаружен своеобразный дневник - "Сведения об Одигитриевской церкви", где священник Иоанн Белавин рассказывает о разных обрядах, в том числе и о крещении в своем приходе. "После совершения крещения устраивается родителями обед для восприемников... за этим обедом необходимо должна быть гречневая каша; в это время восприемники кладут деньги, как они выражаются, "на кашу", деньги эти поступают в пользу повивальной бабки, притом восприемник дает еще деньги, по ходячему выражению, "на зубок" младенцу..." Восприемниками, или, как принято называть, крестными, в этот раз были дед по матери Иван Иванович Чириков и бабушка по отцу Ирина Георгиевна Мусоргская.

Прежде чем дать имя младенцу, вероятно, состоялся большой разговор, а возможно, и спор. Иван Иванович был бы рад, если бы внука назвали его именем. Ирине Георгиевне опять же хотелось увековечить память мужа - Алексея. Однако мать и отец, похоронив уже двух Алексеев, боялись вновь испытывать судьбу. А священник обязан был дать имя согласно святцам...

О том, как тогда выбирали имена новорожденным, писал В. Г. Короленко: "В нашей семье был обычай - не обижать святых и давать имена по святцам: какой святой приходится в день рождения - того и приглашали в покровители. Таким образом, отец мой получил имя Галактиона, его брат попал на созвучного святого и всю жизнь щеголял редким именем Никтополион. Мои братья получили Юлиана и Илариона, и, родился я в день святого Псоа, то быть бы мне Псоем Короленко. К счастью, я родился на Владимира, одного из благозвучных и приятных святых..."

Будущий композитор родился в самый богатый для выбора имен день "сорока севастиийских мучеников". Все они значатся в святцах, и среди них есть редкие: Кирион, Евноик, Смарагд, Вивиан, Дометиан, Сакер-дон... Немало имен и обиходных: Александр, Афанасий, Кирилл, Илья, Николай... Но родители захотели назвать мальчика Модестом. Почему?

Литературный критик Валентин Курбатов высказал по этому поводу такое предположение: - Матери не хотелось выбирать из имен мучеников, чтобы как-то оградить ребенка, укрыть хоть семантикой имени от взгляда судьбы, которая унесла двух ее детей в младенчестве.

Модест в переводе с латинского - скромный. Разумеется, в тот момент никто не думал, не гадал, что новокрещенный прославит на весь мир не только свое имя и фамилию, но и русскую землю, на которой родился.

Однако кто же допустил ошибку в дате о рождении? Конечно, зарегистрировать ребенка за шесть дней до его появления на свет священнослужители не могли. А после крестьбин Модеста в этом же месяце записаны еще двое крестьянских детей: Матрена из деревни Корнилово (родилась 14-го, крещена 17-го марта) и Никита из деревни Белавино (родился 23-го, крещен 26 марта). Запись делалась после каждого крещения и удостоверялась подписями трех священнослужителей. В конце же марта подведена черта, и под ней запись: "Свидетельством показалось, что в марте месяце родилось мужского пола - 2, женского - 1".

И снова подписи священника Александра Наумовича Серебrenицкого, дьячка Тимофея Яковлевича Бабинина и пономаря Василия Федоровича Бабинина. Надо учитывать, что записи в церковных книгах строго контролировались.

Еще есть один довод в пользу тех, кто регистрировал новорожденного. В "Метрической книге" с левой стороны наискось произведены две дополнительные надписи в 1846 и 1847 годах. Они - о выдаче копий о рождении Модеста. Брал их отец композитора, и теперь они подшиты в "Дело о дворянстве Мусоргских". И в этих документах день рождения - 9 марта. Отец композитора не опротестовал эту дату - значит, был согласен. Так откуда же взялось загадочное число 16 марта? Татьяна Георгиевна Мусоргская высказала такое предположение: "Раньше праздновали и отмечали не день рождения, а день ангела".

Обычно праздновали ближайший к дню рождения день ангела. А их было немало. Самым щедрым на именины было имя Иван. В кратких святцах оно упоминается 16 раз, а в полных - 62 раза. Из-за этого происходили курьезные случаи. Так, И. С. Тургенев писал в ответ на одно поздравление: "Мои именины - 7 января, а не 24 июля, но я не менее того от души благодарю Вас за память".

По месяцеслову напротив имени Модест значатся три дня ангела: 18 декабря, 16 мая, 16 июня. Значит, свои именины композитор отмечал 16 числа. С детских лет, с той поры, как он помнил себя, его в этот день поздравляли, вручали подарки. Число 16 отложилось в памяти. Скорее всего при составлении "Автобиографии" композитор указал день своих именин, соединив эту дату с месяцем рождения - мартом.

И какое символическое совпадение: дата, которую Модест Петрович отмечал как самый светлый праздник, совпала с его последним днем жизни, ставшим началом его бессмертия! На могильном памятнике в некрополе Александро-Невской лавры выбито: "Род. 16 марта 1839, сконч. 16 марта 1881".

Однако вернемся к колыбели Модеста. Юлия Ивановна первая напевала ему песни, научила произносить первые слова, делать первые шаги, играть на фортепьяно и - самое важное - чутко относиться к окружающим.

Вспомним о стихотворении матери композитора, которое обнаружил В. Г. Каратыгин. После изучения документов в архиве его можно рассматривать не как стихи любительского пошиба, а как обычный дневник, только рифмованный. Дневник, в котором и события, и время, и люди - конкретные. Юлия Ивановна рассказывает лишь об одном из многих посещений родительского дома. Теперь мы можем назвать всех безымянных героев этого стихотворения. Брат - Николай Иванович Чириков, подполковник в отставке, невестка - Александра Тимофеевна, его жена, их гость, "гвардеец молодой", - друг брата, тоже офицер в отставке Копьев. О встрече с ним спустя двадцать лет пишет в стихотворении Юлия Ивановна. А заканчивается "дневник" так: "И вот уж дома я (т. е. в Кареве), бегут меня встречать, и муж, и вся семья спешат меня обнять" (Петр Алексеевич, Филарет, Модест). Эти строки лишний раз убеждают в том, что Юлию Ивановну обожали в семье и она была счастлива - вопреки утверждениям некоторых биографов.

Хозяином Наумова в это время был Николай Иванович Чириков. Его портрет висит в музее, и родной дядюшка композитора достоин этого. Николай Иванович был образованнейшим человеком, в совершенстве знал арифметику, геометрию, практическую тригонометрию,

статистику, механику, физику, историю, географию, строительное искусство, архитектуру, прекрасно владел немецким и французским языками. Незаурядные способности Н. И. Чирикова были отмечены правительством при возведении Брест-Литовской крепости. Свои познания в строительстве и архитектуре Николай Иванович применил и при обновлении наумовской усадьбы, когда поселился здесь, оставив службу по состоянию здоровья. Он построил новый дом с мезонином, балюстрадой, с колоннами на парадном крыльце и на террасе, выходящей в сад, спланировал и разбил парк в романтическом духе, с небольшими аллеями и беседками, с декоративным кустарником и цветниками, с большим прудом и ажурными мостиками. Многие из того, что создавал дядюшка Модест Петровича, сохранилось до наших дней. После кропотливого труда реставраторов усадьба выглядит как подлинный образец усадебной культуры России XIX века.

Николай Иванович Чириков умер в возрасте 42 лет, как сказано в документах - "от чахотки", и похоронен в семейной усыпальнице на Пошивкинском кладбище. Хозяйкой имения стала его вдова Александра Тимофеевна Чирикова, которая и в девичестве носила такую же фамилию, а родилась в Бончарове в роду Чириковых-однофамильцев. На руках ее осталось семеро малолетних детей. Самому старшему, Ивану, было одиннадцать лет, самому младшему - четыре года. По существовавшему тогда положению имение и всю семью взяли под опеку. Вдова была обязана отчитываться перед Торопецким дворянским собранием в том, как она использует доходы с имения, как воспитывает детей. Этот подробный отчет-дневник, который Александра Тимофеевна бесхитростно вела двенадцать лет, обнаружила в Великолукском архиве И. Б. Голубева. Благодаря этой счастливой находке, сегодня можно заглянуть, не прибегая к литературному вымыслу, за полуторавековой занавес и узнать подробности жизни усадьбы и дома, где на века расположился музей М. П. Мусоргского.

Дневник интересен еще и тем, что описанные в нем времена совпадают с годами детства и юности Модеста Мусоргского, а он часто бывал в Наумове, видел всю окружающую обстановку, прикасался к вещам. Как пишет Александра Тимофеевна, на усадьбе в то время находился "дом деревянный с мезонином, обшит тесом, с двенадцати жилых комнатах", с двумя флигелями глинобитными, крытыми тесом, в каждом по три помещения. А во дворе стояли хлебный амбар, каретный сарай, скотный двор "с конюшней, крытой дранью, гумно с двумя ригами, пять людских, крытых тесом", глинобитная кузница, птичий двор. Сообщает вдова и о том, чем был обставлен господский дом. Из мебели имелось: "шкаф простого дерева - 1, комод красного дерева - 1, зеркалов в рамках - 4, диванов, обитых штофом,- 1, стульев плетеных камышовых - 24, кресел, обитых штофом,- 12, стол раздвижной - 1, Диванов, обитых ситцем, - 2". Даже спальные принадлежности указаны: "одна пуховая перина", четыре холодных ситцевых одеяла и два байковых теплых. Известно, какая посуда и другая утварь была у Чириновых: "кастрюль медных - 6, блюд простых - 8, чашек суповых - 2, тарелок простых - 4 дюжины, ножей стальных с черенками черного дерева - 12, а из серебра ложек столовых 84-й пробы - 12, разливательных - 1, соусных - 1, чайных - 6". Для чаепития имелся всего лишь один самовар и к нему 12 чайных чашек "с сервизами". Немного посуды и для праздничных застолий: всего 12 рюмок и 6 графинов - вероятно, под разные наливки.

Для работы в поле, в лесу, для поездок в уездный город и в Петербург Чириковы держали 15 лошадей. В каретном сарае стояла одна карета четырехместная, одна коляска четырехместная, одна линейка, одна бричка "старая", одни дрожки беговые, одна повозка, один возок, одни сани "простые".

Экономически жизнь "преуспевающих" Чириковых на взгляд из сегодняшнего дня покажется не такой уж роскошной. Денежный доход составлял всего около 700 рублей в год. Поступал он от продажи ржи, птицы, коровьего масла, творога, сухой и свежей рыбы, даже "от яблок и огурцов - 4 рубля". Сюда же входил и оброк с крестьян, очень маленький - всего 21 рубль. Вдове приходилось считать каждую копейку, бережливо вести хозяйство, в котором Александра Тимофеевна была и помещицей, и управляющей, и бухгалтером, и нарядчиком, и бригадиром, и заведующей молочной и птичьей фермами. Покупала она только самое необходимое: "сукна для детей и товар для обуви" - за модой, видимо, не особенно гонялись, одежду и обувь шили для господ дворовые мастера. Для ремонта построек, для содержания дома приобретали только то, чего нельзя было произвести у себя: стекло, железо, алебастр, сапоги для рыбаков, подойники для доярок, горшки для садовых цветов. Дорого стоило освещение: "на свечи сальные потрачено 11 руб. 60 коп.". А еще надо было платить "доктору и за лекарства в аптеку 8 руб. 10 коп.".

В то же время при таких весьма скромных доходах Чириковы не жалели денег на просвещение: "Все дети обучаются начальным наукам, так же как немецкому и французскому языку". За это обучение "употреблено 350 рублей", да еще и "наемной няне - 50 рублей". Расходы особенно возросли, когда пришло время везти детей определять на учебу в Петербург. Вспомним, биограф В. Г. Каратыгин сетовал, что отсутствуют определенные данные "об отношении к искусствам, в частности к музыке, членов чириковского рода". Теперь можно точно зафиксировать: искусства в этом доме были в почете. Половина годового дохода тратилась на духовное развитие детей! В перечне расходов есть статьи "на книги", "на музыку". Только за музыкальные уроки "девице Тимофеевой выдано 69 рублей". И позже дочери Меровии, кузине Модеста Петровича, в Смольный институт каждый год мать высылала по почте немалые деньги, чтобы юная барышня могла дополнительно брать уроки музыки.

В наумовском доме кроме традиционных для дворянских семей портретов предков имелись иконы, как записано в отчете вдовы: "Одигитрия в серебряной ризе", в честь одноименного храма в Пошивкине, "образ Параскевы в серебряной ризе" и икона особо почитаемого в чириковском роду Николая Чудотворца - покровителя мореплавателей, путешественников, ученых, олицетворяющего науки, знания и мудрость.

В дневнике есть очень интересная запись. Когда у крестьян выдался неурожай, Александра Тимофеевна внесла в уездное казначейство свои деньги - "земельную повинность" за крестьян, потому что они "не смогли своевременно заплатить". Сумма немалая - 221 рубль 25 копеек, тем более, что после этой помощи крестьянам у самой вдовы осталось всего 35 рублей 57 копеек.

О доброте Чириковых, об их милосердном отношении к крестьянам говорили многие старожилы этих мест. Где же истоки этой особой отзывчивости? Может быть, сказалась печальная судьба наумовского дома? На протяжении нескольких поколений выходило так,

что ни одна супружеская чета не прожила вместе до старости. Обычный жизненный круг, когда стареющие супруги вместе радуются внукам, здесь ни разу счастливо не завершился. В наумовском доме жили или вдовцы, или вдовы. Преждевременная потеря близких, болезни - многие умерли от чахотки - приносили страдания. И это научило замечать горе и беды других, сострадать, сопереживать. Несомненно, что эти человеческие качества сохранились и приняли новую форму во время жизни в Кареве, о чем будет сказано в отдельной главе. Чуткость, деревенскую непосредственность и искренность сохранила Юлия Ивановна и тогда, когда жила с Филаретом и Модестом в Петербурге. После смерти Петра Алексеевича Юлия Ивановна вела хозяйственные дела, заботилась о содержании и воспитании детей, когда они учились и вступили на службу.

Новые находки И. Б. Голубевой в Калининском архиве открывают, что в это время брат композитора Филарет, старший в семье, становится наследником всех владений. Юлия Ивановна, как бывшая опекунша, передает ему все движимое и недвижимое имущество. Документ, датированный 10 марта 1858 года, написан матерью композитора в виде письма с обращением: "Милый друг Филарет Петрович!" А заканчивается так: "С истинным доверием и любовью к Вам были и навсегда будем, милый друг наш, Вас истинно любящая мать Ваша Юлия Ивановна дочь Мусорская за себя и по долгу попечительницы за сына своего лейб-гвардии Преображенского полка прапорщика Модеста Петровича Мусорского второго..."

В дальнейшем, когда Модест достиг совершеннолетия, имения Мусоргских находились в совладении братьев. Письмо-доверенность интересно тем, что это второй известный нам после стихотворения документ, написанный матерью.

В одной из биографических книг говорится: "Мусоргский был увлечен открывшейся перспективой бездумной и беспутной жизни гвардейского юнкера, а затем офицера".

Можно ли серьезно воспринимать такое суждение? Обратимся опять же только к фактам.

Когда началась служба в полку, Модест, как и другие офицеры, участвовал в учениях, парадах, нес караульную службу. В свободное время он находился не в казарме, а дома, в квартире, которую снимала мать на Ямской улице. Здесь же жили и каревские дворовые из прислуги. Документы показывают, что с Псковщины часто ездили в Питер крестьяне и дворовые Мусоргских, и они всегда находили приют у своих господ. Радужно принимала Юлия Ивановна и друзей Модеста, а знакомился он в основном с теми, кто тянулся к искусству, любил музыку. Однажды во время дежурства в госпитале произошла его встреча с А. П. Бородиным. "Я был дежурным врачом, он дежурным офицером. Комната была общая, скучно было на дежурстве... мы разговорились и очень скоро сошлись..." - писал в своих воспоминаниях Александр Порфирьевич.

Однополчанин Мусоргского Федор Вонлярский познакомил Модеста с Александром Сергеевичем Даргомыжским, а позже в доме знаменитого композитора произошла встреча с Цезарем Кюи и Милием Балакиревым.

Модест начинает регулярно заниматься с Балакиревым. "Играли в четыре руки... весь существующий тогда репертуар музыки классической, старинной и новейшей, а именно: Баха, Генделя, Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шумана, Берлиоза и Листа", - писал Милий Алексеевич и при этом отмечал, что Модест был "превосходным пианистом". Однако сам

Мусоргский стремился к большому совершенству и решил продолжать занятия дома. Юлия Ивановна с готовностью выделяет деньги для приобретения дорогого инструмента. Балакирев помогает выбрать рояль фирмы Беккер. Когда покупку доставляют домой, Модест пишет: "Я сегодня так хватил по этой машине, что у меня в кончиках пальцев началась какая-то жгучая, острая боль, точно мурашки заходили, а машина ничего, хоть бы одна струна зазвенела. Тон прекрасный, басы очень хороши, я совсем доволен инструментом..."

Прапорщик М. П. Мусоргский

Через два дня в присутствии Юлии Ивановны Модест и Милий еще раз обновили рояль, исполнив в четыре руки 2-ю симфонию Бетховена.

За музыкальные занятия с сыном Юлия Ивановна щедро платила Балакиреву. С материнской сердечностью принимала она его в своем доме, старалась повкуснее накормить, лечила травами, которые летом собирались на каревских лугах, заказывала на скромные уже средства билеты в театр на оперу, даже помогала Милию собирать записи народных песен. А ведь, скажем откровенно, характер у Балакирева был "не мед", на манер тургеневского Базарова, и общаться с ним было непросто. Но Юлия Ивановна находила подход ко всем, с кем дружил Модест, потому как жила только заботами младшего сына. Они вместе посещали театры, выставки, концерты. Юлию Ивановну интересовали и опера Глинки "Руслан и Людмила", и спектакль "Бригадир" Фонвизина в Александровском театре, и премьеры балета в Мариинке, и домашние спектакли, и литературные новинки в журнале "Современник", который Мусоргские читали постоянно даже в Кареве. А после всего увиденного, прочитанного устраивались семейные обсуждения. И при всей разносторонности увлечений Юлия Ивановна оставалась заботливой матерью, радушной и хлебосольной хозяйкой, сохранившей гостеприимные традиции наумовского и каревского домов. Она больше других верила в талант сына и первая благословила на трудную жизнь в искусстве, в то время как даже дальновидный Стасов не одобрил поначалу этого решительного шага Модеста.

В 1858 году, 1 мая М. П. Мусоргский, не прослужив и двух лет, подал государю прошение об отставке "по домашним обстоятельствам". Через две недели "высочайшим приказом" прапорщик Мусоргский был уволен от службы с присвоением, как было принято, очередного звания подпоручика. Этот день, вероятно, можно считать самым значительным в судьбе будущего композитора.

Для девятнадцатилетнего юноши это означало подвиг. Ведь на службе все сложилось удачно: благожелательное отношение командиров, даже внимание самого государя, любовь товарищей, широко открытые двери в самых аристократических домах, и даже внешность способствовала успеху, как писал Бородин: "Мундирчик с иголки... Манеры изящные, аристократические... Вежливость и благовоспитанность необычайные. Дамы ухаживали за ним". И вдруг - в отставку. Прервать блестящую карьеру, еще не зная, как сложится творческая судьба! Что заставило идти на такой риск: каприз, дар предвидения, внутренняя убежденность?

Стасов усердно уговаривал Модеста не спешить с отставкой и приводил в пример Лермонтова, который, оставаясь офицером, сумел стать великим поэтом. На эти слова, как

пишет сам Стасов, Мусоргский ответил: "То был Лермонтов, а то я; он, может быть, умел сладить и с тем и с другим, а я - нет; мне служба мешает заниматься, как мне надо".

Этим же летом Модест писал Балакиреву: "Это время я все думаю, думаю и думаю, о многом дельном думаю, и много планов роятся в голове, кабы привести их в исполнение, славно было бы".

Так где же здесь увлечение "бездумной и беспутной" жизнью?

После отмены крепостного права финансовые дела Мусоргских осложнились, и Юлия Ивановна уехала из Петербурга. Во всей литературе о Мусоргском времени отъезда указывается 1862 год. Однако по "Исповедным росписям" Юлия Ивановна со всей дворовой прислугой покинула столицу годом позже. Жила она большей частью в Торопце, бывая в каревском имении наездами.

В 1864 году здоровье Юлии Ивановны ухудшилось. Модест берет отпуск в главном инженерном управлении, где служит в чине коллежского секретаря, и уезжает в Торопец. Месяц проводит он у постели больной, а вернувшись на службу, неотступно думает о матери и, томимый предчувствием, посвящает ей романс "Молитва" на слова Лермонтова. Вскоре произошло самое горестное в жизни композитора событие - 17 марта 1865 года Юлия Ивановна скончалась "от водяной болезни". Отпевали ее в торопецком Корсунско-Богородицком соборе, главном и древнейшем храме уезда, где хранилась особо чтимая на Руси икона, привезенная в Торопец женой Александра Невского (ныне находится в Русском музее).

Похоронили мать композитора на Пошивкинском погосте, в семейном склепе Чириковых. Об этом траурном дне известил всех соседей колокольный звон Одигитриевской церкви.

После похорон Модест возвращается в Петербург и очень тяжело переживает горе, думает только о матери, вспоминает свое детство в Кареве. В апреле этого же траурного года он сочиняет пьесу "Из воспоминаний детства" и вверху нотного листа пишет: "Посвящаю памяти моей матушки". На второй пьесе - такое же посвящение. А в сентябре композитор создает "Колыбельную песню" и снова на первой странице указывает: "Посвящается памяти Юлии Ивановны Мусоргской".

Позже биографы Мусоргского отметят, что "Колыбельная" - не романс и не песня, а "целая поэма, целая драма души человеческой". С этой музыкальной Драмы композитор открыл новый период творчества - "вступил в полный расцвет таланта" от "Светик Савишны", "Сиротки", "Семинариста" к вершинам мировой оперной сцены "Борису Годунову" и "Хованщине".

Смерть матери отрицательно сказалась на здоровье - с осени Мусоргский стал сильно страдать от нервной болезни. И только время и благоприятная обстановка в семье брата Филарета Петровича помогли преодолеть тяжелый недуг. Но до конца дней память о матери была священной, и Модест Петрович вспоминал Юлию Ивановну в письмах, в разговорах с друзьями, стремился побывать на ее могиле...

Через девять лет после похорон матери в письме к поэту Голеншцеву-Кутузову Модест Петрович признается, что "обожал потерянную мною навсегда мою дорогую маман".

Людмила Ивановна Шестакова в своих воспоминаниях о Мусоргском пишет: "С первой встречи меня поразила в нем какая-то особенная деликатность и мягкость в обращении: это

был человек удивительно хорошо воспитанный и выдержанный... И не раз на мои замечания, как он может так владеть собою, он мне отвечал: "Этим я обязан матери, она была святая женщина"

Новые находки позволяют проследить последующую историю сельца, где родилась мать композитора. Дети Николая Ивановича и Александры Тимофеевны, двоюродные братья композитора, выросли, получили образование. Старший Иван, названный так в честь деда и прадеда, закончил земледельческий институт, трудился в уезде. Николай и Сергей, близнецы, после учебы в морском кадетском корпусе служили на флоте. В архиве хранятся письма, в которых дети благодарят "любезную матушку" за то, что она, "оставшись с малолетними", сумела так прекрасно всех воспитать. Уже взрослые сыновья и дочери "покорнейше просили мать и впредь управлять имением". И она управляла до последних своих дней.

Следующим хозяином Наумова стал Сергей Николаевич Чириков. Он дослужился до звания контр-адмирала и, хоть постоянно жил в Севастополе, каждое лето приезжал на родину. Надо отметить, что Сергей Николаевич, двоюродный брат композитора, особо оберегал дедовское гнездо. Он не продал имение, не заложил под денежную ссуду, не отдал в приданое дочерям и, ремонтируя дом, сохранил его прежний облик, словно предвидел, что усадьбе суждено стать мемориальной.

Показательно, что за всю историю Наумова, даже в годы народных волнений, когда кругом полыхали усадьбы, крестьяне жили в ладу с его владельцами. И усадьба, как считают специалисты, сохранила "весь архитектурный и планировочный комплекс" почти в первозданном виде.

После гражданской войны в имении расположилась сельскохозяйственная школа, которая готовила агрономов-полеводов. А с 1929 года здесь разместился Наумовский сельскохозяйственный техникум. После создания музея главный дом, все старые постройки, парк, пруды входят в заповедную зону и охраняются государством. За последние годы здесь побывало около двухсот тысяч гостей, поклонников Мусоргского, со всех концов земли.

В книге "Модест Петрович Мусоргский" издательства "Музыка" (Москва, 1985) под снимком музея композитора написано: "Усадьба Мусоргских в селе Карево, Торопецкого уезда, Псковской губернии". Это грубая ошибка. Дом-музей находится в Наумове, которое никогда не принадлежало Мусоргским и, как мы видели, испокон веков было родовым гнездом Чириковых, местом, где родилась мать композитора.

И песенками их искушаться изволил

"Здесь он провел первые свои десять лет и на всю жизнь остался под глубочайшим впечатлением той народной жизни, тех сцен и типов, которые окружали его молодость. Большинство лучших его созданий, романсов и оперных сцен воспроизводят народные, по преимуществу крестьянские типы, мотивы и сцены". Так написал о деревенском детстве Мусоргского В. В. Стасов. Это мнение подтвердил и второй исследователь творчества - В. Г. Каратыгин. Позже в многочисленных статьях и книгах известные критики, биографы, музыковеды писали о детстве композитора, но конкретных сведений об этом наиважнейшем периоде не содержалось ни в одной публикации. В документальной и пока лучшей книге А. А. Орловой "Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества" говорится: "Что мы знаем о детстве Мусоргского - времени, когда складывалась, формировалась личность художника-музыканта? Да почти что ничего".

Попытаемся воссоздать жизнь в Кареве с 1839 по 1849 годы, используя уже проверенный в других главах метод: сопоставление новых архивных находок, воспоминаний старожилов, родственников композитора с эпистолярным и литературным наследием Мусоргского и его современников.

Откроем еще раз главный и достоверный справочник - "Исповедные росписи" Одигитриевской церкви. В 1839 году по сельцу Кареву "прописаны" помещик коллежский секретарь Петр Алексеевич Мусоргский, жена его Юлия Ивановна, дети их: Филарет - 3 лет, Модест - 10 месяцев.

В списке дворовых на первом месте семья Степана Пахомовича Иванова с женой Федосьей Васильевной и тремя детьми: Феонией, Павлом и Александром. Перечень жителей села, сельца или деревни производился сверху вниз, соответственно положению, "чину", начиная с господ, хозяев владений, и их приближенных. Шестидесятилетний Степан Пахомович выполнял роль управляющего. В число избранных он попал, вероятно, потому, что состоял в родстве с Ириной Егоровной и Петром Алексеевичем - хозяином усадьбы. И его отец Пахом тоже выполнял обязанности старосты. У Степана Пахомовича было прозвище Мороз, и позже его дети станут носить фамилию Морозовы. По наследству перейдет им и должность управляющего. В 1839 году старшему сыну Александру было шестнадцать лет, он числился в господском доме как "дядька" Филарета и Модеста. В маленьком каревском имении, где в это время находилось всего 15 дворовых, слугам приходилось совмещать разные обязанности: лакея, кучера, истопника и "дядьки" - воспитателя для мальчиков. В списках дворовых значится вдова Татьяна Афанасьевна, у которой двое детей - двенадцатилетняя Дарья и годовалый мальчик Афанасий, ровесник Модеста. Так как других молодых женщин с грудным ребенком на усадьбе не значится, то Татьяна Афанасьевна, вероятно, была кормилицей Модеста, как это было принято в дворянских семьях. Обычно кормилицы и становились нянями, но в последующие годы в числе самых приближенных к Мусоргским значится Ксения Семеновна, тоже "вдова", с незаконнорожденным сыном Григорием. Ксении Семеновне в годы детства Модеста было от 55 до 65 лет, и это совпадает с определением Мусоргского "няня старая".

Татьяна Георгиевна Мусоргская рассказывала, что няня в доме Мусоргских почиталась как равноправный член семьи, "самый верный человек". Она жила на господской половине,

рядом с детской, питалась с одного стола с хозяевами, а еще "заведовала" самоваром, который "шумел" почти круглые сутки, и в любое время, по первому требованию подавался горячий, с ключа чай. "Нянюшка умная и хорошая" имела и свой голос, могла не только устроить выволочку детям, но отчитать самого барина и "говорила с ним на ты".

В числе других дворовых на усадьбе проживали в основном вдовы с детьми. Среди них Марфа Ивановна с малолетними Евдокией и Анной; Татьяна Ивановна с детьми Акулиной, Иваном, Захаром, Тимофеем; Наталья Андреевна с детьми Михаилом и Федосьей...

Почему же усадьба стала своеобразным приютом? Из документов выяснилось, что крестьян с детьми, потерявших кормильца, переводили в Карево, где им легче было прожить и прокормиться. Среди вдов были ближние и дальние родственники барина Петра Алексеевича. Против такого "приюта" не возражала и Юлия Ивановна, так как сама выросла без матери. Имение Мусоргских стало как бы благотворительным домом, а помещики - милосердными его хозяевами, сострадающими и сочувствующими беде других. Этот факт начисто опровергает обвинение, выдвигаемое против родителей композитора. Так, один из авторов, видимо, желавший показать свою социальную зрелость, писал, что "Модест рос в богатом помещичьем доме, окруженный крепостною челядью, презираемую барами как тварь". Новые находки позволили увидеть, сколь нелепы бывают безосновательные "классовые" обобщения. Они же помогли сделать главное открытие - каревский "приют" сыграл огромную роль в формировании обостренной чуткости и острой наблюдательности у будущего композитора. Чтобы создать "Савишну", "Сиротку", "Озорника", образ Юродивого, стать певцом "униженных и оскорбленных", надо было не только увидеть эти живые картины, но и сопереживать несчастным и обездоленным.

В. В. Стасов подтверждает, что впечатления детских лет у Мусоргского "запали в душу на всю жизнь с несокрушимой силой и впоследствии, в лучшую эпоху его творчества, дали мотивы для целого ряда необыкновенно своеобразных поэтических и совершенных созданий...".

Песнохорки с родины М. П. Мусоргского

Как рассказывали каревские старожилы, барчукам Филарету и Модесту не возбранялось водить дружбу с крестьянскими детьми. Сразу же за усадьбой, внизу, у берега озера, находилась деревня Татырино. Раньше она принадлежала прадеду композитора Григорию Григорьевичу, а позже была продана помещикам братьям Поджио, один из которых был декабристом. В Татырине среди прочих жила крестьянская семья Арефия Емельяновича Фомина. У него было двое детей, сверстников Модеста, - Федор и Марфа. Федор, по прозвищу Орешенок, доводился дедом Александре Ивановне Прокошенко, одной из главных устных летописцев Карева, которая и ныне проживает в этой деревне. Рассказы ее обрели особую ценность, так как полностью подтвердились архивными документами.

С правой стороны от усадьбы Мусоргских по берегу озера располагалась деревня Белавино, принадлежавшая помещику Петру Ивановичу Челищеву. И здесь жили одногодки Модеста, крестьянские дети: Николай, Елена, Алексей. Все эти соседские дети крепостных общались с братьями Мусоргскими, были участниками их игр и забав. Татьяна Георгиевна Мусоргская рассказывала: "Папа часто вспоминал слова моего деда Филарета Петровича - "ребенок должен обязательно расти в окружении детей"". Она помнила фотографию из

семейного альбома, где Филарет и Модест были в крестьянских штанах и рубашках. Это еще раз убеждает в том, что родители даже внешне старались не выделять своих детей среди сверстников-крепостных.

То, что Модест общался с крестьянскими детьми и их родителями, бывал в избах, подтверждает и сам композитор: "Недаром в детстве мужичков любил послушивать и песенками их искушаться изволил". А край этот, на берегу Жижицкого озера, издавна считался песенным.

Александра Ивановна Прокошенко вспоминает: "Были у нас свои певуны, знавшие много старинных песен. Пели во время работы, когда на покос и с покоса шли, пели на игрищах, когда на ярмарке собирались, пели и зимой в избах, когда пряли, вязали, на посиделках. Старики любили про былое вспоминать, находились даже мастера сказки складывать. А ребяташки всегда рядом были, помогали в работе и, конечно же, слушали". Эти песни живут в народе и поныне, их передают из поколения в поколение крестьяне - земляки композитора. На Псковщине народные песни не поют, а, как принято говорить, играют в хороводе, а потому и исполнителей называют - песнохорки.

Записывать старые песни неоднократно приезжали фольклористы из Ленинграда. В одной из экспедиций принял участие аспирант консерватории Валерий Гаврилин, теперь известный композитор. Собиратели песен под руководством И. И. Земцовского обошли десятки деревень, записали около трех тысяч лирических, обрядовых, трудовых песен. Среди них есть уникальные, бесценные находки. В глухой деревеньке неграмотная крестьянка А. А. Степанова исполнила "Молодость молодецкую" - песню, почти совпадающую с записью, которую сделал Пушкин. А недалеко от Карева фольклористы услышали от 95-летней Т. М. Михеевой колыбельную, очень похожую на ту, что создал Мусоргский.

"Песни родины Мусоргского" исполняет теперь фольклорная группа, созданная при музее. Каревские и наумовские песнохорки часто выступают на разных сценах, по радио, телевидению. Ездили они и в Ленинград, и там всесоюзная фирма "Мелодия" записала старинные песни на пластинку. А после записи земляков Мусоргского принял в своем кабинете директор Театра оперы и балета им. С. М. Кирова М. Э. Крастин. В знаменитой Мариинке, где был впервые поставлен "Борис Годунов", песнохорок с Псковщины усадили на лучшие места, в бывшую царскую ложу.

На другой день старушки побывали на могиле М. П. Мусоргского, оставили там цветы, по деревенскому обычаю поголосили по своему земляку.

Рядом с этими песнями, сказаниями и рос будущий композитор. Знакомы ему были игры, забавы и труд крестьянских детей, живших у озера. Обратимся снова к воспоминаниям Александры Ивановны Прокошенко, записанным еще в 1966 году. "Летом вся ребятня собиралась у озера, на берегу Каревской Луки, которая подходила к самой усадьбе. Слева и справа зеленые отмели - назывались Ясовский Рог и Татыринский Рог. А берег вдоль Луки чистый, песчаный. У самой воды на кольях невод развешивали сушить. И мы, малые, рыбакам помогали выбирать из сетей траву, рыбу". Этот рассказ дополняет Татьяна Георгиевна Мусоргская (записан от нее в 1980 году): "Играли в "казаки-разбойники", городки, лапту, ручеек... Играть на лугу разрешали только после сенокоса. А летом больше

у воды. Утром, не умываясь, бежали купаться. Вначале мальчики, потом девочки. Плавать учились на досках, специально пузыри свиные надували".

Из письма Мусоргского, написанного после поездки в Новгородскую губернию на свадьбу, можно заключить, что купанье и в юности для него было одним из удовольствий. Модест Петрович описывает Балакиреву "забавную сцену", происшедшую с братом Филаретом: "Пошли мы купаться, и не успел он войти в воду, как упал или, вернее, рухнул всем телом, волны поднялись страшные, и все водное царство застонало, и в это время Кито произнес только: "Удачно!""

Может быть, во время купания в Жижицком озере в детские годы и появилось у старшего брата Филарета ласковое прозвище Кито?

Вся жизнь в Кареве и в соседних деревнях была тесно связана с озером. Маленький Модест часто слышал, как плещут волны, бьют о причал лодки, скрипят уключины, таинственно шумят под ветром прибрежные деревья, шуршат камыши, ухает и трещит в январские морозы лед. Наблюдал Модест и картины крестьянского быта, о которых образно рассказывала Александра Ивановна Прокошенко:

- Бабы из озера воду на коромыслах носили. Летом делали кладки, зимой - проруби. С кладок белье полоскали, звонко колотили прайниками. А коров пасли на острове Лукаш, и доить на лодках плавали, и опять же песни на воде играли.

Слышал Модест, как кричат горластые каревские петухи, звенит молот кузнеца, отбивают и точат косы, скрипят телеги с сеном, гудит колокол к заутрене. Из всех звуков и сложилась позже симфоническая картина "Рассвет..." - светлое лирическое вступление к "Хованщине".

Не раз видел Модест, как ловили рыбу, и не исключено, что при своей любознательности сам плавал с рыбаками. Современница композитора А. Н. Молас оставила такие воспоминания: "М. П. терпеть не мог, чтобы ловили рыбу на удочку. Надо, говорил он, ловить сетью, чтобы не мучить напрасно рыбу, надо вообще всегда избегать делать больно какому бы то ни было живому существу и не заставлять страдать другого ни нравственно, ни физически". Каревские рыбаки ловили рыбу только неводом.

Удивительное открытие можно сделать, сравнив документы архива и литературный текст вокального цикла "Детская". Об этом произведении на слова и музыку Мусоргского написано много статей, но ни в одной из них нет конкретных сведений и даже предположений об истории создания цикла, о главном герое всех пьес, о других персонажах. Новые находки открывают еще одну неизвестную страницу в творчестве композитора.

В конце марта 1868 года Мусоргский сумел вырваться на короткий срок из Петербурга, чтобы побывать на могиле любимой матери и заказать в церкви поминание, как он делал это и раньше. Останавливался Модест Петрович в Кареве, хозяином которого числился. Встречи со старожилами усадьбы навеяли воспоминания о детстве, о няне. Как известно, Мусоргский вынашивал музыкальные замыслы, пока "приспееет время записывать".

Вернувшись в Петербург, он сочиняет песню "Дитя". На рукописи авторская дата "26 апреля 1868 года". Это первое название, а были еще и такие варианты: "Расскажи мне, нянюшка", "Дитя с няней", "Ребенок". В цикл "Детская" она вошла под № 1, на этот раз с окончательным названием "С няней".

Это произведение Мусоргский посвятил Даргомыжскому, "великому учителю музыкальной правды". Ему же первому и проиграл, после чего Александр Сергеевич сказал: "Ну, этот заткнул меня за пояс". Первой исполнила песню Александра Николаевна Пургольд, в замужестве Молас, певица, педагог, участница балакиревского кружка. Любопытно, что когда она пела "С няней" иностранцу, большому почитателю Даргомыжского, тот пришел в восторг и удивился: "Как это странно, что я до сих пор не знал одного из самых лучших произведений Даргомыжского!!!"

Мусоргский, видимо, тоже придавал особое значение этому сочинению: "Частицу того, что дала мне жизнь, я изобразил... в музыкальных образах... Хотелось бы мне вот чего. Чтобы мои действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди... Моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее. Вот идеал, к которому я стремлюсь ("Савишна", "Сиротка", "Еремушка", "Ребенок")".

Песню одобрили друзья, и это побудило композитора сочинить еще четыре пьесы на ту же тему: "В углу", "Жук", "С куклой", "На сон грядущий". Эти пять песен из детской жизни получили общее название "Детская", как пишет В. В. Стасов, - по его предложению.

Владимир Васильевич был восхищен циклом: "Что за нити жемчугов и бриллиантов, что за неслыханная музыка!"

"Детскую" услышал И. Е. Репин, назвал ее "поистине чудной вещью" и, покоренный живописностью всех пяти сцен, нарисовал для цикла заглавный лист.

В 1872 году В. В. Бессель издал "Детскую" с рисунками Репина, и с этим произведением познакомились поклонники музыки в России и за границей. В Веймаре Ф. Лист проиграл "Детскую", и она привела его и всех присутствующих в восторг. Мусоргский, боготворивший Листа, узнав об этом отзыве, делится своей радостью со Стасовым: "Я никогда не думал, чтобы Лист, за небольшими исключениями избирающий колоссальные сюжеты, мог серьезно понять и оценить "Детскую", а главное - восторгаться ею; ведь все же дети-то в ней россияне, с сильным местным запахом".

Кто же эти "россияне, с сильным местным запахом"? Полное название цикла - "Детская. Эпизоды из детской жизни". Чье же детство изображал композитор? В эту пору Мусоргский большую часть времени жил в семье брата, и на его глазах росли дети Филарета Петровича. Композитор был крестным отцом племянника Георгия, часто гостил у них в Павловске и, конечно же, мог наблюдать за жизнью племянников. Им он посвятил в этом же цикле пьесу "С куклой".

На нотном листе авторская дата "18 декабря 1870 года. Танюшке и Гоге Мусоргским". Может быть, композитор и "списал" "Детскую" со своих племянников? А вдобавок использовал наблюдения за детьми, когда бывал в домах друзей в Петербурге, на их дачах. К этому мнению склоняют и воспоминания современников композитора. Например, вот это: "Дети Кюи очень любили его (Мусоргского) за то, что, играя с ними, он не делал никакого снисхождения и резвился с ними по-ребячьи, от души".

Однако такое, казалось бы, логическое предположение не согласуется с текстом "Детской". Эпизоды жизни, описанные Мусоргским, явно не дачные в Павловске, где роскошные дворцы, парки, избранное аристократическое общество. И на детство петербургских детей не похоже. В "Детской" картинки деревенского быта, причем деревни, очень далекой от

столицы, с явным "скобским" говором и особенностями. Вспомним, как сказал об этом сам Мусоргский: "Все же дети-то в ней россияне, с сильным местным запахом". Как во всех своих произведениях, композитор и здесь хранит тайну и не называет конкретно место действия, но чувствуется по тексту, что оно ему хорошо знакомо и близко.

Пьеса "С няней" написана от первого лица: "Расскажи мне, нянюшка, расскажи мне, милая". То, что его няня была сказительницей, композитор подтверждает в скупых строчках "Автобиографии": "Под непосредственным влиянием няни близко ознакомился с русскими сказками". Мудрая, опытная, добрая каревская няня знала множество сказок, преданий, поговорок и применяла их во всех случаях жизни, использовала и как воспитательное средство. Пример тому - ее рассказ "про буку страшного", который "в лес детей носил", если они "обидели няню старую" или "папу с мамой не послушали". Здесь и далее в кавычках слова Мусоргского из цикла.

В пьесе "С няней" дитя просит няню рассказать о чем-нибудь хорошем - сказку добрую, веселую: "Знаешь, нянюшка, ты про буку-то уж не рассказывай!". Ему интереснее слушать про царя, который хромал - "как споткнется, так гриб вырастет" - или про остров чудный, "где не жнут, не сеют, где растут и зреют груши наливные".

Остров этот вполне реальный - на Жижицком озере, под названием Долгий. Там и нынче можно собрать за полдня ведро земляники, есть и черника с малиной. А "груши наливные" росли в каревском саду.

Главные действующие лица в тексте "Детской": папа, мама, няня, два братца, Мишенька и Васенька, и "бабушка старенькая". И по "Исповедным росписям": отец, мать Мусоргские, братья Филарет и Модест, няня Ксения Семеновна и бабушка Ирина Егоровна. Еще большее сходство в пьесе "На сон грядущий", где няня учит молиться крепостную девочку и перечисляет имена близких. В "Исповедных росписях" те же имена конкретных обитателей каревской усадьбы.

С натуры написана и пьеса "Жук". Такие игры, близкое общение с природой возможны только в маленьком сельском имении: "Я играл там на песочке, за беседкой, где березки; строил домик из лучинок кленовых, тех, что мне мама, сама мама нащипала". А мама Юлия Ивановна была большой рукодельницей.

В каревской усадьбе братья Мусоргские не отрывались от крестьянской среды и быта, от простых игр, забав, от народного творчества. И в то же время в этом небогатом имении отец и мать дали Модесту прекрасное образование.

Детство будущего композитора было постоянно связано с классической музыкой. Из его автобиографии известно, что уже в семь лет мальчик играл сочинения Листа, а "на 9-летнем возрасте в большом обществе, в доме своих родителей... сыграл большой концерт Фильда". Что же это было за общество? По документам архива удалось установить, кто из помещиков жил по соседству с Мусоргскими, водил с ними дружбу, был связан родством. Самым ближним соседом был родной дядя Модеста - Николай Иванович Чириков, почитавшийся не только в уезде, но и в петербургских кругах человеком просвещенным. В постоянно добрых отношениях находились Мусоргские с многочисленными родственниками Голенищевыми-Кутузовыми. Кровные узы связывали их с Кушелевыми, Шаховскими, Воронцовыми-Вельяминовыми, Арбузовыми, Клокачевыми, Зелеными, Козловскими...

Интересно, что ветви генеалогического дерева Мусоргских соединялись в разное время с родами поэта А. С. Пушкина и композитора А. С. Даргомыжского.

Добрые отношения связывали родителей композитора с соседями Пушциными, Гедеоновыми, Поджио...

Общение семьями с передовыми, образованными людьми благотворно сказалось на воспитании Модеста. И конечно же, важную роль здесь сыграл отец, сумевший собрать и объединить этих интересных людей в каревском доме, где юный Модест давал фортепианные концерты.

"Китушка меня поддерживал..."

Старший брат композитора Филарет Петрович Мусоргский в беллетристике обычно изображается негативно. А происходит это как в игре с противоположными словами: "холодно-жарко", "светло-темно", "плохо-хорошо" - для контраста с Модестом Филарета рисуют в темных тонах.

Все напасти начались с имени. В примечании к родословной В. Г. Каратыгин написал: "Некоторые члены рода Чириковых обозначены двойными именами: Ольга-Серафима (Хмелева), Евдокия-Александра (Чирикова). В семье Мусоргских замечаются также двойные имена, например, Филарет-Евгений". И далее биограф объясняет, что в некоторых местностях России был распространен суеверный обычай давать двойные имена, чтобы "обмануть смерть". Этого всего лишь предположения было достаточно, чтобы другие авторы начали сочинять на данную тему живописные эпизоды, в которых родственников композитора представляли не в лучшем виде. В действительности же старожилы этих мест ничего не слышали о таком обычае.

Показательно, что двойные имена среди крестьян не встречались и по документам архива. В семьях помещиков такие случаи были, но не из суеверных побуждений, а по простой причине - данное священником по святцам "крестьянское" имя Евдокия меняли на "господское" - Александра. Так случилось и с Филаретом. Родился он 27 ноября 1836 года - подлинная запись обнаружена в архиве. Священник Одигитриевской церкви Матвей Логинов, очень строгий и пунктуальный, выбрал имя согласно святцам: Филарет - "любитель добродетели". Это имя особо почиталось среди церковнослужителей. Но родителям и родственникам оно не очень-то нравилось. В эти годы в помещичьих семьях зачитывались пушкинским "Евгением Онегиным", и с легкой руки Юлии Ивановны мальчика стали называть Евгением. Имя укрепилось, новый батюшка Симеон Васильевич Суворов иногда писал его в "Исповедных росписях". Однако в официальных документах оставалось имя, данное при крещении.

Филарет был старше Модеста на два года девять месяцев и внешне очень отличался от младшего брата. По словам Татьяны Георгиевны, сохранившей воспоминания близких, ее дед был "высокий, статный, красивый - настоящий гвардеец". В то же время за "щуплым, низкорослым и невзрачным" Модестом всегда признавалось первенство. Так было в детские годы в Кареве, во время учения в Петербурге и на службе в полку. Общительный младший брат быстрее сходилась с окружающими, причем с наиболее интересными людьми. Он сразу же вводил в свой круг Филарета, которого ласково называл Кито. Это подтверждают и письма Модеста к Балакиреву: "Мы с Кито играли симфонии Шумана, он от них в восхищении и молодцом читает ноты"; "В седьмом часу отправился с братом в оперу"; "Время мы с Кито провели прекрасно в деревне, там был народный праздник..."; "Будете ли вы у нас обедать в воскресенье... постарайтесь приехать, у нас Кито, готовый принять вас"; "Мы с Китошей везем вам Фонвизина всего, это очень интересно прочесть". Свои письма Модест заканчивал так: "брат вас целует" или "передает почтительнейший поклон". И дома, и на музыкальных вечерах братья часто играют на рояле в четыре руки, а иногда и на двух роялях вместе с Балакиревым и Кюи. Все эти годы Филарет и Модест неразлучны, у них одни интересы, увлечения, друзья.

Почти во всех публикациях о композиторе разлад между братьями связывают с периодом отмены крепостного права. Приведем характерный пример одного из таких сочинений. "При заключении "уставных грамот" с бывшими крепостными Модесту Петровичу пришлось выдержать бурное столкновение с братом. Напрасна была попытка убедить Филарета в том, что братья выкупные платежи с крестьян - поступок, недостойный человека с передовыми прогрессивными взглядами... Корыстолюбие Филарета было тяжелым ударом для Модеста... После долгих споров сошлись на том, что младший брат откажется от своей доли наследства в пользу старшего. Зато их бывшие крепостные получают не жалкие клочки земли, как у соседей помещиков, а полноценные наделы и притом без выкупных платежей..."

Из этого текста можно сделать только один вывод: Филарет безжалостно ободрал младшего брата за его передовые взгляды и за любовь к крестьянам, поступив в высшей степени безнравственно. Если бы брат композитора прочитал такое обвинение, то по законам чести мог вызвать автора на дуэль за оскорбление. И он был бы прав, так как в действительности ничего подобного не происходило. После смерти отца Филарет из любви к Модесту и уважения к его музыкальным занятиям добровольно взял на себя все хлопоты по имению. Младший брат никогда не испытывал желания заниматься хозяйством, и это видно из его письма к Балакиреву: "Вчера я только что собрался ехать к вам, дорогой Милий, как явилась записка, по которой я должен был лететь к двум дельцам (касательно нашего дела). Пока брата нет, я за него должен разъезжать,- очень досадно, что эта необходимость является иногда экстренно".

Такая необходимость выпадала Модесту редко. Филарет взвалил на себя все хозяйственные заботы и в самое трудное время, когда отменили крепостное право.

Период отмены крепостного права - один из сложнейших в мирной истории России. Кропотливое изучение документов позволяет проследить, как проходила реформа на родине композитора и какое участие принимали в ней братья Мусоргские. В Торопецком уезде, как и во всей стране, для решения конфликтных ситуаций на местах, для рассмотрения недоразумений и споров назначали мировых посредников. Все посредники имели свои владения и обязаны были первыми показать пример в разделе земель "на выгодных для обеих сторон условиях". А одна сторона - сам помещик, вторая - его крестьяне. Как же справедливо разделить владения, чтобы крестьяне остались довольны наделами и согласились с условиями "повинностей, причитающихся в пользу помещиков"? Знакомство с документальной хроникой тех дней убеждает, что существовали мировые посредники, которые добросовестно выполняли свой долг. Среди них был и Филарет Петрович Мусоргский. Он показал добрый пример - все владения Мусоргских были "совершенно приготовлены к размежеванию с утверждением полюбовных сказок".

Разделить землю, леса, луга, инвентарь и многое другое "полюбовно" было очень сложно, о чем свидетельствуют статистические отчеты Торопецкого уезда: "В 1861 году из уезда по Двине отпускали десять барок с хлебом, а в 1863 году едва сплавлена одна за недостатком хлеба. Недостаток же его в уезде оказался вследствие того, что почти одна треть полей помещичьих за отходом крестьян на волю осталась необработанной. Со времени освобождения крестьян три рода обработки земли существует теперь в уезде: помещики

или нанимают с десятины рабочих, или же отдают в аренду, или же платят за обработку". В этих отчетах отражены подробно и проблемы крестьян: "Причина этого малого количества получаемого хлеба заключается в самом положении крестьян, вышедших на волю, во многих случаях не имевших на что приобрести необходимых земледельческих орудий, и большею частью в том, что во многих местах земля, названная удобною, по признакам местного пользования, на самом деле вовсе неудобная или требует первоначальной затраты капитала, как например, прорытия канав в сырых местах, или прорубки кустарника и образования нового поля, или большого количества удобрений".

Да, непросто было Филарету Петровичу Мусоргскому разделить свои владения без конфликта с крестьянами, но он сумел это сделать. Еще сложнее было проводить размежевание земель в чужих имениях. Это видно из письма Модеста к Цезарю Кюи: "Доходит всякий раз чуть не до драки, хоть полицию зови. У одного из главных крикунов постоянные стычки с посредником, посредник - это его "вьючное животное" (по-французски), крикун разъезжает по городу и собирает Христа ради подписочки для удаления посредника". Из газетных материалов тех лет удалось выявить этого "главного крикуна". Им оказался помещик Торопецкого уезда Корвин-Круковский. Это он в зале заседаний выражал "крайнее неудовольствие на действия мировых посредников". Однако суд после реформы опирался на новый закон и действовал, как писали, "разумно, с целью сделать добро и принести пользу". Суд не только не поддержал крикуна, но и вынес решение наказывать тех, кто будет оскорблять посредников и принижать их права. В числе особенно активных посредников состояли родственники Мусоргского: Голенищев-Кутузов, князь Шаховский, Чириков.

В письме из Торопца Модест пишет: "Есть, правда, порядочная молодежь... да я их почти никогда не вижу; молодежь эта посредничает и потому постоянно в разъезде".

В разъездах находился и Филарет. Модест же в числе посредников не значился. Сколь же несправедливы нападки литераторов на брата композитора и как нелепо выглядит эпизод "бурных столкновений" братьев, когда познакомишься с документами! Обнаружены еще более убедительные факты, опровергающие подобные домыслы. Еще в 1857 году братья Мусоргские отпустили на волю семью дворового Якова Александрова, а позже подарили крестьянам безвозмездно двадцать две десятины "с покосом, лесом, пахотою, в постоянное пользование". На этих документах подписи торопецких помещиков Филарета и Модеста Мусоргских.

В самый разгар реформы Модест гостил у своих друзей и родственников. Чаще всего останавливался в Волоке у Кушелевых. Прежний хозяин имения Лука Иванович почитался среди дворян человеком хлебосольным и гостеприимным, а главное - просвещенным. Он свободно говорил на немецком, французском, английском языках, а во время поездок на лечение в Венецию и Неаполь изучил еще и итальянский. У Кушелевых была богатая библиотека на четырех языках. После смерти хозяина в Волоке продолжала собираться передовая молодежь. Общаться с интересными сверстниками, совершенствовать свои знания приехал и Модест. Ему выделили отдельную комнату в большом двухэтажном доме. Каждое утро Модест проделывал необычную зарядку, бегал по сугробам по пояс в снегу, чтобы, как он писал, "отделаться от изнеженности". В Волоке Мусоргскому исполнилось 23

года, и он готовил себя к предстоящей творческой работе. "Веду жизнь порядочного человека - ложусь спать в 11 часов, встаю в 8... Надо делать дело, а делать его можно в нормальном настроении духа... по силам работать хочу и буду... намерен к будущему нашему сезону приготовить весь квартет".

В биографических книгах о Мусоргском в указателе имен говорится, что хозяйка Волока Кушелева Наталья Егоровна - "урожденная Чирикова". Это ошибочное утверждение. По документам архива удалось точно установить всех обитателей усадьбы, в которой гостил Модест. Наталья Егоровна была второй женой Луки Ивановича, вначале незаконной. В имение она приехала в качестве сестры милосердия, была младше хозяина на 24 года и писалась как Каролина Доротея Троскевич "лютеранского исповедания". От помещика она прижила четырех детей, в числе которых была и Елизавета - впоследствии знаменитая революционерка Дмитриева-Томановская. Во всех печатных изданиях указана неправильная дата рождения Елизаветы - май 1851 года. В Великолукском архиве удалось обнаружить "Метрическую книгу", где есть подлинная запись: "родилась первого, а крещена пятого ноября 1850 года".

В 1862 году, когда гостил здесь Мусоргский, Елизавете шел тринадцатый год. Модест давал ей уроки фортепьянной игры. "Пока дети моей хозяйки усиленно тыкают пальцами по клавиатуре, составляя всевозможные аккорды... я читаю очень интересную вещь",- писал Модест Балакиреву.

Елизавете судьбой был уготован другой, не музыкальный путь. Как писал в своем дневнике бывший военный министр А. Н. Куропаткин, который в юношеские годы часто гостил в Волоке, "это была выдающейся красоты девушка, с благородным образом мыслей и способностью говорить образно и пылко. Она уже была в большей мере, чем я, проникнута идеями служения на пользу народа и непрерывно доказывала мне необходимость оставить военную службу и идти в народ". Эти идеи позже привели Елизавету на парижские баррикады, она сблизилась с К. Марксом.

Из дневника А. Н. Куропаткина известно, что молодежь, собиравшаяся в доме Кушелевых, читала Тургенева, Некрасова, "Что делать?" Чернышевского.

Эти чтения в Волоке сказались на взглядах Мусоргского - позже, вернувшись в Петербург, он поселился в "коммуне" с пятью товарищами, в подражание той, которую описал Чернышевский. Вечерами молодые люди собирались в общей комнате, читали, спорили, обсуждали текущие события. Но чаще всего Модест искал уединения в своей комнате, чтобы заниматься музыкой. Он сочинил оперу "Саламбо" и интересовался не столько политикой, сколько психологией людей, драмой человеческих страстей. Мусоргский прошел только начальные классы "коммуны".

Волок. Инструмент, на котором играл М. П. Мусоргский

В документах и письмах современников Мусоргского нет сведений о том, чтобы он поддерживал связь с "коммунарами" и волоковскими знакомыми. Вероятно, это было и невозможно - как всякий гений, Модест развивался самостоятельно, а музыкальное творчество требовало полной отдачи. И общался Мусоргский в основном с художниками, писателями, музыкантами. А Елизавета Лукинична стала членом учредительной русской секции I Интернационала. Позже она жила в Швейцарии, в Москве, затем уехала с мужем в

Сибирь. Последние годы ее жизни мало известны, в энциклопедии дата смерти указана приблизительно - "после 1917". Старожилы этих мест рассказывали, что из Сибири Елизавета Лукинична переехала поближе к Волоку и безвестно исчезла в гражданскую войну, как многие представители дворянского класса.

В Волоке теперь открыт небольшой музей Е. Л. Дмитриевой-Томановской, созданный по инициативе директора местной школы М. М. Михайлова.

Я не раз бывал там и записал воспоминания старожилов. В кушелевском доме после революции поселились коммунары, "люди пришлые", и вскоре здесь произошел пожар. Местным крестьянам было жалко, что в огне погибнет добро, и они кое-что спасли. Через полвека, когда Михаил Михайлович стал собирать экспонаты для музея, односельчане принесли ему спасенные из огня вещи. Среди них дорожный ларец, ночной столик, картина, барометр. Сохранилась и главная реликвия - рояль из красного дерева фирмы "Шредер", клавиш которого касались руки Мусоргского.

В Волок приезжала из Парижа племянница революционерки Нина Владимировна Дюшмен-Кушелева. Она родилась в этой усадьбе и сохранила в памяти рассказы отца о том времени, когда здесь гостил Мусоргский. Нина Владимировна указала места, где гулял композитор, холм, с которого он любил слушать колокольный звон.

А теперь снова вернемся к брату композитора. В самый разгар реформы у Филарета произошла важная перемена в жизни - он обвенчался "с дочерью умершего капитана 1-го ранга Павла Дмитриевича Балакшина, девицею Татьяною". После свадьбы пришлось заняться устройством семейной жизни, и на какое-то время хозяйственные дела предстояло выполнять Модесту. Как видно из его письма, это занятие он воспринял без восторга:

"Снуюсь по имениям, приходя постепенно к заключению, что доходами с оных жить нельзя и надо окончательно вступать на служебное поприще для прокормления и баловства моего нежного тела; что в Питере и сделаю, т. е. поступлю на службу. Плохи, очень плохи дела!"

Казалось бы, эти строки должны навести некоторых биографов композитора на размышления, но они продолжали раздувать конфликт между братьями. Писали, что Филарет "рассеял остатки отцовского наследства" и этим нанес урон Модесту. Фактически же Филарет после женитьбы стал богатым человеком, так как получил в приданое за женой имения в Рязанской в Тульской губерниях, две дачи в Павловске, дом в Москве. Татьяна Георгиевна Мусоргская не раз повторяла слова Филарета Петровича, которые она слышала от своего отца: "Мусоргские - беднота, вот Балакшины - настоящие помещики".

Обычно биографы композитора используют против Филарета строки из его же чистосердечного ответа на письма В. В. Стасова о том, что Модест "всегда относился ко всему народному и крестьянскому с особенною любовью... вследствие чего и потерпел убытки". О каких же убытках говорил Филарет Петрович?

Новые находки показывают, что Модест Петрович до конца своих дней был владельцем Карева и приписанных к имению деревень. Однако вести хозяйство рационально он и не мог, и не хотел. И доверил все управляющему, а тот, видимо, корыстно пользовался слабостью своего барина. Строки из письма Модеста подтверждают это: "И нужно было управляющему напакостить в имении. Думал заняться порядочными вещами, а тут производи следствие, наводи справки, таскайся по разным полицейским и неполицейским

управлениям".

Под "порядочными вещами" Модест имел в виду инструментовку знаменитого "Интермеццо", которое теперь исполняется во многих странах.

По "Исповедным росписям" легко установить, что управляющим в это время был Павел Степанович Морозов, бывший слуга Модеста. Из других документов архива видно, что семья Морозовых была в наказание выслана в Юрьево, в деревеньку, где жила родня бабки композитора, к коей относились и Морозовы. Позже Модест Петрович разрешил им снова вернуться в Карево. Особых доходов из своего имения Модест Петрович никогда не получал, в чем опять же убеждает письмо к Морозовым в 1876 году, где уже знаменитый композитор очень деликатно просит прислать денег, "сколько можно", и известить, "как идет вообще хозяйский порядок у нас".

Почти все биографы Мусоргского не обходят такую "выгодную" фразу из его письма: "Крестьяне гораздо способнее помещиков к порядку самоуправления - на сходах они ведут дело прямо к цели и по-своему дельно обсуждают свои интересы".

А ведь Модест бывал на сходах своих крестьян уже после того, как Филарет полюбовно завершил раздел земель и все страсти улеглись. Зато брату композитора приходилось наблюдать другие картины. Из письменных отчетов мировых посредников видно, как в некоторых деревнях крестьяне не хотели принимать в сельские общины возвратившихся после рекрутской службы своих односельчан и лишали их земельных наделов. Мировые посредники терпеливо разъясняли крестьянам, что солдаты "долгие годы служили отечеству, и с ними надо поступать по-человечески, по совести, милосердно".

Модесту приписывается биографами "благородный поступок", будто бы он отказался от своей доли наследства в пользу Филарета, так как "у него семья и дети". В действительности была дана только доверенность брату "на управление и распоряжение всеми без исключения нашими имениями". И опять же сделал это композитор для того, чтобы не отвлекаться от творчества на хозяйственные дела, а юридически он всегда числился каревским помещиком.

Ирине Борисовне Голубевой посчастливилось обнаружить в Калининском архиве уникальный документ, написанный собственноручно Модестом Петровичем. Неизвестный доселе автограф Мусоргского на прошении поставлен 22 мая 1866 года. Документ называется "Дело о взыскании Торопецким мещанином Л. И. Дай-минским с помещиков Модеста и Филарета Мусоргских денег за нарушение арендного по мельнице условия". А суть в том, что братьями Мусоргскими была отдана в аренду мельница на реке Рясно. В эти годы Модесту Петровичу приходилось иногда вести дела за брата, а когда тот уехал в тульское имение жены, то он вынужден был заниматься хозяйскими вопросами постоянно. Арендные условия не выполнялись, и Мусоргский, не расторгнув прежнего договора, заключил его с новым арендатором. Тяжба между Лукой Дайминским и Модестом тянулась шесть лет и кончилась тем, что с Мусоргских взыскали 110 рублей 5 копеек с правом на иск против Луки.

Эта находка еще раз подтверждает, что Модест Петрович был далек от хозяйственного расчета и грамотного ведения дел в имении.

Осенью 1863 года Модест приезжает в Петербург и, как и намеревался, вступает "на служебное поприще". В приказе № 189 по Главному инженерному управлению от 15 декабря говорится, что отставной гвардии подпоручик Мусоргский определен на службу "с переименованием в коллежские секретари". Свою "карьеру" Модест начал с того чина, до которого дослужился его отец, а позже он поднимется по служебной лесенке до коллежского советника, будет награжден орденом Станислава III степени.

Юлия Ивановна уже не могла содержать квартиру в столице и уехала в Карево. В это время Модест и поселился в "коммуне". Беспечная холостяцкая жизнь отрицательно сказалась на его здоровье, и жена брата Татьяна Павловна, проявив поистине материнское участие, как пишет Филарет, "употребила все усилия", чтобы Модест переехал к ним.

В 1866 году у Татьяны Павловны и Филарета Петровича появился наследник (первой родилась два года назад дочь Татьяна). В Павловске, в придворной церкви Святой Магдалины, 17 августа состоялось крещение младенца. Крестным отцом был Модест, крестной матерью - теща Филарета, Мария Георгиевна Балакшина. В честь деда мальчика называли Георгием.

В Павловске у Балакшиных были две дачи, и теперь понятно, почему здесь так часто бывал Модест. В семье брата он прожил в общей сложности около шести лет, и этот период благотворно сказался и на его здоровье, и на творчестве. Особенно хорошо чувствовал он себя в тульском имении Шилове. "Греб сено, варил варенье и делал маринады,- писал Модест.- Шли дожди, три дня кряду без устали шли, и я работал без устали, такая уж у нас с погодой линия вышла".

В этой деревне Модест не только сочиняет, но и ищет свой главный путь: "надо сделаться самим собой", "чем проще и искреннее, тем лучше", "моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее".

В 1868 году Филарет с семьей переезжает в Москву, и встречи с Модестом теперь происходят редко.

В биографии Мусоргского ничего не сказано о том, был ли кто из родственников в Мариинском театре на премьере "Бориса Годунова". Теперь точно известно, что из Москвы в Петербург специально приезжали Филарет Петрович с женой. В списке, составленном для дирекции театра на приглашительные билеты, Модест первым указал брата. А после спектакля преподнес в подарок свой альбом, в котором собирал портреты любимых композиторов, поэтов, писателей. На внутренней стороне обложки он написал: "Моей дорогой сестре Темире Мусоргской в память ея приезда с моим братом Филаретом Мусоргским на первое представление оперы "Борис Годунов"". Темирой и сестрой ласково называл Модест Петрович Татьяну Павловну, и это уже о многом говорит. Брату и его жене композитор посвятил песню "Я цветок полевой" на слова Л. А. Мея.

Приезжая в Петербург по делам, Филарет Петрович останавливался у Модеста. В 1876 году композитор сообщает Л. И. Шестаковой с радостью: "Всю эту неделю братишкой моим отвлекался". По тону письма можно понять, что между братьями сохранились прежние отношения.

Филарет Петрович материально помогал брату до последних дней его жизни, хотя сам уже едва сводил концы с концами. Подробнее о семье брата композитора рассказала его внучка

Татьяна Георгиевна Мусоргская:

- Дед был по характеру мягкий, добрый, ласковый и находился у жены под каблуком. Татьяна Павловна любила все красивое и сама внешне была очень интересной. Она хорошо играла на рояле, в совершенстве владела французским и немецким. Любила роскошь, в Москве они снимали дорогой особняк у Красных ворот. А после смерти Филарета Петровича с помощью очень непорядочных управителей она быстро расправилась с землей, лесами, и богатое наследство сошло на нет. В 1897 году Татьяна Павловна умерла, и на похороны ушли последние деньги. В Москве гроб до Казанского вокзала несли факельщики, вагон сукном обили, пальмы поставили... Папе потом все говорили: "Оставила вас матушка в одних штанах". Похоронили Татьяну Павловну в рязанском имении в семейном склепе, рядом с Филаретом Петровичем.

А как же сложилась жизнь племянников композитора, которым он посвятил пьесу "С куклой" в цикле "Детская"? В литературе о Мусоргском сведений об этом нет, а поэтому обратимся снова к воспоминаниям Татьяны Георгиевны:

- Лет до семи папа жил то с родителями, то с бабушкой. С раннего детства он в совершенстве знал иностранные языки: французский, немецкий, английский. Вначале он получил домашнее воспитание, потом учился в Москве в одном из аристократических пансионов. А с одиннадцати лет - в Петербургском морском корпусе. Детство у папы было казенное: зимой - занятия, летом - плавания, и только праздники он проводил по-домашнему у своего крестного Модеста Петровича. Папа очень любил крестного, особенно нравились ему занятия музыкой. Позже он всю жизнь играл на разных инструментах. Модест Петрович к дню рождения подарил папе бронзовый подсвечник с изображением рыцаря...

У Татьяны Георгиевны сохранился документ, из которого я сделал выписки. Племянник композитора большую часть своей жизни провел в морях и океанах: служил на лодке "Смерч", на транспорте "Хабаровск", на крейсере "Кубань". Георгий Филаретович совершил кругосветное плавание, побывал во многих странах мира. В императорском указе говорится: "Капитан 2-го ранга Георгий Филаретович Мусоргский имеет орден Св. Анны 3 степени, медали серебряную в память царствования императора Александра III и светло-бронзовую в память русско-японской войны..."

После смерти Татьяны Павловны Георгий Филаретович вынужден был уйти в отставку, так как у него на попечении остались сестра Татьяна Филаретовна, вдова с маленьким сыном Борисом, и воспитанница матери Настя, старые слуги, бывшие дворовые. К 1904 году он успел поправить разоренное хозяйство и спас от продажи с торгов последнюю усадьбу под Рязанью - сельцо Тутоево с красивым домом, громадным садом, тенистыми аллеями.

У Татьяны Георгиевны сохранилась фотография этого дома, и он как две капли воды похож на тот, что поныне стоит в Наумове, где расположился музей.

Интересно, что судьба уготовила Георгию Филаретовичу в семейной жизни "прадедовский вариант". Настя, крестьянская дочь, воспитанница матери, подросла, стала красивой барышней. И холостой барин, не успевший за время скитаний по морям завести семью, влюбился в нее. Когда началась война с Японией, Георгия Филаретовича призвали из запаса на службу, и уже там он узнал, что у него появилась незаконнорожденная дочь. И

опять же, как в случае с прадедом, чтобы соблюсти приличия, Настю выдали замуж за мещанина. Девочку называли Татьяной, ее крестными стали Татьяна Филаретовна и ее сын Борис. С грудного возраста и все последующие годы Татьяна жила в барском доме и получала дворянское воспитание. И только в 1913 году по просьбе Георгия Филаретовича, который по-прежнему числился холостым, Рязанский окружной суд дает разрешение "усыновить малолетнюю Татьяну". Все эти годы на усадьбе проживает Анастасия, а ее законный муж, мещанин Сергей Титкин, - в Петрограде. Татьяна Георгиевна рассказывала, что "того отца" она никогда не видела.

Указом Сената Татьяна Георгиевна была наделена правами потомственного дворянства. В 1914 году Георгий Филаретович переезжает с семьей в Рязань и служит в земской управе.

После Октября племянник композитора не уехал за границу, как многие дворяне его круга. При новой власти он продолжает заведовать губернскими больницами и лазаретами. В 1923 году Георгия Филаретовича парализовало, и по ходатайству А. В. Луначарского ему назначают пенсию. Но вскоре он лишается этого пособия как "представитель враждебного класса помещиков". В эти трудные годы крестьяне из деревень, ранее принадлежавших Мусоргским, узнав о тяжелом положении своего бывшего барина, предложили ему стать у них в школе учителем, говоря: "Мы вас будем содержать и кормить".

Подобный случай произошел на родине композитора в имении Хмелевых, где жила тетушка Модеста Петровича. Когда в гражданскую войну группа активистов из волости разоряла окрестные усадьбы, крестьяне Хмелевых встали на защиту своих бывших господ. Георгий Филаретович Мусоргский умер в 1928 году.

- Пришел домой, принес кулек крупы - обменял на какие-то вещи, - снял флотскую шинель, вынул носовой платок, чтобы вытереть пот, и упал, - рассказывала Татьяна Георгиевна.

А о своей крестной, Татьяне Филаретовне, которую композитор называл Танюшей, она оставила запись в дневнике: "Крестная окончила Екатерининский Московский институт благородных девиц. Хорошо знала языки, много читала, любила всех и жалела. Когда жила в усадьбе, вечно возилась с больными, лечила у женщин-крестьянок грудницу, давала хину малярийным, а когда сама не могла помочь, направляла к больным фельдшера. С папою моим их связывали дружба, нежная любовь, забота друг о друге. Во время войны 1914 года Татьяна Филаретовна окончила курсы сестер милосердия и работала в одном из лазаретов Москвы. Очень часто оставалась сверх дежурства на ночь у постели тяжелораненых солдат. Ее сына Бориса в 1915 году взяли в инженерно-строительную дружину. В 1918 году он погиб на Кавказе. Борис любил музыку, сочинял вальсы, и друзья считали его композитором. Татьяна Филаретовна до конца дней сохранила свои принципы - ей чужда была... праздная жизнь. Трудолюбие, скромность и чуткость завещала она и мне, и об этом написала в альбоме, подаренном в день моего поступления в Мариинскую гимназию. Скончалась крестная в 1918 году и похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище".

Татьяна Георгиевна всю свою жизнь хранила добрые заветы Мусоргских. Во время эпидемии сыпного тифа она работала санитаркой в Рязанской больнице, потом сестрой в противотуберкулезном диспансере. Позже поступила на завод, где трудилась до пенсии. В Ленинграде Татьяна Георгиевна пережила блокаду, схоронила там мужа и дочь Наташу. В

квартире на Лермонтовском проспекте, где она жила, находились уникальные вещи, принадлежавшие Мусоргским: семейный альбом с фотографиями, подсвечник, подаренный Гоге Модестом Петровичем, мебель... Главные реликвии пропали в блокаду, а мебель выкинули после войны новые хозяева квартиры, когда обновляли обстановку...

Усадьба Мусоргских под Рязанью после революции была разорена, и только родственники Татьяны Георгиевны по матери, бывшие крепостные Филарета Петровича, сумели кое-что спасти. Приведем рассказ Татьяны Георгиевны об этой ее родне:

Племянница композитора Татьяна Филаретовна 'Танюша'

- Их всех учили грамоте, они все хорошо читали, писали, знали церковнославянский язык. Женщины и девушки были искусными вязальщицами, вышивальщицами и белошвейками. Умели хорошо стирать, гладить, крахмалить. Самой главной труженицей была баба Маня - родная тетя моей мамы. Она была из тех людей, каких теперь нет. Необыкновенная привязанность и любовь жили в ее сердце. И не рабская привязанность, и не рабская любовь, а осознанные. Баба Маня растворялась в семье Мусоргских, считая себя ее частью...

"Баба Маня" - Мария Сергеевна Прохорова - типичная пушкинская Арина Родионовна. Она была няней нескольких поколений Мусоргских. Ее внучатая племянница Галина Николаевна Базарова ныне живет в Москве. Она и поведала об истории уникального альбома с автографом композитора:

- После гражданской войны мой отец Николай Дмитриевич Яхонтов был сельским учителем. Однажды, уже в тридцатые годы, возвращаясь с охоты, он увидел на краю деревни, как ребята гоняют вместо мяча массивный тисненый альбом. Отец взял его и стал перелистывать - там еще осталось несколько портретов композиторов: Баха, Моцарта, Бетховена. И вдруг он увидел подпись Мусоргского... Отец с матерью хранили альбом дома, в те годы такие находки не афишировали, могли обвинить в преклонении перед вещами классовых врагов. А когда тетя Таня (Татьяна Георгиевна) вернулась в Рязань, мы передали ей альбом вместе с другими вещами из дома Мусоргских...

Муж Галины Николаевны - профессор МГУ Иван Павлович Базаров - тоже родом из Рязани, ветеран войны, участвовал в знаменитом сражении под Сталинградом, форсировал Днепр, освобождал Вену и в звании лейтенанта был первым комендантом Венского университета. Удивительны парадоксы судьбы - теперь в этом университете его знают как ученого-физика, труды которого переведены на многие языки. Ныне Иван Павлович Базаров - доктор математических наук, лауреат Государственной премии. Несмотря на большую занятость, он выкраивает время, чтобы продолжить поиски вещей, связанных с композитором. Недавно он обнаружил зеркало, принадлежавшее Мусоргским. Мебель и фотографии Мусоргских из семейного альбома Базаровы передали музею.

В годы своей юности Модест писал: "Китушка меня поддерживал". Это мнение подтверждает и В. В. Стасов: "Мусоргскому всегда хорошо работалось в деревне, да еще в деревне у брата и невестки, с которыми он был постоянно так дружен".

Противопоставлять братьев друг другу если и можно, то только в том, что один был композитором, да еще гениальным, а другой - обычным человеком, с обычными для всех смертных интересами и взглядами.

Исконно русское звучит

Жизнь иногда дарует встречи настолько невероятные, что о них не смеешь и мечтать. Еще в студенческие годы, в Ленинграде, мне довелось побывать на первой в нашей стране выставке Святослава Николаевича Рериха. Помнится, был поражен волшебными красками и необычайностью пейзажа. В этих полотнах, по словам критиков, таилось вечное чудо искусства: "Совершенство духа и власть гения, заставляющие нас стремиться к чистоте, силе и благоустройству собственных помыслов".

На выставке я купил несколько небольших репродукций, и одна из них - "Священная флейта" - с тех пор висит у меня в квартире. С годами она стала необходимой, как и другие семейные реликвии. На картине изображен индус-флейтист на фоне яркого южного пейзажа. И случаются же чудеса! Мне посчастливилось побывать в Индии. После поездки картина на стене будто ожила, и теперь, по словам индийского поэта Рабиндраната Тагора, "память играет на флейте".

В конце сентября 1980 года получил письмо от Нестеренко: "Посылаю выписки из книги Рериха: "Мать художника, Мария Васильевна, урожденная Калашникова, была коренной псковитянкой... А жена Елена Ивановна Шапошникова, правнучка полководца М. И. Кутузова, двоюродная племянница композитора М. П. Мусоргского... Возможно, это все пригодится".

С особым интересом стал я собирать материалы, связанные с Рерихом. Этот древнескандинавский род обосновался в России еще при Петре I. Фамилия Рерих переводится как "богатый славой". А прославил ее на весь мир Николай Константинович - "один из благороднейших сынов России". Родился он в Петербурге, его отец, Константин Федорович, был прогрессивным человеком, принимал участие в подготовке реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Мать, Мария Васильевна Калашникова, родом из Пскова.

Летом 1899 года Русское археологическое общество командировало Н. К. Рериха в Псковскую, Новгородскую и Тверскую губернии для изучения памятников древней архитектуры. Во время поездки он остановился в Бологом, в имении князя Путятина, известного археолога. Здесь и произошла встреча с Еленой Ивановной, которая вместе с матерью Екатериной Васильевной, вдовой архитектора Шапошникова, гостила у родной сестры - княгини Путятиной. Елена Ивановна, умная и обаятельная, проявляла интерес к искусству, играла на пианино. Их знакомство с Рерихом продолжалось и в Петербурге. Осенью того же года Николай Константинович записал в дневнике: "Сегодня была Е. И. в мастерской. Боюсь за себя - в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть ее как можно чаще, бывать там, где она бывает".

Вскоре Елена Ивановна становится женой художника и до конца дней будет ему верным другом, единомышленником, помощницей в работе. Вместе с мужем она много путешествовала, была участницей почти всех экспедиций, мужественно перенося все трудности, проехала на коне всю Азию: "Замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану". Николай Константинович называл ее Ладой - древнерусским именем, означающим "милая, любезная".

Супруги Рерихи совершили путешествие по старинным городам. Побывали в Пскове, Изборске, Печорах. Художник написал у нас более 70 этюдов древних церквей, городских стен, башен, монастырей.

"Чтобы полюбить Родину,- писал Николай Константинович,- надо познать ее... Сколько изумительных красот в Псковской области..."

У Рерихов было двое сыновей. Старший, Юрий Николаевич, стал историком культуры, младший, Святослав Николаевич,- художником и просветителем, прямым продолжателем дела отца.

В 1916 году Рерихи всей семьей выехали из России на лечение в Финляндию. Потом жили в Англии, Франции, Америке, пока окончательно не поселились в Индии. Джавахарлал Неру, долгие годы друживший с семьей Рерихов, писал о Николае Константиновиче: "Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения".

Н. К. Рерих создал 5000 картин, написал 20 томов литературных трудов. Он же был историком, археологом, этнографом, культурологом, поэтом, путешественником, исследователем, выдающимся общественным деятелем, страстным борцом за охрану памятников. Сейчас очень много говорят и пишут об охране культурного наследия, а ведь именно Рериху принадлежат слова: "Не знающий прошлого, не может думать о будущем". Еще в ноябре 1933 года в США состоялась международная конференция по охране памятников, где был принят "пакт Рериха" о защите культурных ценностей.

Многогранную деятельность отца плодотворно продолжает наш современник Святослав Николаевич Рерих. Как и отец, он зовет людей планеты "к высоте помыслов, к душевной чистоте, к подвигу нравственного восхождения".

А где же соединились Рерихи с Мусоргским? Я спрашивал об этом у Татьяны Георгиевны Мусоргской, но она ничего не сообщила. Обратился в Москве к правнучке полководца Кутузова - Наталье Михайловне Хитрово-Кутузовой и снова не получил ответа. Позже я узнал, что в Ленинграде живут родственницы Рерихов - сестры Митусовы. Написал по указанному адресу и сразу же получил ответ: "Я не только извиняю Вас за письмо ко мне, но очень благодарна, что обратились с таким интересным и приятным для меня вопросом",- писала одна из сестер - Татьяна Степановна Митусова. "Больше всех из русских композиторов я люблю музыку Модеста Петровича и совсем не потому, что нахожусь с ним в каком-то далеком и до сих пор мне неясном родстве. Мне очень хочется узнать от Вас о нем как можно больше. А чем могу быть полезна, сделаю все возможное с удовольствием. Сейчас могу только сказать, что у нас есть старинный портрет какой-то очень близкой родственницы Модеста Петровича. Портрет небольшой, овальный, в темных тонах..." (28.6.84 г.).

После обмена письмами состоялась встреча. Я подробно рассказал о своих поисках и узнал от сестер их биографию. Старшая - Злата Степановна - родилась в 1908 году и умерла в блокаду. Средняя - Людмила Степановна - до войны окончила три курса Академии художеств, работала архитектором. С детства увлекалась музыкой и теперь играет на фортепиано, поет в хоре. Татьяна Степановна училась в балетной школе, танцевала в театре, но в войну пришлось перейти на завод. Заочно закончила техникум и на пенсию ушла инженером.

В войну сестры потеряли мужей, так и остались одинокими, теперь скромно живут на небольшие пенсии. Когда заговорили о Мусоргском, Людмила Степановна сказала:

- Если бы знали - записывали бы воспоминания отца: он ведь был близок со многими музыкантами, дружил с Римским-Корсаковым.

Младшая сестра достала объемистую книгу - родословную Митусовых, напечатанную на роскошной бумаге, в красивом переплете, и мы вместе стали разбирать разветвления генеалогического дерева.

- Елена Ивановна Рерих доводилась папе двоюродной сестрой,- сказала Татьяна Степановна.- А наша бабушка происходит из рода Голенищевых-Кутузовых - ее звали Евдокией Васильевной. У нее были еще три сестры: Екатерина, Людмила, Анастасия. Екатерина Васильевна - мать Елены Ивановны, теща Рериха...

Две небольшие комнаты Митусовых походили на музей: старинная мебель, посуда, скульптуры, на стенах подлинные картины, в том числе портреты отца и сына Рерихов. В домашней галерее портреты предков. Я не только слушал рассказы о представителях этого древнего рода, но и видел их изображения. Сестры показывали и объясняли:

- Это наш дедушка Степан Николаевич Митусов - он был министром культуры. А это папа Степан Степанович - профессиональный музыкант, дирижер, хормейстер.

В книге Н. К. Рериха встретилась такая запись: "Вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Степы Митусова гремят хоры Мусоргского. А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу петь из "Хованщины"... "Помните же, что вы Мусоргского поете". В этом ударе на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского".

- Папа после революции не уехал за границу, по просьбе Горького и Луначарского давал первые концерты в Смольном для солдат и матросов. А мама, Екатерина Филипповна, была из рода Потоцких, родилась в Олонецкой губернии, куда выслали деда - графа Потоцкого - за польское восстание. Вот она, наша бабушка.

На стене висел портрет юной графини, которая поехала в Карелию вместе с ссыльным мужем. Притягивало лицо, очень милое, одухотворенное...

- Отец говорил, что с Мусоргским мы породнились через Шаховских,- вспомнила Татьяна Степановна.- Но точно я не помню. Вот, может, Святослав Николаевич Рерих знает? Хорошо бы вам с ним встретиться...

Звучало это примерно так: "Хорошо бы вам слетать на Луну". Я понимал, что это практически невозможно: ведь Рерих редко бывает в нашей стране, да и только по очень важным делам.

Но чудо продолжалось! В 1984 году во всем мире отмечали два юбилея Рерихов - 110 лет со дня рождения Николая Константиновича и 80-летие Святослава Николаевича. В Москве специально открыли выставку картин отца и сына, собранных из разных музеев.

К юбилею приурочили конференцию, на которую пригласили С. Н. Рериха. Среди участников были известные ученые-рериховеды из Академии наук, Академии художеств, Института искусствознания... Число ученых было весьма ограниченным: из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Нью-Йорка...

О приезде художника мне по телефону сообщила Татьяна Степановна; она же взялась хлопотать о встрече...

Из жаркой индийской зимы в холодную русскую Святослав Николаевич перелетел на самолете, не меняя традиционной одежды: в коричневой из легкой ткани "толстовке", простых парусиновых брюках, летних туфлях. Меня удивило, что лицо, высокий лоб были почти без морщин, и во всей осанке - подтянутость, бодрость. Взгляд молодой, любознательный, как у многих художников, цепкий. О возрасте напоминала только седина. Рядом с художником находилась его жена Девика: смуглая, в ярком сари, с традиционным для индианок цветком в иссиня-черных волосах. Девика Рани Рерих - в прошлом известная киноактриса. О ее знаменитом портрете, созданном Святославом Николаевичем, искусствоведы писали: "В красоте ее облика сквозят душа артистки, изящество чувств и мыслей, благородство и очаровательная женственность".

Девика внимательно слушала русскую речь, стараясь понять суть без перевода. А Святослав Николаевич говорил на родном языке на старый манер, образно, красиво, мягким голосом:

- Родители много читали, любили слушать музыку, но это как отдых - главное для них был труд. Моя матушка Елена Ивановна всю жизнь придерживалась принципа - воспитание нравственности и гражданственности только через красоту, через любовь к искусству. По ее идее в Бангалоре построен комплекс, в нем есть выставочные залы, библиотека, театр, музей, мастерские для занятия прикладным искусством. Со всей Индии тысячи людей приезжают туда приобщаться к прекрасному. Вход в этот храм культуры бесплатный...

Святослав Николаевич заинтересовался новыми сведениями по родословной композитора, и я подарил ему журнал "Нева" с очерком "Родовая честь Мусоргских". О том, кто конкретно изображен на портрете, хранящемся у Митусовых, художник не знал. Но он подтвердил мнение сестер: "Родство Мусоргских связано с Шаховскими".

В память о встречах в Москве я привез небольшой альбом с репродукциями картин отца и сына Рерихов. А Татьяна Степановна Митусова прислала репродукцию картины С. Н. Рериха "Муссонные облака". В этом же письме она сообщила адрес Шаховской, "которая приходится нам дальней родственницей, но как - опять-таки не знаю. Может быть, она поможет Вам..."

Вскоре я получил ответ из Тарту от Татьяны Константиновны Шаховской: "Ваши сведения о Шаховских совершенно верны... Но, мне кажется, другие публикации о родстве Елены Ивановны Шапошниковой с Михаилом Илларионовичем Кутузовым не совсем верны, - там, где ее называют правнучкой полководца. Судя по родословной книге П. Долгорукова, у Михаила Илларионовича Кутузова было пять дочерей и один сын, умерший в детстве. Очевидно, родство было не по прямой линии. Насколько мне удалось установить, прямая линия Елены Ивановны к прадеду Кутузову выглядит так: Иван Кутузов - Василий Иванович Кутузов и Анна Васильевна; Екатерина Васильевна Кутузова и Иван Шапошников; Елена Ивановна Шапошникова и Николай Рерих... Все, что касается Василия Ивановича Кутузова, его жены и их предков, меня интересует, и, если Вам удастся что-нибудь узнать, буду благодарна за любые сведения. Если Елена Ивановна Шапошникова была двоюродной племянницей Мусоргского, то по какой линии - Кутузовых или Шапошниковых? Судя по

тесным контактам Мусоргского с семейством Василия Ивановича Кутузова, именно по линии Кутузовых. Если это так, то и мы находимся в каком-то родстве с Мусоргскими, так как Михаил Константинович Шаховский был моим прадедом по прямой линии: Анастасия Васильевна Кутузова и Михаил Константинович Шаховский; Яков Михайлович Шаховский - Константин Яковлевич - Татьяна Константиновна... Как видите, я задала Вам больше вопросов, чем ответила на ваши. Но такова уж особенность человеческого общения - каждый вопрос вызывает новый... Многое исчезло в небытие, и собирать приходится по крохам. Желаю Вам успехов в работе" (25.4.85 г.).

Собрав эти устные и письменные рассказы, я убедился, что конкретными фактами о связи с Мусоргским никто не располагает.

В дневнике Н. К. Рериха немало строк посвящено Мусоргскому: "Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский" - по именам четырех сестер Голенищевых-Кутузовых, так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны - та, которую Мусоргский называл Катонский от имени Екатерина, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских - у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн. Путятина, а Людонский - Людмила Рыжова". Итак, Модест Петрович часто "бывал у них", то есть у Голенищевых-Кутузовых. Но где же они жили? Во всей известной литературе о Мусоргском называются только четыре местопребывания композитора на Псковщине: Карево, Волок, Торопец, Канищево. Селение Боброво и его хозяева Шаховские нигде не упоминаются.

И снова пошел я в Великолукский архив и стал просматривать "Исповедные росписи" за 1860-1863 годы. В Торопецком уезде ничего похожего не обнаружил и взялся за Холмский. Раскрыв рукописную книгу за 1863 год, нашел погост Канищево, а там запись: "Села Канищева отставной полковник Василий Иванов Голенищев-Кутузов". И далее перечень всей его семьи: жена Анна Васильевна и "дети их: Иоанн - 10 лет, Евдокия - 8, Анастасия - 7, Екатерина - 6, Леонила - 5, Василий - 2". Хозяину усадьбы Василию Ивановичу исполнилось 50 лет. Его жена была на 20 лет моложе. Это и понятно: полковник обзавелся семьей поздно, когда ушел в отставку.

Значит, Модест Петрович в августе 1863 года и гостил у Голенищевых-Кутузовых, в чем убеждает авторская дата на сочинении "Песнь старца" - "13 авг. 1863 г. Село Канищево". И теперь понятно, кому напевал он "Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский". Такие шуточные прозвища, близкие к именам, придумал он молоденьким барышням, которые и значатся в "Исповедных росписях".

А по соседству, в селе Боброве, проживал "помещик, отставной полковник князь Константин Яковлевич Шаховский" в возрасте 60 лет. Его жене Елизавете Федоровне исполнилось 54 года. И с ними трое детей: Михаил - 22 лет, 17-летняя Елизавета и годом младше Леонила.

Из письма Т. К. Шаховской известно, что ее прадед Михаил Константинович женился на Анастасии Васильевне Голенищевой-Кутузовой, которую Мусоргский называл "Стасенский".

М. К. Шаховский был ровесником Модеста Петровича, человеком просвещенным и прогрессивным, и, вероятно, дружил с начинающим композитором. У Шаховских была богатая библиотека, которой, несомненно, пользовался Мусоргский. В этом убеждают

строки из его письма Ц. А. Кюи: "На днях попались мне стишки Гете,- коротенькие, я обрадовался... и на музыку".

Композитор переложил песню арфиста из романа Гете "Вильгельм Мейстер", заменив странствующего с арфой итальянца на старика, который ходит по деревням и пением собирает милостыню. "Нищий мою музыку может петь без зазрения совести - я так думаю",- писал композитор.

Воспользовавшись текстом великого немецкого поэта, Мусоргский создал "Песнь старца" на русский манер и, как установил доцент Псковского педагогического института П. Иванов, внес словесные дополнения в духе народной песни. Композитор, хорошо знавший народный язык, заменил в строке слово "встану" ("скромно у порога") на простонародное "стану", как и поныне говорят на Псковщине. На слова Гете композитор создал всемирно известный шедевр "Песню о блохе".

Когда Модест Петрович написал в Канищеве "Песнь старца", Анастасии Голенищевой-Кутузовой было семь лет, а Михаилу Шаховскому шел двадцать третий. Позже Анастасия Васильевна станет его женой и хозяйкой имения Боброво.

Мусоргский продолжал дружить с этой семьей и подолгу жил здесь, в чем убеждают строки из дневника Н. К. Рериха: "После последнего пребывания Мусоргского в Боброве произошел печальный, непоправимый эпизод. После отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков. По небрежению все это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи. Сколько таким путем пропадает от простого небрежения и неведения. А кто знает, может быть, где-то на чердаке или в амбаре хранятся и еще какие-то ценные записки. Мне приходилось видеть, как интереснейшие архивы в каких-то корзинах выносились на чердак на радость мышам".

Теперь можно официально внести в "указатель мест пребывания М. П. Мусоргского" еще один законный адрес - село Боброво, которое находится ныне в Торопецком районе Калининской области. Важно свидетельство Н. К. Рериха о том, что Мусоргский посетил Боброво "уже в болезненном состоянии", а значит - в последние годы жизни. В биографической литературе не было сообщений об этом.

А хозяином Боброва до конца своих дней был Михаил Константинович. Чудом уцелели многие документы имения за 1870 - 1895 годы, и они находятся в Великолукском архиве в отдельном фонде, состоящем из 44 единиц. Среди них деловые бумаги, отчеты, письма и редчайшее подлинное "родословное дерево" князей Шаховских, начиная от Рюриков, всего более 130 потомков, изображенное на двухметровом холсте - видимо, для гостиной.

Так какие же узы связывают Рерихов, Митусовых, Шаховских с Мусоргским? С Голенищевыми-Кутузовыми композитор состоял в родственных отношениях дважды - и по материнской, Чириковской, и по отцовской линиям, но только не по прямой.

В 1939 году Н. К. Рерих сделал в дневнике такую запись: "Исконно русское звучит во всем, что творил Мусоргский... В нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях. Может быть, теперь и вся жизнь Мусоргского протекала бы под более благоприятным знаком. Может быть, теперь сразу бы поняли, и оценили, и озаботились о лучших условиях для творчества. Может быть... А может быть, и

опять не поняли бы, и опять отложили бы настоящее признание на полвека, а то и на целый век - всяко бывает. Добрые люди скажут, что невозможно и представить себе, чтобы сейчас могли происходить всякие грубые непонимания, вандализм и несправедливые осуждения - так говорят оптимисты,- пусть же многие уроки прошлого послужат для улучшения будущего".

Художник написал ряд эскизов декораций и костюмов к музыкальным постановкам. В их числе "Палаты Голицына" к народной музыкальной драме М. П. Мусоргского "Хованщина" для лондонского театра "Ковент-Гарден". Подлинник этого эскиза находится в США, в Музее Рериха. Т. С. Митусова переписывается с директором этого музея Даниэлем Энтин, и он прислал ей несколько репродукций к театральным постановкам.

В "Палатах Голицына" на сцене "Ковент-Гардена" пел Шаляпин. Недавно этот старейший в Европе театр на Темзе отметил свой 250-летний сезон оперой Мусоргского "Хованщина". С большим успехом выступил в роли Ивана Хованского Нестеренко. Как отметила критика, "ощущение музыки певцом органично и глубоко" и "в затаившем дыхании зале особенно чувствовались значительность и величие Мусоргского".

В последнем письме Т. С. Митусова сообщила, что С. Н. Рерих снова собирается посетить нашу страну и, возможно, привезет новые сведения о Мусоргском. Поиск продолжается...

Да ведают потомки православных

В опере Мусоргского "Борис Годунов" есть картина, где монах Пимен в келье Чудова монастыря, склонившись перед лампадой, записывает все виденное и слышанное, надеясь, что когда-нибудь потомки найдут его "правдивые сказанья".

Таковыми летописцами исконного уголка России, где родился ее великий сын Модест Мусоргский, стали, сами того не ведая, священнослужители Одигитриевской церкви погоста Пошивкина. Усердно и беспристрастно писали они "земли родной минувшую судьбу". Их рукописные книги за три века, сохранившиеся в Великолукском архиве, теперь являются бесценным сокровищем. Они-то и помогли заполнить неизвестные страницы в биографии композитора, выявить неведомых доселе прототипов.

Погост Пошивкино располагался между усадьбами Мусоргских и Чириковых, в полукилометре от Наумова и в двух километрах от Карева. Из "Клировых ведомостей" известно, что в 1735 году здесь была построена деревянная церковь во имя Одигитрии Пресвятой Богородицы. В 1818 году на этом же месте возведен каменный храм с колокольнею, как сказано, "тщанием прихожанина титулярного советника Петра Васильевича Бровцына".

Церковь стояла на высоком холме и была видна из окон барских домов Мусоргских и Чириковых, из принадлежавших им деревень и сел, с озера и с островов, где также жили крестьяне. Вся эта территория называлась приходом, а жители - прихожанами. Место, где стояла церковь, именовали погостом, и не только потому, что рядом было кладбище, - погост являлся административным и духовным центром. Основными жителями погоста были церковнослужители. Они имели свою пахотную землю, сенокосные угодья, лес, часть озера. В XVIII веке здесь стояла богадельня - приют для больных и одиноких стариков, а позже появилась приходская школа для крестьянских детей.

К интересному выводу пришел А. П. Лопырев, изучавший местные названия селений. На родине Мусоргского названия деревень поголовно славянские: Алексеевское, Наумово, Захарово, Жуково, Юрьево... а названия погостов угро-финские: Хрянь, Купуй, Слауй, Окний, Плай... Почему? "Я думаю, что деревни неоднократно уничтожались в ходе войн, - писал Андрей Павлович, - и возникали на новых местах под новыми названиями. А погост - это же кладбище, обитель умерших предков - оставался на месте и сохранял свое дославянское имя. Наверняка можно считать, что на месте таких погостов, как Купуй, Слауй, Влиц, до X века стояли языческие капища".

Через Пошивкинский погост проходили две большие дороги, которые не только соединяли Карево, Наумово и другие деревни прихода, но и вели дальше - к Петербургу, в Прибалтику. Рядом с церковью стояла колокольня, и звон ее колоколов слышал каждый житель прихода.

В операх Мусоргского одним из главных действующих лиц можно назвать колокольный звон. В "Борисе Годунове" музыка колоколов звучит почти в каждой картине: пролог начинается с торжественного перезвона "венчания на царство"; в келье Чудова монастыря раздается приглушенный звон к заутрене; в царском тереме под скорбный вечерний перезвон Борис терзается от угрызений совести; в Грановитой палате царь умирает под погребальный звон; на лесной поляне под Кромами тревожно и грозно звучит набат, извещающий Русь о новой беде...

Колокольный звон - самостоятельная тема в опере, с разнообразной богатой тембровой и психологической окраской.

"Мне кажется, что звоны и церковное пение в операх Мусоргского - это отражение впечатлений от церквей в Торопецком уезде",- писал Евгений Нестеренко в июле 1979 года.

Можно ли обнаружить "прототипы" звонов на родине Мусоргского, проследить их истоки?

Колокольный звон известен на Руси с давних времен. В Новгородской летописи 1342 года говорится: "Архиепископ Василий велел слить колокол великий к святой Софии и привел мастера из Москвы, человека почетного по имени Борис". Историки высказывают предположение, что этот мастер и положил начало литью колоколов в России. С колокольным звоном была связана вся жизнь народа. Торжественным перезвоном встречала Москва победоносных ратников Дмитрия Донского. "Всполошный" колокол предупреждал жителей города, когда появлялся неприятель. День и ночь звонил "осадный", если у городских стен стояли враги. Колоколами жаловали за заслуги: в Печерском монастыре, что под Псковом, до сих пор звенят колокола, подаренные Иваном Грозным, Борисом Годуновым, Петром Первым.

В Псково-Печерском монастыре были погребены предки композитора, которые жили при Иване Грозном. В то время дворяне старались получить место для вечного покоя в пещерах этого монастыря. Здесь были похоронены Мария Петровна, Иван Петрович и Агриппина Петровна Мусоргские. Довелось мне не раз бывать в этих пещерах. В дни поминовения здесь по давней традиции звучат колокола. Монахи-звонари с большим искусством, как в слаженном оркестре, ведут мелодию "Печерских звонов".

Как сообщает исследователь этой темы Юлий Филатов, колокола секли кнутами, вырывали им языки, выставляли на позор... Колокол города Углича лишили языка и отправили на высылку в Тобольск за то, что он сообщил народу о гибели царевича Дмитрия. Для любого города не было большего унижения, чем лишиться колокола. Когда Василий III прислал в Псков дьяка со строгим повелением отобрать "Вечник", то все жители стали "плакати по своей старине и по своей воле".

В "Литературной газете" за 27 июля 1983 года в статье "У истоков" опубликованы записи И. К. Ежова, работавшего в первые годы Советской власти начальником управления государственных складов. Ежов воспроизводит телефонный разговор Ленина с хозяйственниками, происшедший в тот момент, когда к нему пришли крестьяне с просьбой "посодействовать" в приобретении колоколов.

"- Говорит Председатель Совнаркома... У меня сидят три мужичка. Они прошли все ведомственные мытарства и дошли до меня. Что же невозможного в их просьбе?

- Мы, Владимир Ильич, воздерживаемся от раздачи колоколов и заняты решением вопроса, как их использовать в производстве...

- Я понимаю, но как мне быть, если со всех концов России тянутся подобные делегации? Что же поделаешь? Хлеб у крестьян берем, солдат берем... А тем более, что они вот говорят, что колокола-то им нужны не для нужд церкви, а чтобы спасать звоном во время зимних бурь сбившихся с дороги..."

Старожилы с родины Мусоргского рассказывали, что колокол извещал всех и о больших событиях в государстве, и о местных происшествиях, напоминал о времени, о праздниках, о

торжествах, о горе, о беде, о пожаре, помогал рыбакам Жижицкого озера находить берег в тумане, а зимой в метель указывал путь к жилью...

Колокол напоминал нашим предкам, когда работать, отдыхать, веселиться, брать в руки оружие. Музыка звонов облагораживала, очищала душу, воспитывала уважение к прошлому, напоминая о неумолимости времени. Существовал обычай - в пасхальные дни на колокольню мог подняться каждый желающий. Устраивались своеобразные конкурсы, где можно было показать свое мастерство. Александра Ивановна Прокошенко рассказывала, что в Пошивкине был известен звонарь Иван, по прозвищу Тюлька, который играл на колоколах, как на балалайке, плясовые мотивы - такие, как "Во саду ли, в огороде"... Умелые звонари были и в родовой церкви Мусоргских в Золовье. В "Клировых ведомостях" об этом храме сказано: "Колокольня каменная, соединенная с церковью деревянным притвором. Колоколов на ней пять: первый весит 20 пудов, черный с надписью "Валдай", второй - 7 пудов, третий - 2 пуда, четвертый - 1 пуд, и пятый - 1/2 пуда".

Мусоргскому повезло - он родился и десять лет прожил в сельце Кареве, стоявшем на холме, с которого были слышны звоны сразу трех церквей. С погостов Пошивкино и Жисцо звоны плыли по воде, приобретая особую, нежную окраску, а из Платичина через луга и лес доносились "сухопутные" приглушенные звуки.

Один из старожилов этих мест Иосиф Петрович Ершов вспоминал:

- Здесь переливались звоны трех церквей, и в I праздники мы слушали тройной благовест. "Благовест" у Даля - призыв колокольным звоном в церковь, а "благовестив" - возвещение блага, добра, радости... Не этот ли тройной благовест стал для Мусоргского "прототипом" в "Хованщине" к симфонической картине "Рассвет на Москве-реке"? По мнению ведущих музыковедов, в этой картине композитор тонко и поэтично рисует раннее утро, робкую трель птиц, отдельные удары колокола, разносящего голос утреннего благовеста.

Как показывают документы, священнослужители Одигитриевской церкви во все времена находились в дружеских отношениях с помещиками. Прабабка композитора по материнской линии Вера Алексеевна Чирикова была "ктиторшей", то есть доверенным лицом и хранителем церковной казны. И прадед по отцовской линии Григорий Григорьевич Мусоргский состоял в числе почетных прихожан.

Коренными старейшими жителями Пошивкина были Федоровы - Яковлевы - Бабинины, связанные между собой родством. Основатель династии церковнослужителей в Пошивкине находился в сане священника, но позже его потомки уже относились к низшему церковному сословию и занимали должности дьячков, пономарей, псаломщиков. К концу XVIII века окончательно закрепилась одна фамилия - Бабинины. Бабинины венчали родителей композитора, крестили самого Модеста и его брата Филарета. Эти исторические записи сделаны рукой пономаря Василия Федоровича Бабинина и подкреплены подписью дьячка Тимофея Яковлевича Бабинина.

После изучения документов архива открылось, что Бабинины были не только летописцами, но и прототипами музыкальных произведений Мусоргского.

В литературе о "Хованщине" упоминается легенда про стрелецкий полк, якобы погибший в волнах Жижицкого озера. Высказывается предположение, что из-за этой легенды Мусоргский проявил "лихорадочный интерес" к "Хованщине". Однако старожилы этих мест

ничего не слышали о стрельцах от своих предков. Притом же, если внимательно перечитать письма композитора и воспоминания его современников, станет ясно, что идею создания "Хованщины" подсказал ему В. В. Стасов, а либретто оперы Мусоргский написал на основе глубокого изучения исторической литературы, древних рукописей.

Но, отказываясь от этой выгодной для нас, земляков композитора, легенды, можно ли предположить что-то взамен? Просмотрим еще раз письма Мусоргского. Работая над "Хованщиной", Модест Петрович обратился к одному, как он пишет, "путному попу", чтобы узнать характер раскольниковых напевов. И тот ему ответил: "Если, живя в деревне, застали и слышали старых дьячков, так и создавайте ваших раскольников в обиходном напеве". "Я застал и слышал дьячков, - пишет Мусоргский Стасову, - но о совете путного попа забыл, пока не понадобился мотив для канта Досифея и для купельного канта при самосожжении".

Эти загадочные строки теперь можно расшифровать. Мусоргский с детских лет и до конца своих дней слушал в Одигитриевской церкви "старых" дьячков Бабининых. И когда для "Хованщины" понадобилась, как он пишет, самобытность, тут-то и пригодились песнопения Бабининых. А Бабинины, согласно записям в "Клировых ведомостях", вели церковную службу по старинке, так, как слышали от своих предков, и были "пения и чтения хорошего". Интересно, что И. Е. Репин говорил о дьячках как "отголосках языческого жреца".

Исследования А. П. Попырева подтверждают, что Мусоргский на своей родине имел возможность изучать напевы старообрядцев: "Православная церковь была веротерпима. В Великолукском уезде среди 48 православных церквей была одна раскольническая, так называется единоверческая церковь Александра Невского при погосте Вяз. В ее приход входили единоверцы четырех уездов, всего 81 двор, 454 прихожанина. Благочинному эта церковь не подчинялась, а губернская епархия ее учитывала и признавала".

Самобытные дьячки Бабинины для композитора стали кладом, но для них самих отсутствие "дипломов" сказалось весьма заметно. К концу XIX века они постепенно отошли от церкви, стали заниматься крестьянством, рыболовством, даже плотничали, сапожничали, но жить продолжали в Пошивкине большой семьей, в доме, доставшемся от предков. Наследники Бабининых, сохранившие по прямой линии эту фамилию, и сейчас живут в этих краях.

Еще одним летописцем погоста Пошивкина можно назвать потомственного священника Матвея Логиновича Кириллова. Его прадед, дед и отец были священниками Одигитриевской церкви и кропотливо регистрировали роды Чириковых и Мусоргских, их дворовых и крестьян. Отец Матвей специального учебного заведения не кончал, "в школах не был", а в сан священника был "положен преосвященным Гавриилом Новгородским и Санкт-Петербургским". Служил он долго и исправно; депутатом Торопецкого уездного земского собрания избирался 25 лет подряд "за беспорочное и рачительное прохождение должностей". За войну 1812 года награжден Бронзовым крестом на Владимирской ленте. Умер отец Матвей в начале 1839 года, и ему не довелось крестить сына Мусоргских, будущего великого композитора. Не оставил он наследника, продолжателя своей фамилии и потомственной должности, как это делали его предки, так как в семье его рождались только дочери. И впервые за два века в Пошивкино был прислан "чужой" батюшка, окончивший Псковскую духовную семинарию Симеон Васильевич Суворов. Он был посвящен в сан священника в двадцать один год и к месту назначения приехал с семьей -

семнадцатилетней женой Евдокией Михайловной и пятимесячным сыном Евграфом. В доме покойного священника жили его родственники, и Суворовых приютили в Наумове помещики Чириковы, хотя в это время их дом был перенаселен: здесь жили вдовый отец с незамужними дочерьми, два сына с невестками и детьми. Новый священник квартировал у Чириковых, пока не построил собственный дом.

С 1840 года все рукописные книги Одигитриевской церкви вел С. В. Суворов. И делал это с особым прилежанием. Почерк у него был каллиграфический и "современный" в сравнении со старославянской орфографией, которой пользовался отец Матвей. Новый священник с первого дня и до конца своей службы в Одигитриевской церкви, как и отец Матвей, во всех проверочных документах отмечался за усердие, добропорядочность и был оштрафован только один раз - за венчание со вторника на среду, что воспрещалось. С. В. Суворов был по представлению Псковского статистического комитета "удостоен звания действительного члена комитета и утвержден в нем дипломом". Просвещенный батюшка имел библиотеку, где среди духовных книг имелись исторические. Как открылось из документов архива, Симеон Васильевич стал одним из персонажей знаменитого романа Мусоргского "Семинарист".

О поездках Модеста Петровича в свое имение в зрелые годы, когда его уже знали как композитора, в биографической литературе нет документальных свидетельств. Однако в "Летописи жизни и творчества Мусоргского" не указывается его местонахождение в феврале - марте 1866 года. Где он мог быть? Ответ нашелся в рукописных книгах, которые вел отец Симеон. В марте 1866 года исполнилась годовщина смерти матери композитора, и надо было возобновить в церкви кончившийся срок годового помина. Модест Петрович приехал на родину и остановился в каревской усадьбе, где надо было заодно решить и хозяйственные вопросы. Конечно же, он часто посещал кладбище, на котором в семейном склепе Чириковых покоилась любимая мать. Заходил в храм, в дом к священнику. В это время здесь жил его сверстник, старший сын священника Евграф, окончивший Псковскую духовную семинарию, который "живет при отце, места еще не имеет".

Обратимся к "Семинаристу", текст которого написан Мусоргским. Главные герои: поп Семен, обольстительная поповская дочка - "Щечки, что твой маков цвет, глазки с поволокой", - семинарист, изучающий латынь. По "Исповедным росписям" в этом году числятся: поп Симеон, две его взрослые дочери и еще "на выбор" четыре молодые барышни - дочери дьячка Бабинина. Здесь же находился и главный персонаж, двадцатилетний семинарист Василий Молчанов из Великолукской духовной семинарии высшего отделения, "определенный в означенный погост на год для приучения". Он-то и долбил латынь, поглядывая при этом на одну из поповских или дьяческих дочерей. Из текста "Семинариста" ясно, что латынь отроку давалась нелегко, да еще и искушал бес в образе поповской дочери. И в церковных документах, даже по весьма деликатной оценке отца Симеона, семинарист Василий был "чтения и пения не очень хорошего...".

Как известно, Мусоргский наблюдал, подмечал и вынашивал, пока "приспееет время записывать". И эту живую сцену, как назвал ее сам автор - "картинку с натуры", подсмотренную в Одигитриевской церкви, он записал, уже вернувшись в Петербург: "Это я сделал утром, проснувшись в шесть часов, начав только с ритма".

Впервые "Семинариста" под собственный аккомпанемент Модест Петрович спел для своих друзей, и эта сатирическая песня с "трагической закваской", по словам Мусоргского, была встречена с восторгом. Однако издали "Семинариста" только за границей, в Лейпциге. В России же цензура вынесла такое решение: "Ноты эти не могут быть дозволены к обращению в публике". Сам Мусоргский в письме Стасову объясняет притеснение цензуры, как он ее называл - "геенны огненной", тем, "что музыканты из "лунных воздыхателей" становятся обличителями насилия в любом его проявлении". "Семинарист" же - не забавная комическая сценка, а острая сатира на устойчивый во все времена порок общества - лицемерие, когда живые люди с разными взглядами и жизненными интересами вынуждены долбить чуждые им догмы, которые навязывают власть имущие.

Со времени создания "Семинариста" прошло 120 лет, и теперь его исполняют повсюду. Совсем недавно в Японии спел "Семинариста" Евгений Нестеренко. Вежливые и деликатные японцы встретили это произведение бурными овациями.

Знакомство и дружба Мусоргского с С. В. Суворовым продолжались до 1876 года, когда Одигитриевская церковь была закрыта, а всех прихожан причислили к соседнему погосту Платичино. В эти годы происходила реорганизация церквей. Одигитриевский храм открыли снова через десять лет, назначив всего двух лиц - священника и псаломщика. Семья Суворовых выехала из Пошивкина после закрытия храма и больше сюда не возвращалась.

В рукописных книгах, которые вел отец Симеон, выявился еще один прототип из сочинений Мусоргского. В Кареве должность старосты-управляющего переходила по наследству. Сын 102-летнего Пахома Иванова - Степан Пахомович стал героем песни "Ах ты, пьяная тетеря". В подзаголовке композитор пишет об этом прямо: "Из походов Пахомыча". Когда читаешь текст этой песни, то кажется, что Модест Петрович дословно записал, как жена отчитывает подгулявшего мужа, сохранив псковский диалект: "С кем, бесстыдник, ты таскался?", "Эко рыло все в грязи-то", "Как начну возить ухватом", "Как хвачу тебя по лясам", "Ох, головушка бедная, ох-ти". Жена умоляет, чтобы муж пожалел деток и не мучил "женку старую". По сей день в наших деревнях ругают непутевых мужей такими же словами. По "Исповедным росписям" удалось установить, кто устроил выволочку Степану Пахомовичу: это его 67-летняя жена Федосья Васильевна. Указаны и "детки": Хеония, Павел, Александр, Аркадий, Василий.

Эти находки еще раз убеждают в том, что Мусоргский, как отмечали исследователи его творчества, использовал колоритный народный язык и "бытовые прозаические выражения".

Следующим летописцем родины Мусоргского стал священник Иоанн Белавин. В архиве хранится его дневник на двадцати страницах, аккуратно исписанных убористым почерком, где подробно рассказывается об истории края, о быте, нравах и взаимоотношениях прихожан. Дневник ценен тем, что его заполнял человек, знающий здешних жителей от рождения до смерти в отличие от литераторов, даже не посетивших родину композитора.

Записи отца Иоанна начинаются с истории края, с озера, на берегу которого расположился приход. "Жисцо берет свое начало или образуется из многих рек, впадающих в него: Кудесницы, Доляны, Узмени, а из него вытекает только речка Жижец, от которой получило название это озеро, впадающая в речку Двину. В нескольких саженьях от берега имеется два острова общего владения церкви с помещиком Чириковым под названиями Серебряный и

Кромешный, на первом имеется пашня и покос, на втором только покос. Название первого острова по преданию произошло от того, что на нем в старину найдены старинные серебряные деньги разного достоинства, а название второго есть искаженное "окрамец", то есть кроме или кроме сего острова имеются на сем озере еще острова... Берег озера песчаный, вкус воды пресный, а свойство ея известковое, рыба в нем разной величины и названий, а именно: лещ, судак, щука, окунь, плотица, уклея, шарашпер - род судака. Крестьяне деревень, лежащих близ озера... в продолжение года в разное время занимаются рыбной ловлею, а орудием для ловли служат: невод, сети, ворот, мережи, бродники и шивка - летний невод..."

Священник рассказывает, как одевались крестьяне, и для нас это ценно потому, что такими их видел Мусоргский: "Нижняя одежда делается из домашнего толстого холста, верхняя состоит из шубы, балахона и кафтана; в праздник и воскресные дни среди молодого поколения можно видеть у мужчин суконные и триковые пиджаки и такие же брюки и ситцевую рубашку, а у женщин - суконные кофты и пальто, кисейные рубашки, кашемировые сарафаны и такие же платки. В будни носят тот и другой пол из лыка лапти, а в праздники сапоги, полусапожки и башмаки".

Описывается и крестьянский быт: "Живут преимущественно скученно; материалом жилищ служит разного сорта лес, а кровли у зажиточных крестьян бывают тесовые, а у бедных - из драниц и соломы. У зажиточных при одних сенях по обе стороны имеются две избы, из которых одна держится почище, для гостей в праздники и богослужения, а во второй сами живут, каких-либо особенных украшений внутри и извне не делают, конечно, за исключением необходимых предметов, как-то: божниц, где ставятся образа, лавок, скамеек, столов и т. п. Живут по большей части неряшливо, грязно, особенно это замечается среди бедных и многосемейных крестьян... В последнее время часты разделы семей вследствие несогласия и раздоров между собою, по отношению же соседей между собою больше заметно согласия. Среди пожилых крестьян между мужем и женою больше замечается согласия, взаимности, любви, уважения друг к другу, чем среди молодежи, где происходят нередко споры, раздоры и брань, нередко оканчивающаяся тем, что жена уходит от мужа к своим родителям или родственникам. Более старые и пожилые крестьяне держат своих детей строже, стараются удалять и удерживать их от дурных привычек и пороков и направить их и приучить к делам добрым и полезным. Среди же молодых замечается у родителей поблажка, потворство своим детям в разных дурных проступках, они держат детей слабо, на худые дела их смотрят, так сказать, сквозь пальцы; мало стараются приучить их ко всему полезному, доброму и хорошему и отвлекать их от дурного и худого, что и служит причиною тому, что и сами они пользуются меньшим уважением, почтением от своих детей, особенно, когда последние приходят в совершенный возраст... Относительно других видов добродетели, как-то: привязанности к родным, древним обычаям, честности, бережливости, уважению к духовным лицам и т. п., нужно заметить, что таковые более замечаются и сохраняются среди старых крестьян и менее среди молодых. Более выдающийся порок среди крестьян - пьянство, а реже замечаются разврат и воровство".

Вот такие нравственные проблемы "отцов и детей" рассматривает в своем погосте священник, знающий тайны каждого ребенка и старика по ежегодным исповедям. И делает

это, по всей вероятности, объективно. Если "относительно внутреннего бытия" он отдает предпочтение старшим "отцам", то тут же и осуждает их за суеверия и связанное с ними невежество. "В прошлое - старинное время во множестве существовавшие среди крестьян предрассудки и суеверия в последнее время с проникновением в их среду образования, учреждением школ при селах и погостах стали заметно редеть, уменьшаться и сглаживаться. В настоящее время среди многих крестьян можно встретить таких, которые придают силу и значение снам, гаданиям, счастливым и несчастным дням, вере в судьбу". Вспомним, такую же правдивую картину деревенской жизни в Михайловском рисует Пушкин в "Евгении Онегине", описывая, как верили "преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны".

Кстати, Иоанн Белавин сам хлопотал об открытии при церкви начальной школы и неоднократно уговаривал крестьян своего прихода, как он пишет, "в пользу грамотности". Еще более значительный для истории факт: сын пошивкинского священника Василий Иванович Белавин стал в 1917 году патриархом Московским и всея Руси. Он окончил Петербургскую духовную академию, получил назначение и готовился жениться, но невеста против воли родителей ушла к другому. Белавин переживал эту измену как большую трагедию. Он постригся в монахи, принял имя Тихон, и оно внесено ныне во все энциклопедические справочники. Недавно открылось, что неверной невестой Белавина была Мария Петровна Бабинина - внучка Т. Я. Бабины, дьячка Пошивкинского погоста, который крестил Модеста Мусоргского. Об этом мне рассказывала Вера Александровна Бабинина. Невеста будущего патриарха была красавицей; пока он учился, она влюбилась в латыша-хуторянина К. Г. Клявина. Они без венчания имели восемь детей, которые именовались как дети "девицы духовного звания" и носили фамилию Бабининых. Наследники этих детей теперь живут на родине Мусоргского, и один из них - Борис Иванович Боровко - передал музею кресло из дома композитора.

Сколь же благодатная почва сложилась для композитора на его глухой родине, где сохранились дух старины, колорит народной жизни, обычаи, нравы, предания! Несомненно, что не в Петербурге, а именно здесь, в деревнях на берегу Жижицкого озера, Модест Петрович подслушал гадание Марфы для "Хованщины", мотивы для симфонической картины "Ночь на Лысой Горе". Кстати, "лысой горой" крестьяне называли самый высокий холм над Каревом. Как рассказывали Прокошенко, по местным легендам, там водилась "нечистая сила".

Последним настоятелем церкви-реликвии был Иван Иванович Ветошкин, по рассказам старожилов - очень добрый человек. Он давал крестьянам советы, как грамотно вести хозяйство, его богатой библиотекой пользовались многие книголюбцы. Ветошкин свершал по традиции до 1929 года и все обряды: крестил детей, венчал молодых, отпевал умерших. О последующей жизни священника рассказал его внук, корреспондент Гостелерадио Сергей Александрович Ветошкин:

- Деда приговорили к восьми годам, и он отбыл весь срок. Во время войны два его сына, мои дядя, сражались на фронте, были награждены за храбрость. После тюремного заключения Иван Иванович получил большой сан - митропольного протоиерея в городе Горьком. Там он и похоронен.

О судьбе Одигитриевской церкви рассказал старожил погоста Пошивкино Сергей Федорович Корнеев:

- В тридцатые годы церковь закрыли, иконы и колокола выбросили. Помещение вначале переоборудовали под клуб техникума, а потом использовали под склад. Окончательно храм и звонницу разобрали на кирпич в 1950 году.

Бывший погост постепенно стал заселяться крестьянами и превратился в обычную деревню. Ныне Пошивкино соединилось с поселком Наумово. Живут здесь работники совхоза и техникума, а в основном пенсионеры. Кладбище сохранилось, на нем хоронят до сих пор. При жизни Мусоргского оно было обнесено деревянной оградой, а в 1898 году, как записано, "возведена прихожанами, по указу Псковской духовной консистории, каменная ограда". В лихие годы гражданской войны и позже эту ограду, так же как и семейный склеп Чириковых, разрушили. От церкви остались только ступени крыльца. Совсем недавно разобран на дрова деревянный дом, в котором жили священники и размещалась церковноприходская школа. О древнем погосте - бывшем административном и духовном центре - напоминают только несколько старых деревьев.

По Постановлению Совета Министров РСФСР от 1980 года за № 20 Пошивкино включено в охранную зону музея и подлежит восстановлению, реставрации и благоустройству, так же как Наумово и Карево, связанные с жизнью и творчеством М. П. Мусоргского. Ведущие музыканты страны, в числе которых лауреаты Ленинской премии, народные артисты СССР Георгий Свиридов, Елена Образцова, Евгений Нестеренко, считают, что на старом фундаменте необходимо восстановить церковь. По мнению специалистов, полностью восстановленный усадебный ансамбль в комплексе с реставрированной церковью и окружающим ландшафтом воссоздали бы на века тот исторический период, ту обстановку, которая вдохновляла великого музыканта России.

Отброшенный от очага родного

В письме к историку, литератору, профессору лицея, своему другу В. В. Никольскому Мусоргский признавался: "Как меня тянуло и тянет к этим родным полям". А родные поля - это Карево, Полутино, Наумово - псковская земля, куда Модест Петрович стремился постоянно, чтобы услышать, как он писал, "звук родной струны". Поездки на родину были для композитора источником вдохновения и опорой в трудные минуты жизни.

После отъезда брата из Петербурга Мусоргский поселился в Инженерном замке у Опочининых. Почему он выбрал эту семью? В биографической литературе сведений об этом нет. Из документов известно, что у Мусоргских было небольшое владение в Ярославской губернии. Во время отпуска я побывал в Ярославле и посмотрел материалы по генеалогии дворян. Оказалось, что ближайшими соседями Мусоргских здесь были Опочинины. После кропотливого изучения их родословной открылось, что они состоят в родстве с Мусоргскими. И теперь понятно, почему композитор обосновался в семье Опочининых, где было шестеро холостых братьев и незамужняя сестра. В Инженерном замке Мусоргский прожил три года, и это был самый плодотворный период в его творчестве. Но не только родственные узы связывали Модеста Петровича с этой семьей. Опочинины были просвещеннейшие люди России. Старший брат, Александр Петрович, возглавлял архив инженерного департамента и увлекался пением. Владимир Петрович, контр-адмирал, обладал прекрасным голосом, был учеником А. С. Даргомыжского. О Надежде Петровне сведений в печати практически нет. В Ленинградской Публичной библиотеке удалось обнаружить подлинное письмо Опочининой на роскошной бумаге с фамильным гербом. "Надеясь на вашу любезность, Милий Алексеевич, прошу известить меня, когда и где будет генеральная репетиция концерта в пользу вашей школы - чем много утешите Надежду Опочинину". На конверте почтовый штамп "4 марта 1864 года".

Неизвестно, какими талантами обладала Надежда Петровна, но это письмо убеждает в том, что она была поклонницей искусств, а особенно музыки. Многие новые произведения молодых композиторов впервые исполнялись в Инженерном замке на так называемых "опочининских субботах".

В годы после отмены крепостного права передовые люди России - писатели, художники, музыканты - проявляли огромный интерес к культуре и истории своего народа. Академик Б. В. Асафьев назвал этот период "великим русским Возрождением".

М. П. Мусоргский, боготворивший Гоголя, еще летом, когда гостил у брата в деревне, написал первый акт "Женитьбы". Премьера оперы состоялась в домашнем театре, в кругу близких и друзей. Н. Н. Пургольд, будущая жена Н. А. Римского-Корсакова, аккомпанировала на фортепьяно. Ее сестра Александра Николаевна пела партию свахи Феклы. Генерал К. Н. Вельяминов исполнил роль лакея Степана, сам Модест Петрович выступал в роли Подколесина. А. С. Даргомыжский выбрал для себя партию Кочкарева и исполнял ее с увлечением, сам же хохотал до слез, восхищаясь остроумием и выразительностью музыки.

В. В. Стасов писал, что репетиция и исполнение сопровождались непрерывным хохотом, "так верны были поминутно, на каждом шагу комические интонации гоголевской гениальной комедии". Но Мусоргский не стал продолжать работу над "Женитьбой", так как считал ее

лишь опытом, упражнением, чтобы "постигнуть изгибы человеческой речи в... ее непосредственном, правдивом изложении". Этот опыт пригодился композитору, как он выразился, подойти ближе "к заветной жизненной цели".

На одном из таких музыкальных вечеров Мусоргский познакомился с В. В. Никольским, блестящим знатоком Пушкина, и тот посоветовал написать оперу "Борис Годунов". Сестра М. И. Глинки - Людмила Ивановна Шестакова преподнесла Модесту Петровичу том Пушкина, где между страницами трагедии были вклеены чистые листы. На одном из них композитор написал: "Задумано в осень 1868 г."

Мусоргский вдохновенно принялся за работу. Опочинины создали ему самые благоприятные условия. Стасов жаловался Н. А. Римскому-Корсакову: "Мусорянина, разумеется, никакими пряниками не вытащишь из берлоги". А Модест Петрович покидал дом Опочининых только на время службы, но и там старался выкроить часок-другой, чтобы начисто переписать либретто оперы. В это время, по словам композитора, он "жил "Борисом" в "Борисе"...".

Летом 1869 года Мусоргский закончил оперу и принес рукопись к Л. И. Шестаковой. На старинном рояле Глинки он проиграл сочинение и один спел все вокальные партии.

Позже в квартире Опочининых оперу помогали исполнять родственники и друзья, и они пришли в восторг от музыки. Всю зиму Модест Петрович занимался оркестровкой "Бориса Годунова", а весной отнес либретто и клавир в дирекцию императорских театров. Несколько месяцев он ждал ответа. Это было самое мучительное время, полное тревог и сомнений.

Комитет не одобрил оперу к постановке. Как же могло произойти, что специалисты не признали "Бориса Годунова"? Дело в том, что в составе комитета находились дирижеры балета, водевилей, оперетты, в основном иностранцы: Маурера, Волчек, Манжана, Гетц, Ферреро. Никто из них не понял гениального новаторства Мусоргского. Только главный дирижер театра Э. Ф. Направник, "чуткий к хорошему новому, к драматической правде", один из семи членов комитета "стоял горю" за Мусоргского. Официально же оперу отклонили из-за того, что в ней не было значительных женских партий и отсутствовала столь привычная публике любовная интрига. Мусоргский мужественно перенес этот удар и, когда ему возвратили рукопись, сразу же засел за работу.

В августе 1871 года Модест Петрович переезжает от Опочининых в меблированные комнаты дома Зарембы, ныне на улице Пестеля. К нему поселяется и Н. А. Римский-Корсаков. В "Летописи моей музыкальной жизни" Николай Андреевич напишет: "Наше житье с Модестом было, я полагаю, единственным примером совместного житья двух композиторов".

Римский-Корсаков в это время сочинял "Псковитянку", и Мусоргский, как коренной житель земли псковской, помогал ему и советом, и делом. Он написал две песни для хора девушек "Из-под холмика под зеленого" и "Ах ты, дубрава-дубравушка". Модест Петрович продолжал и свою работу над "Борисом Годуновым": написал блестящий "польский акт" с Мариной Мнишек и Самозванцем, песню корчмарки, обновил сцену в царском тереме.

Мусоргский пользовался роялем до обеда, а когда уходил на службу, его место занимал Римский-Корсаков. А. П. Бородин, часто заходивший к своим друзьям, писал жене: ""Борис", по-моему, сильнее "Псковитянки", хотя последняя более богата чисто музыкальными

красотами".

К молодым композиторам часто приходил В. В. Стасов. Он был самым ранним гостем, входил с шумом, будил Мусоргского и Римского-Корсакова, подавал им умыться, одежду, и все вместе начинали пить чай с любимым швейцарским сыром. А потом, как писал Владимир Васильевич, принимались "за наше главное и любезное дело - музыку".

После службы Модест Петрович по-прежнему ходил обедать к Опочининым. Но скоро эта налаженная счастливая жизнь закончилась - в июне 1872 года Римский-Корсаков женился на Н. Н. Пургольд. С этого времени для Мусоргского наступает трудный период одиночества, и, как отметят биографы, "это одна из основных причин его душевного надлома".

Постановка "Бориса Годунова" все затягивалась, хотя официального запрета на оперу не было. В апреле 1872 года в Крыму, в Ливадийском дворце, Александр II на докладе главного управления по делам печати наложил резолюцию - "согласен". Но оперный комитет продолжал стоять на своем. В то же время отрывки из "Бориса Годунова" начали исполнять известные артисты. Первая звезда Мариинки Ю. Ф. Платонова больше всех хлопотала за Мусоргского. Певица категорически потребовала поставить "Бориса" и пригрозила, что она иначе уйдет из театра. Директор императорских театров С. А. Геденов, земляк Мусоргского, приказал готовить оперу к постановке вопреки мнению комитета.

В 1874 году в Петербурге появились афиши: "На Мариинском театре в воскресенье 27 января в пользу г-жи Платоновой в 1-й раз "Борис Годунов". Опера в пяти действиях М. Мусоргского".

Накануне премьеры Модест Петрович провел ночь без сна у своего молодого друга и дальнего родственника поэта А. А. Голенищева-Кутузова.

Все билеты были распроданы за четыре дня до представления, несмотря на тройные цены. На премьеру собралось самое представительное общество столицы. Присутствовали брат царя - великий князь Константин Николаевич с сыном Константином, поэтом.

Успех оперы был огромный. Мусоргского вызывали на сцену около 20 раз. Но почти сразу же после премьеры оперу начали ругать в печати. Композитор жаловался Стасову: "Так, стало быть, надо было появиться "Борису", чтобы людей показать и себя посмотреть. Тон статьи Кюи ненавистен... За этим безумным нападением, за этою заведомою ложью я ничего не вижу, словно мыльная вода разлилась в воздухе и предметы застилает".

Модест Петрович особенно страдал из-за того, что прежние соратники Кюи и Римский-Корсаков отреклись "от заветов искусства - по правде беседовать с людьми" и обернулись в "бездушных изменников".

На одном из музыкальных вечеров Мусоргский играл новые сочинения из "Хованщины". "Жалко было смотреть, как присутствующие (особенно Кюи) беспрестанно приставали к нему с предложением различных урезок, изменений, сокращений... Так трепать и крошить новое, только зародившееся произведение, и крошить не с глазу на глаз, а публично, при всем обществе, не только верх бестактности, а прямо-таки акт жестокосердия", - записал в своем дневнике литератор и музыкант И. Ф. Тюменев.

Переживания Мусоргского усиливали трагические обстоятельства личной жизни. Умер чуткий и верный друг - архитектор Виктор Гартман, уехал за границу В. В. Стасов, перебрался в деревню, а позже женился А. Голенищев-Кутузов, и Модест Петрович лишился последнего родственного приюта. Об этом он с горечью писал Стасову: "Один останусь - и останусь один. Ведь умирать-то одному придется...".

Самым большим ударом для Мусоргского после потери матери стала смерть Надежды Петровны Опочининой. В этом убеждает посвященное ей "надгробное письмо":

Когда кончиной матери
любимой,
Всякою житейскою невзгодой
Отброшенный от очага родного,
Разбитый, злой, измученный,
Я робко, тревожно, как
пуганный ребенок,
В Вашу святую душу постучался...
Искал спасенья...

Письмо не завершено, но из него видно, как страдал Модест Петрович:

О, если бы могли постигнуть Вашу душу
Все те, кому, я знаю, дик
мой вопль безумный...

Да, в это время Модест Петрович остался без дружеской поддержки, родственной опоры, без сочувствия и понимания близких. Музыковед и композитор М. М. Иванов писал: "Он был всегда одинок, и это одиночество очень чувствовала его мягкая и нежная натура. Всякая ласка, всякое доброе слово, сказанное ему в этот период его жизни, его глубоко трогали. Но ласка и утешливые слова выпадали ему лишь мимоходом. Seriously никто о нем не думал, и в большом городе он чувствовал себя безусловно одиноким".

В октябре 1982 года Т. Г. Мусоргская писала мне: "Смотрю на портрет Модеста Петровича и много-много думаю, и жаль его до слез. И понятно мне теперь отношение к нему со стороны моей крестной и папы. Это были добрые и чуткие люди, и не могли они не чувствовать вины перед Модестом Петровичем за их очень эгоистичную матушку и отца, который был весь под ее влиянием. Нельзя было оставить одиноким Модеста Петровича, они должны были создать такую обстановку, чтобы он не был заброшенным. Но воспитаны моя дорогая крестная и папа так, что "ни словом, ни делом, ни помышлением" не могли выразить какое-то осуждение своим родителям".

Думается, что при сложившихся обстоятельствах последних лет жизни композитора вряд ли помогла бы даже самая сердечная забота старшего брата и его жены. Тем более на расстоянии: ведь Модест Петрович был привязан к Петербургу творчеством и жить с братом в Москве не мог. А спасти от одиночества и заброшенности могла только своя семья - надежная, прочная, понимающая. Почему же Модест Петрович остался одиноким? Это тема отдельного исследования, новых поисков.

В январе 1880 года Мусоргский отчислен с последней службы и, как указывает Стасов, "остался без места и без всяких средств". Модест Петрович становится рядовым

аккомпаниатором в частной школе пения, которую открыла ученица М. И. Глинки - певица Д. М. Леонова. Средств для жизни все равно не хватает, и автор "Бориса Годунова" в той же роли маэстро выступает на вечерах в гостинице.

Мусоргскому негде жить, и Леонова приютила его вначале на своей даче, а потом на квартире в Петербурге. И в это трудное время композитор продолжает выступать в благотворительных концертах в пользу неимущих студентов и различных бесплатных курсов. "Будучи сам беден как Иов, когда дело касалось благотворительности, все-таки за труд никогда не брал денег",- вспоминал любитель музыки врач Бертенсон.

Предпоследнее публичное выступление Мусоргского состоялось на литературном вечере в память Ф. М. Достоевского. По воспоминаниям очевидцев, Модест Петрович вышел на сцену, когда вынесли портрет писателя в траурном окаймлении, и, сев за рояль, симпровизировал похоронный звон - такой же, как в заключительной сцене "Бориса Годунова". Этот концерт был его последним "прости" не только усопшему певцу униженных и оскорбленных, но и всем живым.

Через неделю Мусоргский после тяжелого приступа был помещен в Николаевский госпиталь. Когда состояние здоровья временно улучшилось, он продолжал работать. В палате на столике лежали книги, и среди них трактат Г. Берлиоза "Об инструментовке". За эти четыре мартовских дня И. Е. Репин написал знаменитый портрет Мусоргского. Илья Ефимович писал, что "готовился день именин Модеста Петровича". В воскресенье 15 марта, накануне дня рождения, Мусоргскому стало лучше, и надежда на жизнь обрадовала и приободрила его. Но в понедельник под утро состояние снова ухудшилось. Сиделки и два фельдшера, дежурившие у больного, слышали, как он вскрикнул: "Все кончено. Ах я несчастный!". В пять часов утра перестало биться сердце Мусоргского.

На другой день газеты напечатали некрологи. Отпевание состоялось в Духовской церкви. Священник в проповеди говорил "о силе музыки и ее благотворном влиянии на душу, на прогресс всего общества в смысле добра и любви". Церковь была заполнена народом, друзья и почитатели композитора по обычаю держали в руках горящие свечи. После отпевания, в котором принял участие соборный архимандрит, покойного несли на руках друзья. Когда опускали гроб, повалил хлопьями мокрый снег, приглушая звон колоколов.

Похоронили Мусоргского в нескольких шагах от могил Глинки и Даргомыжского.

Через два дня Л. И. Шестакова писала Стасову: Для меня Мусоргский будет жить вечно не только как автор "Бориса", но как редкий, добрый, честный и задушевный человек... Я больна и не выхожу, и понятно, что мой первый выход будет на могилу Мусоргского".

Днем раньше Репин отправил Стасову деньги на памятник композитору, полученные им от Третьякова за портрет Мусоргского.

Римский-Корсаков увиделся с братом Мусоргского Филаретом Петровичем, и тот сказал, что "охотно продаст симфонии, которые вышлет из деревни, а деньги отдаст бесплатной школе".

В эти дни проходили концерты в память Мусоргского, и часть сборов шла на памятник. В конце траурного года в Мариинском театре была дана опера "Борис Годунов". "В течение спектакля я несколько раз наблюдал, как А. П. Бородин смахивал набегавшую слезу; а сцену смерти Бориса от волнения он не смог слушать и вышел из ложи",- свидетельствует

М. М. Ипполитов-Иванов.

В 1885 году был открыт памятник Мусоргскому. Средства на его создание, по предложению Репина, собрали друзья и поклонники композитора. Портрет-горельеф сверху памятника высечен был из камня по модели, изготовленной молодым скульптором Гинцбургом при участии Репина и Антокольского. Памятник окружала оригинальная изящная решетка, составленная из нотных линеек, на которых золотыми нотами написано несколько тем из сочинений композитора. "Из железа же ноты выкованы, в первый раз, на решетке памятника Мусоргскому по моему же предложению",- писал Стасов.

В 1930-е годы на месте захоронения решили устроить площадь. Памятник был передвинут от могилы, уникальная решетка разобрана и уничтожена. Со священных могил были перенесены на пустое место также надгробные памятники Бородину, Римскому-Корсакову, Балакиреву...

В Александро-Невской лавре побывали каревские и наумовские старушки. По старой традиции поплакали по "горемыке" Модесту Петровичу, поставили в храме свечку за упокой его души. Земляки Мусоргского, бывая в Ленинграде, приходят к памятнику, оставляют цветы.

В последние годы на родину Мусоргского приезжает все больше поклонников композитора из всех уголков страны. Среди туристов встречаются и "знатоки", которые комментируют высказывание Н. А. Римского-Корсакова о том, что Мусоргский любил "проконьячиться". Подобный разговор, да еще в соответственном тоне заводят чаще всего обыватели, коим хочется хоть в чем-то приравняться к великим именам. Бестактное, поверхностное толкование трагического периода жизни композитора встречается и в иных современных публикациях.

Люди, окружавшие Мусоргского, оставили по этому поводу разные воспоминания. Одни обвиняли "недостойных вновь приобретенных знакомых и приятелей", в компании которых Модест Петрович засиживался в ресторане "Малый Ярославец". Другие, наоборот, утверждали, что здесь он "искал забвения среди немногих искренних друзей". Третьи тревожились: "Неужели все талантливые музыканты русские должны кончать так, как Глинка?". Конечно, из биографии Мусоргского этот факт не вычеркнешь, но время обязывает нас правильно понять, почему произошла беда.

Георгий Свиридов в беседе с Евгением Нестеренко говорил, что Мусоргский мучился и, прибегая к вину, хотел приглушить свои страдания. А страдал он как никто из композиторов, потому что обладал сверхчуткостью, редким даром проникать в глубины человеческой души. И этот гений чуткости в последние годы был лишен не только сочувствия со стороны близких, но и элементарного понимания. Как человек Модест Петрович не перенес жестоких ударов судьбы, но как композитор он выразил свои страдания в творчестве, нашел "подступ к человеческим скорбям" и сказал людям "новое слово дружбы и любви".

После смерти композитора минуло больше века, и сбылись его слова: "Художник верит в будущее, потому что живет в нем". Мусоргский приблизился, стал еще понятнее, и, как считают музыковеды, он - современнейший из современных композиторов, у которого "каждая нота на вес золота". Подтвердились и слова А. В. Луначарского о том, что Мусоргский "не только над русскими оперными композиторами, но и над композиторами

всего мира - возвышается". Солистка знаменитого миланского театра "Ла Скала", первая звезда оперной сцены Мирелла Френи, сказала, что, если бы ей предложили взять на необитаемый остров самую лучшую оперу, она бы выбрала "Бориса Годунова" Мусоргского, потому что это "верх совершенства". О том, что Мусоргский - самый почитаемый русский композитор за рубежом, говорили и наши соотечественники Евгений Нестеренко, Елена Образцова, Артур Эйзен.

Откуда же такое всепонимание великого сына России? Ответить на это можно словами М. П. Мусоргского: "Крест на себя наложил я и с поднятою головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадою и его горем и страдою". Мусоргский не только отразил в своих драмах самые сложные периоды страны, но и как гений предвидел грядущие испытания России. Вспомним, в первом действии "Хованщины" хор пришлых людей поет: "Ох ты, родная матушка Русь, нет тебе покоя, нет пути...". Голосом народа композитор высказывает свою боль: Русь гнетут не враги злые непрошеные, а свои единовластные правители и навязанная ими безнравственная система. А потому во все времена монархи одних делали палачами, других виновными, третьих лицемерными подпевалами. И такая порочная система порождала с одной стороны тупость и чванливость чиновников, а с другой - забитость, апатию, пассивное послушание, утрату гражданственности и бездуховность народа.

В конце жизни Модест Петрович придет к твердому убеждению: "Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель". Беседа Мусоргского, его слово и музыка учат людей планеты совестливости, состраданию, вечной и необходимой мудрости - умению понимать друг друга.

Колыбелью этого всепонимания, этой гениальной чуткости Мусоргского стала его родина, земля псковская, о которой он писал: "Как меня тянуло и тянет к этим родным полям". И потому теперь тропинка на родину композитора, проложенная первыми его поклонниками, превращается в широкую дорогу. Земля М. П. Мусоргского, как и пушкинское Святогорье, названное страной поэзии, становится страной музыки. А каревское эхо звучит на всей планете.

Список основных документов, обнаруженных автором в Великолукском филиале Госархива Псковской области

1. Подлинная запись о рождении М. П. Мусоргского - ф. 39, оп. 20. ед. хр. 220, л. 1381.
2. Подлинная запись о бракосочетании бабушки и деда композитора - ф. 39, оп. 20, ед. хр. 209.
3. Подлинная запись о бракосочетании родителей композитора - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4746.
4. Сведения о погосте Пошивкино и церкви Одигитрии, где был крещен М. П. Мусоргский, - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 1299.
5. Сведения о селе Кареве и его жителях - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4147, 4150, 4161; там же, оп. 20, ед. хр. 1; ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1187, 1365, 1906; ф. 110, оп. 1, ед. хр. 611.
6. Сведения о владении сельцом Каревом в 1870 г. М. П. Мусоргским - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 1302.
7. Сведения о родовом имении Полутине и фамильной церкви Мусоргских на погосте Золовье - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 1302, 1303, 1455.
8. Сведения о селе Наумове - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 194, 1446, 4123; там же, оп. 20, ед. хр. 2; ф. 110, оп. 1, ед. хр. 1107; ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1901; ф. 55, оп. 1, ед. хр. 356 (обнаружены И. Б. Голубевой).
9. Сведения о деревне Юрьеве и о бабушке композитора - ф. 39, оп. 1, ед. хр. 189, 1294, 4123, 4133, 4146, 4147, 4150; там же, оп. 3, ед. хр. 86; оп. 7, ед. хр. 82; оп. 20, ед. хр. 189, 211; ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1744.